

Государственное научное бюджетное учреждение
«Академия наук Республики Татарстан»
обособленное структурное подразделение «Институт археологии
им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан»

На правах рукописи

Урбушев Айдын Урматович

**Наскальное искусство Горного Алтая
эпохи раннего средневековья**

5.6.3 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Ситдигов Айрат Габитович

Казань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Историография изучения памятников наскального искусства Горного Алтая.....	22
1.1. Исследования наскальных изображений и Горного Алтая в XIX – начале XX веков	23
1.2. Изучение петроглифов и выделение раннесредневекового пласта (1920-е – 1980-е годы).....	31
1.3. Современный этап исследований раннесредневековых петроглифов (с 1990-х годов до настоящего времени)	39
Глава 2. Локально-топографические характеристики памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья..	51
2.1. Юго-Восточный Алтай	57
2.2. Восточный Алтай.....	69
2.3. Центральный Алтай.....	75
2.4. Западный Алтай	94
Глава 3. Сюжетно-стилистический анализ и семантика петроглифов Горного Алтая эпохи раннего средневековья	98
3.1. Стилистические особенности и вопросы хронологии	101
3.2. Семантика образов и сюжетов	111
3.3. Эволюция наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья	123
Заключение.....	139
Список источников и литературы.....	142
Список сокращений.....	167
Таблицы	169
Диаграммы	171
Иллюстрации	172

Введение

Актуальность исследования. Изображения, выполненные на природных скальных выходах и валунах при помощи различных способов, связанных с удалением скальной поверхности (пикетаж, гравировка, шлифовка или сочетание этих техник) и называемые петроглифами, являются важнейшим источником по реконструкции и изучению мировоззренческой, хозяйственной, бытовой сторон жизнедеятельности, а также военных и охотничьих действий древнего и средневекового общества. Ко многим из этих изображений в силу их художественной значимости и выразительности может быть применен термин «наскальное искусство». В далекие предписьменные времена именно петроглифы, благодаря демонстрации понятного и доступного современникам визуального ряда, служили своеобразным средством сохранения и передачи информации, а с появлением письменности могли выступать в качестве замены текста или напротив усиления его путем иллюстрирования. Для Горного Алтая периода раннего средневековья петроглифические изображения, по сравнению с художественными изображениями на предметах торевтики, костяных изделиях и других материалах, имеют количественное преимущество, а также отличаются значительным разнообразием изобразительных форм, сцен и сюжетов. В них нашли отражение сюжеты эпитафийной лирики и эпических произведений раннесредневековых тюрков.

Памятники наскального искусства Горного Алтая имеют более чем двухсотлетнюю историю изучения. Первоначально петроглифы практически не рассматривались в качестве объекта глубокого научного исследования. Хотя и отмечалась необходимость их фиксации и сохранения, исследователи видели в них примитивные изображения, не имеющие особого смысла¹. По

¹ Миллер Г.Ф. О сибирских надписях //Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1 - М.: Восточная литература, 1999. С. 519-534.

мере накопления достоверных сведений о наскальных рисунках, совершенствования методов их фиксации и изучения, мнение об этих памятниках изменялось. Современные исследования подтверждают, что наскальное искусство является важным археологическим источником, способный осветить разные стороны древнего и средневекового социума.

Наскальные изображения раннего средневековья на территории Горного Алтая, в частности, и Центральной Азии, в целом, в большинстве случаев представлены батальными, охотничьими сценами, которые отражают разнообразные тактики ведения боя, особенности родов войск, виды охоты и показывают мастерство древнетюркских воинов и охотников. Не менее распространены изображения диких животных, мирно обитающих в своей естественной природной среде. Ввиду своей немногочисленности и, как следствие, меньшей изученности, особый интерес представляют сцены и сюжеты, связанные с мировоззренческой или бытовой стороной жизнедеятельности раннесредневекового населения Горного Алтая.

Своеобразие данных изображений как памятников наскального искусства эпохи раннего средневековья Горного Алтая может быть определено путем выявления и определения их стилистических и сюжетно-семантических особенностей. Не менее важны попытки более узкой культурно-хронологической атрибуции этих объектов методами сравнительно-типологического изучения, что позволяет отнести изображения к определенным этапам развития древнетюркской истории и расширить наши представления об исторических процессах и культурной составляющей социума того времени. Такие возможности осуществляются путем конкретного сравнения изображенных реалий с вещественными материалами из археологических памятников, погребальных комплексов региона, относящихся к эпохе раннего средневековья.

Данные исследования носят актуальный характер, так как позволяют рассмотреть и проанализировать совокупность наскальных изображений

Горного Алтая с одной стороны, как проявление историко-культурного наследия и важный источник научной информации о конкретных особенностях материальной и духовной культуры региона и связанного с ним населения, с другой – как его художественное достояние.

Объектом настоящего исследования являются петроглифы Горного Алтая.

Предметом исследования стали наскальные изображения Горного Алтая эпохи раннего средневековья, рассматриваемые как объект археологического наследия, отражающий семантико-стилистическое содержание и часть мировоззренческой системы населения той эпохи.

Цель исследования – охарактеризовать наскальные изображения Горного Алтая эпохи раннего средневековья как объектов археологии для выявления их особенностей, определения художественных традиций и узкой культурно-хронологической атрибуции.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать этапы историко-археологического изучения памятников наскального искусства Горного Алтая, оценив состояние источниковой базы для выявления ключевых проблем в их изучении;
2. Выявить локально-топографические особенности памятников наскального искусства Горного Алтая в их историко-культурном ландшафте;
3. Провести сюжетно-стилистический анализ петроглифов Горного Алтая эпохи раннего средневековья, сравнив их с наскальными изображениями сопредельных территорий и данными письменных.
4. Провести семантический анализ петроглифов Горного Алтая эпохи раннего средневековья с учетом сведений исторических и археологических источников.
5. Определить основные тенденции художественных традиций наскального искусства в контексте развития древнетюркской археологической культуры региона.

Хронологические рамки охватывают период эпохи раннего средневековья с VI по X века н.э. Данный период в регионе связан с возникновением и существованием древнетюркской археологической культуры, связанной с формированием и развитием государственных образований тюркоязычных племен – каганатов. Первым из каганатов стал Великий Тюркский каганат, образовавшийся в 552 году в результате объединения племен, получивший название «Тюрк». Далее этот каганат раскололся на Западный и Восточный, а эти части неоднократно переформировывались. В 744 году последний II Восточный Тюркский каганат пал. Тюрки вошли в состав других тюркоязычных государств – Уйгурского, а в последствии и Кыргызского каганата. Последнее упоминание о тюрках содержится в китайских летописях 941 года². Именно в этот, т.н. древнетюркский период (вторая половина I тыс. н.э.), были созданы рассматривающийся в настоящей работе наскальные изображения.

Территориальные рамки исследования определяются границами Горного Алтая, которые ограничиваются южными отрогами Катунского хребта на юго-западе, южными окраинами Плато Укок на юге, южными отрогами Южно-Чуйского хребта на юго-востоке, Шапшальским и Корбинским хребтами на востоке, хребтом Бийская грива на северо-востоке и севере, северными отрогами Чергинского хребта на северо-западе и Коргонским хребтом на западе. В обозначенных территориальных рамках объекты наскального искусства рассмотрены в соответствии с делением региона на физико-географические провинции³. В этой связи выделены следующие зоны изучения памятников: Юго-Восточный Алтай, Восточный Алтай, Центральный Алтай, Западный Алтай. Исходя из задач исследования

² История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 322-325; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 73-74.

³ Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: БГПИ, 1987. С. 88-89

название «Алтай» в данной работе использовано исключительно в рамках заявленных выше границ, и не подразумевает привязку к географии Большого Алтая, территориально определяемого в пределах всех Алтайских гор.

Источниковая база. В работе исследуются петроглифические изображения на скальных плоскостях и на отдельных каменных плитках, представляющие собой памятники наскального искусства. В качестве материалов для сравнительного анализа привлечены изображения на предметах материальной культуры, полученных в результате археологического изучения Горного Алтая. В работе также использованы группы источников из публикаций и архивных материалов, содержащие в той или иной форме информацию о памятниках наскального искусства: изображения (прорисовки и фотографии) композиций и отдельных фигур; текстовые описания; топографические материалы (карты, планы памятников и спутниковые снимки).

Первая группа источников – материалы, полученные в ходе самостоятельных полевых исследований автора на 16 памятниках наскального искусства эпохи раннего средневековья – Елангаш, Чаганка, Жалгыз-Тобе, Кургак, Дялбак, Калбак-Таш I, Калбак-Таш II, Апшиякта, Ак-Кая, Бичикту-Бом, Дьяан-Кобы, Торгун, Сетерлю-1, Талда, Туекта и Усть-Кан⁴. Перечисленные выше памятники содержали 91 скальную плоскость с изображениями. Эта группа источников включает в себя комплекс данных о петроглифических памятниках и отдельных плоскостях на них – видовые и детальные фотографии памятников и плоскостей с изображениями; прорисовки плоскостей с изображениями; текстовые описания памятников и изображений; пространственные данные (данные глобального

⁴ Урбушев А.У. Отчет об археологических разведках в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2021 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.489; Урбушев А.У. Отчет об археологических разведках в Онгудайском и Улаганском районах Республики Алтай в 2023 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.490.

позиционирования, картографические материалы, ситуационные и топографические планы)⁵.

К этой же группе источников также можно отнести исследованный автором фрагмент скальной плоскости с петроглифами, хранящийся в настоящее время в собрании Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Это каменная плита с петроглифами из памятника Бичикту-Бом. Плита откололась от скального массива памятника и в 1972-1973 годах для ее сохранения перевезена в музей директором Л.А. Давыдовой⁶.

Большую часть источников исследования составляют результаты изучения петроглифов, отраженные в научных публикациях, а также в архивных материалах. В данном диссертационном исследовании были использованы отчеты о полевых археологических работах А.П. Окладникова⁷, А.С. Васютина⁸, Н.А. Константинова⁹ и В.И. Соенова¹⁰, хранящиеся в архивах Горно-Алтайского государственного университета и Института археологии Российской академии наук.

Результаты исследований памятников тюркского времени отражены в публикациях таких исследователей как, В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев, Д.В.

⁵ Урбушев А.У. Фотографии и прорисовки наскальных изображений Горного Алтая из экспедиций А.У. Урбушева в 2018-2023 годах // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.28. Оп.1. Д.2-34.

⁶ Коллекции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Фонд НМРА. №10353/3.

⁷ Окладников А.П. Отчет о наблюдениях над писаницами на Горном Алтае в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2239.

⁸ Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. 105 л. // Архив ИА РАН. Р-1. №8571.

⁹ Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47826; Константинов Н.А. Отчет об аварийных раскопках на могильниках Курайка-2 и Талдура II и археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 52100; Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57296.

¹⁰ Соенов В.И. Отчет об археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 52941.

Черемисин, А.А. Гаврилова, С.И. Руденко, А.Н. Глухов, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, А.И. Мартынов, Р.М. Еркинова, В.Н. Елин, В.А. Некрасов¹¹.

В качестве источника, позволяющего зафиксировать ценностное значение и степень сохранности изображений, в рамках проведенного исследования также использовалась учетная документация органа охраны памятников. В перечнях объектов историко-культурного наследия, состоящих на государственном учете, выставленных на сайте Инспекции по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай содержатся каталожные сведения об объектах историко-культурного наследия, в том числе имеются данные о 16 памятниках наскального искусства

¹¹ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. Рис. 2-5, 384, 464, 414, 598; Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. Рис. 8-1; Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. Рис. 3; Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. Рис. 3, 4; Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). Рис. 3, 7-9, 10, 11-14 18, 19; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. с. 114, табл II; Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. Рис. 18; Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2011. Вып. VII. Рис. 2; Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устью-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В.В. Бобров, И.Д. Русакова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. Рис. 6, 8, 9; Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Рис. 488; Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gornu Altai // International Newsletter On Rock Art. 1995. №10. Fig. 3; Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. Рис. 1.

раннего средневековья, включенных в список выявленных, и 8 памятниках, включенных в список объектов федерального значения¹².

Одним из важных источников для разработки темы являются эстампажные микалентные копии петроглифов наскальных рисунков памятников Центрального Алтая, хранящиеся в Кузбасском музее-заповеднике «Томская писаница» (КМЗТП). Автором использованы их оцифрованные копии, которые опубликованы на портале Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации: четыре эстампажа с памятников Калбак-Таш и Бичикту-Бом, на которых фиксируются раннесредневековые изображения¹³.

Важной составляющей исследования являются материалы этнографической экспедиции Русского музея, полученные в первой половине XX в. в ходе раскопок могильника Кудырге (Восточный Алтай), относящегося к археологической культуре тюрок второй половины V – первой половины

¹² Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации федерального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-ob-ektov-federalnogo-znacheniya> (дата обращения: 21.11.2023); Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2020 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-vyyavlennykh-ob-ektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 21.11.2023).

¹³ Копия с местонахождения Калбак-Таш (Алтай) [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 7305. ПФ 2313. 2002. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10764580> (дата обращения 29.11.2023); Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4063. ПФ 899. 1992. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984710> (дата обращения 29.11.2023); Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4062. ПФ 898. 1993. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984484> (дата обращения 29.11.2023); Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4705. ПФ 925. 1993б. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11026312> (дата обращения 29.11.2023).

VII в. н.э., а также содержащего захоронения монгольского времени XIII–XIV вв. н.э.¹⁴. Это изображения, выгравированные на роговых накладках на луку седла (могила 9), хранящихся в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербург, а также рисунки на ныне утраченном «Кудыргинском валуне» (могила 16) сыграли важнейшую роль для атрибуции тюркского наскального искусства и остаются в силу своей уникальности важнейшими изобразительными источниками¹⁵.

Для пространственного анализа и локализации памятников наскального искусства использовались геологические карты СССР¹⁶, аэрокосмические снимки¹⁷, а также данные воздушной фотограмметрии, полученные автором непосредственно во время полевых исследований. Пространственные данные использовались комплексно в программах, предназначенных для работы с ГИС.

Степень изученности темы. Впервые наскальные изображения на территории Горного Алтая упоминаются в работах Г. И. Спасского (1825)¹⁸. В истории изучения этих объектов, как памятников наскального искусства в целом и, тюркского периода, в частности выделяются три основных этапа.

Первый этап включает период с начала XIX в. до начала XX в. Он характеризуется работами Г. И. Спасского, В. В. Радлова, А. В. Адрианова, М.

¹⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965; Серегин Н.Н., Васютин А.С. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 84 - 100.

¹⁵ Обложка передней луки седла с резными изображениями [Электронный ресурс] // Архив Эрмитажного собрания. 4150-126. Государственный Эрмитаж [сайт]. URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+archaeological+artifacts/3494403> (дата обращения 23.05.2024); Гаврилова А.А. Указ. соч. Табл. VI-2.

¹⁶ Геологическая карта СССР. Лист М–45–VII; Геологическая карта СССР. Лист М–45–VIII; Геологическая карта СССР. Лист М–45–XI; Геологическая карта СССР. Лист М–45–XV; Геологическая карта СССР. Лист М–45–XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М–45– XXIX.

¹⁷ Урбушев А.У. Фотографии и прорисовки наскальных изображений Горного Алтая из экспедиций А.У. Урбушева в 2018-2023 годах // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.28. Оп.1. Д.2-34.

¹⁸ Спасский Г.И. Азиатский вестник. Январь – июнь. – СПб: Типография Медицинского департамента МВД, 1825. С. 300-301.

А. Брецинского, С.И. Гуляева и др., которые наряду с изучением иных древностей региона фиксировали также изображения и надписи на т.н. “писаных скалах”, накапливая таким образом сведения для их дальнейшего изучения. Эти работы в основном носили спорадический характер, материалы второй половины I тыс., соотносимые с тюркским временем не выделялись. Господствующей теорией являлось соотнесение изображений на алтайских скалах с творениями т.н. «чудского» финно-угорского народа¹⁹. К концу рассматриваемого периода исследования начинали носить более узконаправленный характер. Г. И. Спасский, а затем С.И. Гуляев, опираясь, прежде всего, на анализ археологических материалов Алтая, подвергли сомнению финскую принадлежность алтайских древностей, предполагая, что памятники археологического наследия принадлежат не финно-угорским племенам, а тюркам, которые жили на Алтае и чьи потомки населяют эту местность сегодня²⁰. В это время был заложен базис для последующего выделения и изучения петроглифов раннего средневековья.

Второй этап изучения раннесредневековых петроглифов Горного Алтая отнесится ко времени с 1920-х по 1980-е гг. Его нижняя граница связана с открытием и археологическим изучением могильника Кудыргэ, что позволило получить материалы для достоверного датирования и этнокультурной атрибуции раннетюркских наскальных изображений региона. Находки в погребальных комплексах некрополя предметов с изображениями вызвали наибольший интерес у исследователей. Были выдвинуты теории об изображении тут шаманского обряда, социальной дифференциации внутри одного социума или межплеменных отношениях²¹. В совокупности со всем погребальным инвентарем из Кудыргэ археологам удалось датировать этот

¹⁹ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 17

²⁰ Там же. С. 68

²¹ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е издание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 92; Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 19; Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб, 2010. С. 12-22, 45-51.

могильник тюркским временем (VII век н.э.)²². Таким образом, был получен первый опыт датировки гравированных изображений в соответствие со своеобразной региональной изобразительной традицией раннего средневековья. Наскальное искусство раннесредневековой эпохи в этой связи приобретало все большее мировоззренческое толкование.

В 1930-х годах исследования, проведенные С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой, заложили основы для классификации раннесредневековых алтайских памятников²³. Позднее А.И. Минорский начал определять закономерности размещения памятников и дал их художественную характеристику²⁴. Л.А. Евтюхова стала выделять наскальные изображения раннего средневековья Горного Алтая, сравнивая их с изображениями на скалах Сулекской писаницы в соседней Минусинской котловине²⁵.

В 40-х годах XX века А.А. Гаврилова, продолжив работы на Кудыргинском могильнике, разработала периодизацию памятников раннего средневековья и монгольского времени, по представленным на них реалиям различных видов вооружения и конского снаряжения, которая используется до сих пор²⁶. Таким образом, у исследователей появилась возможность соотнесения наскальных изображений раннего средневековья с более узкими культурно-хронологическими этапами.

В 1960-1980-е годы интерес к изучению памятников наскального искусства увеличился. Исследования древнетюркских изображений этих лет и

²² Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 50.

²³ Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. Москва: ИА РАН, 1941. Вып. XVI. с. 75-117.

²⁴ Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. С. 184-188.

²⁵ Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. С. 189-190.

²⁶ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. Табл. 2.

до настоящего времени связано с именами таких исследователей, как В.Д. Кубарев, Д.Г. Савинов, А.П. Окладников, Е.А. Окладникова, А.И. Мартынов, В.Д. Черемисин, Е.А. Миклашевич и др.

Начало **третьего периода** относится к концу 1990-х годов, когда памятники раннесредневекового периода начали выявляться и исследоваться целенаправленно. В работах Г.В. Кубарева, комплексно подходившего к изучению древнетюркских погребальных памятников, в качестве дополнительных источников привлекались наскальные изображения²⁷. Им исследовались в основном тюркские памятники наскального искусства Юго-Восточного и Центрального Алтая²⁸, немало внимания уделялось и руническим надписям, которые информационно дополнили изображения на скалах²⁹.

Таким образом, следует отметить, что формирование серьезного научного интереса к тюркским изобразительным древностям Горного Алтая, происходило постепенно, на протяжении более двух столетий, и было неразрывно связано не только с накоплением банка данных самих изображений, но и с расширением археологического изучения памятников региона, которое позволило сформировать научную основу для углублённого

²⁷ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс... канд. ист. наук; Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1997. 20 с.

²⁸ Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 242-246; Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. 2. С. 78-82; Кубарев Г.В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 195-200; Кубарев Г.В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 340-345.

²⁹ Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. 2. С. 78-82; Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4 (16). С. 92-101.

понимания хронологии, места и роли наскальных изображений в сфере этнических и культурных взаимодействий региона, а также в контексте мировоззрения раннесредневековых народов Алтая и Центральной Азии.

Методология и методы исследования. Особенности методологического подхода к решению проблем, поставленных в данной работе, связаны с синкретичным характером объекта изучения, обладающего признаками историко-культурного и археологического памятника, объекта наследия и памятника художественной культуры и искусства. Методология работы основана на комплексе исторических и общенаучных исследовательских методов и принципов. *Метод аналогий* применен для культурно-хронологической атрибуции петроглифов алтайского региона в различных ее районах и других памятников наскального искусства сопредельных территорий Центральной и Средней Азии. С помощью этого метода, удалось сравнить существующие идеи о хронологической атрибуции, культурной принадлежности, происхождении и развитии стилей петроглифических изображений и дать историко-культурную характеристику наскальным рисункам Горного Алтая.

Применение *принципа единства и взаимосвязи общего и особенного* помогло определить топографические особенности взаимного расположения археологических памятников и их связи в окружающем историко-культурном ландшафте.

Наряду с ними использовались такие теоретические методы, как сравнительный метод (метод, определяющий сходство, соответствие и различие явлениями и понятиями), индукция (рассуждения от частных фактов, положений к общим выводам). *Сравнительный метод* использовался при анализе содержания петроглифических комплексов Горного Алтая, определения их тождества и специфики. *Метод индукции* применялся при обобщении полученных в процессе исследования фактов.

Принцип историзма применен при анализе раннесредневековых памятников, в целом, и наскальных изображений, в особенности, для их рассмотрения в конкретно-исторической обстановке, как на территории Горного Алтая, так и на сопредельных территориях.

Поиск, документирование и обработка полевых материалов производились в соответствии с методикой полевых исследований археологических памятников, в частности, археологических разведок. Для этого автором работы были получены от Министерства культуры РФ разрешения (Открытые листы) на право проведения археологических разведок, в том числе с правом осуществления локальных земляных работ на памятниках археологического наследия. Обработка полевых материалов, заключающееся, в особенности, в прорисовке копий наскальных изображений производилась в графических редакторах на ПК и планшете iPad (Adobe Photoshop, Procreate и др.), некоторые картографические материалы получены при помощи специализированных программ (QGIS, Global Mapper и др.).

Научная новизна состоит в том, что в работе проведена аналитическая работа с привлечением наскальных изображений с 17 памятников эпохи раннего средневековья Горного Алтая, в том числе ранее не опубликованных и обнаруженных автором настоящего исследования. Впервые отдельно выделен раннесредневековый пласт в наскальном искусстве на этой территории. Проанализированы изображения с памятников, которые сгруппированы по географическим районам и рассмотрены в их связи с топографическими особенностями и планиграфией с другими видами археологических памятников. Произведен стилистический и семантический анализы, определена хронология наскальных изображений на территории Горного Алтая.

Практическая и теоретическая значимость заключается в том, что материалы настоящего исследования могут быть использованы при реконструкции историко-культурных процессов на территории Горного

Алтая, в частности, и Центральноазиатского региона, в целом, вместе с другими видами источников. Методика, приведенная в работе, может быть использована как на памятниках наскального искусства, так и на прочих видах памятниках других регионов. К примеру, при копировании предметов декоративно-прикладного искусства с визуально трудно различимыми изобразительными элементами. Новые данные могут быть дополнены к учебным курсам по наскальному искусству и археологии в высших учебных заведениях, местных региональных школьных программах по истории Горного Алтая, а также использованы в экспозициях музейного пространства и выставках. Результаты настоящей работы могут быть полезны при разработке туристических маршрутов по Горному Алтаю и производстве печатной продукции (брошюр, путеводителей и пр.).

Положения, выносимые на защиту:

1. История изучения памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья состоит из трех этапов: **Первый этап** – XIX – начало XX в.; **Второй этап** – 1920-1980 гг.; **Третий этап** – с 1990-х до настоящего времени. На первом этапе исследователи, в силу отсутствия необходимых знаний об материальной и духовной культуре региона видели в наскальных изображениях примитивные рисунки, не содержащие в себе какой-либо важной информации. В этот период начинается количественное накопление сведений о петроглифах Горного Алтая и первые попытки их осмысления. Вторым этапом характеризуется выделением раннесредневековых петроглифов из общей массы рисунков и их систематическим накоплением, а также появлением и последовательным увеличением сведений о социально-культурной и этнической истории региона в связи с активизацией его археологического изучения. Поворотным моментом, вероятно, следует считать открытие и исследование могильника Кудыргэ. Наскальные изображения привлекались при этом, как дополнительные источники по реконструкции военной и охотничьей деятельности. На третьем этапе

петроглифы стали рассматриваться, как отдельный вид источников, позволяющий также расширить знания о мировоззренческой составляющей раннесредневекового населения Алтая.

2. Рассмотрение выделенных памятников наскального искусства, содержащих изображения эпохи раннего средневековья, на территории Горного Алтая выявило определенные закономерности их размещения. Подтверждено, что места расположения памятников наскального искусства, в составе которых имеются раннесредневековый пласт рисунков, или состоящие только из таких изображений, выбирались не случайно. Выбор места для их нанесения, вероятнее всего, был обусловлен пригодностью окружающей территории для ведения хозяйственной деятельности (животноводство, земледелие). Также отмечено, что такие памятники располагаются вблизи рек и мест их слияния. Особенно выделяется размещение изображений на скальных выходах в нижней или средней частях склонов горной гряды, образующих урочища, в котловинах, а также на участках, где образованы природные ограждения.

3. Наскальное искусство Горного Алтая эпохи раннего средневековья имеет существенные отличия от изображений Саяно-Алтайского региона и Центральной Азии, выявляемое на уровне его стилистического изучения. Изображения представлены тремя стилистическими группами. В первую группу входят петроглифы, выполненные в технике гравирования, характеризующиеся высокой степенью детализации фигур и динамикой сцен. Данные рисунки соотносятся с гравировками на костяной облицовке передней луки седла и изображениями на валуне из могильника Кудыргэ. Вторая группа характеризуется меньшей детализированностью гравирования, угловатостью форм, небрежностью нанесения линий и их разрывами. Фигуры порой показаны силуэтно. В третью группу отнесены изображения, которым свойственна, как динамичность, так и статичность сцен и отдельных персонажей. В первом случае фигуры

животных показаны с двумя и четырьмя широко расставленными конечностями. Отмечается своеобразная детализация частей фигур животных, передающая их с анатомической точностью. Обычно изображения этой группы выполнены в технике сплошного или контурного пикетажа. Тем не менее художественная традиция и сюжетно-семантические составляющие наскального искусства имеют общие элементы с памятниками других сопредельных регионов (Тува, Монголия, Китай и Казахстан), в рамках которых существовала древнетюркская культура.

4. Развитие наскального искусства эпохи раннего средневековья Горного Алтая определено для двух начальных этапов древнетюркской археологической культуры: кудыргинского (вторая половина VI – первая половина VII веков н.э.) и катандинского (вторая половина VII – первая половина VIII веков н.э.). Закономерности развития неразрывно связаны с происходившими событиями на исторической арене в периоды существования Первого, Первого Восточного и Второго Восточного тюркских каганатов. Первый этап соответствует периодам первых двух каганатов. Так, по названию могильника, из которого происходят эталонные изобразительные образцы назван кудыргинский этап. По аналогии с этими образцами соотносятся изображения на наскальных плоскостях. Вторым этапом соответствует периоду Второго Восточного тюркского каганата. По аналогии с изображениями, находящимися на плоскостях с руническими надписями, появившимися во второй половине VII века н.э. соотносятся другие стилистически близкие рисунки. Приведенная схема развития подкрепляется изображаемыми реалиями, которые находят аналогии в материалах погребальных памятников с более узкой датировкой. Более поздние этапы (IX – X века), вероятно, связаны с кризисом в тюркском социуме Горного Алтая, вызванными междоусобными распрями, падением последнего тюркского каганата и влиянием появившегося на соседней территории Уйгурского каганата, номинальным попаданием под власть Кыргызского каганата. Этот кризис,

возможно, повлиял и на наскальное искусство, изменив его в сторону художественного ухудшения – т.н. «вырождения».

Апробация. Основные положения исследования были представлены автором на 21 научном мероприятии разного уровня: **четырёх региональных** – L-LIII Научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Горно-Алтайск, 2015-2018 года); **десяти всероссийских** – LVIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (РАЭСК-58) «Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты» (г. Омск, 25-27 апреля 2018 год), LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (РАЭСК-59) (г. Благовещенск, г. Хэйхе, 8-12 апреля 2019 год), Всероссийской научно-практической молодежной конференции «Коллоквиум молодых реставраторов ResCon-2019» (г. Казань, 25-27 ноября 2019 год), серии Всероссийских (с международным участием) итоговых конференций Института археологии им. А.Х. Халикова (г. Казань, 2020-2024 года), Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы» (г. Кемерово, 18-20 августа 2021 год), Всероссийской научной конференции к 90-летию со дня рождения М.А. Дэвлет (г. Москва, 23-24 ноября 2023 год); **семи международных** – 56-й Международной научной студенческой конференции (г. Новосибирск, 22-27 апреля 2018 год), XIII международной научно-практической конференции «Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история) 2017 год» (г. Горно-Алтайск, 24-27 апреля 2018 год), XIV международной научно-практической конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение) 2018 года» (г. Барнаул, 22-23 мая 2019 год), XV международной научно-практической

конференции «Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история, музееведение) 2019 года» (г. Павлодар, 15-16 мая 2020 год), Международном семинаре «Вещь: время и место» (г. Москва, 21 октября 2022 год), VI Международном симпозиуме «Музеефикация памятников наскального искусства: теория и практика» (31 мая – 1 июня, Историко-культурный музей-заповедник «Шульган-Таш», Республика Башкортостан), VI Международном конгрессе археологии евразийских степей (28 октября – 1 ноября, г. Казань).

Результаты исследований были опубликованы в научных журналах, сборниках научных трудов, в материалах конференции различного уровня в виде 22 научных работ, четыре из которых в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений, включающие таблицу, диаграмму и иллюстрации.

Глава 1. Историография изучения памятников наскального искусства Горного Алтая

Горный Алтай является самой высокой областью Алтае-Саянской горной страны и территориально располагается в Южной Сибири. В целом, наскальные изображения Южной Сибири изучаются более двух сотен лет. Исследования региона первоначально носили общенаучный характер и сопровождались сбором информации о природных и культурных богатствах Сибири, в том числе археологических. Исследователей больше привлекали такие типы археологических памятников, как курганы (т.н. «чудские могилы»), мегалитические сооружения, стелы, изваяния и т.п., чем наскальные изображения. Последним уделялось недостаточно внимания, про них упоминали попутно. В полевых записях, на картах и схемах маршрутов местонахождения петроглифов почти не фиксировались, а если такое случалось, то крайне схематично и не совсем точно, иногда даже по чужим рассказам.

До первых научных открытий наскальных изображений Горного Алтая, алтайцы говорили, в частности, о петроглифах и, в целом, о «старинных памятниках», что они были оставлены людьми «не имевшими ни ханов, ни зайсанов»³⁰. Вместе с тем, петроглифы тогда и сегодня являлись и являются неотъемлемой частью повседневного культурного пространства жителей региона.

Самые ранние сведения о наскальных рисунках юга Сибири упоминаются в тексте «О градах и о реках того Сибирского царства» и датируются серединой XVII века³¹. Чуть позже русский дипломат и ученый

³⁰ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 17.

³¹ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М.: Типография А.И. Мамонтов и Ко, 1869. С. 398-404; Ковтун И.В. Начало российской петроглифики: пролог // Материалы исследований древней, средневековой и новой истории Северной и

Н.Г. Спафарий-Милеску во время дипломатической миссии в 1675-1678 гг. по рассказам информаторов коротко упоминает в своих описаниях южносибирские писаницы³². Далее в первой половине XVIII века на писаницах работают уже комплексные экспедиции, одна из которых осуществлялась под руководством Д.Г. Мессершмидта, в другую входили Герхард-Фридрих Миллер и Иоганн-Георг Гмелин³³. По большому счету эти работы были ограничены лишь небольшими описаниями и зарисовками. Г.-Ф. Миллер даже недооценивал значимость петроглифов и не видел в них художественного достоинства, а также «крайне нелицеприятно отзывался об их мировоззренческой составляющей», но при этом написал о них отдельную статью в приложении к своему научному труду, который является, по сути, первой научной исторической книгой по истории Сибири³⁴.

1.1. Исследования наскальных изображений и Горного Алтая в XIX – начале XX веков

Самые ранние упоминания о петроглифах на территории Горного Алтая относятся к началу XIX века и связаны с работами Григория Ивановича Спасского. На юго-западной границе Алтая, «в пещере за 12 верст от крепости Бухтарминской» им были обнаружены три надписи в 1805 году. Эти надписи ученый отнес к письменности уйгуров и монголов. В своей работе 1825 года, он, помимо описания этих надписей, призвал к осмыслению содержания древних надписей и привел первую разработанную им методику копирования

Центральной Азии. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 137-141.

³² Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. С. 70.

³³ Messerschmidt, D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Tagebuchaufzeichnungen. Berlin, 1962. Teile I. S. 149; Gmelin, J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen, 1751. Bd. I. 652 s.; Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. С. 14; Миллер Г.Ф. История Сибири. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937. Т. 1. С. 526-540.

³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937. Т. 1. С. 537-538.

наскальных изображений с рекомендациями по их изучению. Там же Г.И. Спасский поднял проблему охраны древних изобразительных памятников³⁵, предлагая даже соорудить над наскальными плоскостями с рисунками «кровлю» для защиты от «губительного воздействия дождя и снега»³⁶. После он неоднократно отмечал огромную ценность наскальных рисунков в изучении прошлого Сибири. В противовес существовавшему в начале XIX века суждению о примитивности, бессмысленности и низком художественном уровне этих петроглифов, ученый заявлял, что рисунки «высечены не для забавы», они содержат сцены «достопамятных событий... в них заложено глубокое смысловое содержание». Из алтайских памятников он впервые опубликовал древнетюркскую руническую надпись долины реки Чарыш. Г.И. Спасский стал первым исследователем, кто обратил внимание и поставил вопрос о семантической стороне наскальных изображений, тем самым определив их как важнейший исторический источник по изучению далекого прошлого населения Сибири³⁷.

Изучение алтайских древностей в работах Г.И. Спасского в отношении целеполагания приобретает характер самостоятельных исторических исследований, обособляясь от доминирующей в этот период естественно-научной направленности, когда памятники историко-культурного наследия ограничивались описанием в связи с изучением горнорудного дела, флоры и фауны, геологии, этнографии и другими интересами ученых. Начали формироваться первые представления об этногенезе, культурных взаимодействиях различных народов и пути их миграции.

В то же время на Алтае проводит работы по сбору информации о растительном мире этого региона профессор Дерптского университета К.Ф. Ледебур, попутно делая заметки о быте местного населения, геолого-

³⁵ Спасский Г.И. Азиатский вестник. Январь – июнь. – СПб: Типография Медицинского департамента МВД, 1825. С. 300-301.

³⁶ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 48.

³⁷ Там же. С. 43-45.

физических характеристиках и немного об археологических памятниках, в частности курганах и изваяниях. Больше археологическому наследию Горного Алтая уделили внимание такие ученые как П.А. Чихачев, А.И. Шренк, Г.Е. Шуровский, П.И. Небольсин, И.И. Завалишин и другие, в том числе местные краеведы, которые, в большинстве случаев, случайно находили различные предметы старины, передавали их в музеи, после чего начинали их целенаправленный поиск³⁸. Лишь немногие исследователи в первой половине – середине XIX века предпринимали попытки интерпретации, классификации и построения исторических событий прошлого на основе полученных материалов. Деятельность некоторых была направлена на их накопление и осмысление, но это нисколько не умаляет их заслуг. Наскальным изображениям все так же не отводилось должного внимания, даже после активного призыва Г.И. Спасского к их изучению.

Реформа 1861 года в России приводит к упадку горнозаводской деятельности и, следовательно, к уменьшению количества археологических находок во время хозяйственных работ³⁹. Это событие ознаменует накопление археологических материалов не кабинетными работниками, чиновниками и просто любителями древностей, как это часто случалось в это время, а уже специалистами, проводящими целенаправленные исследования в этом направлении.

Говоря уже о местных краеведах, среди всех любителей старины, особо следует выделить Степана Ивановича Гуляева. Он, как и многие другие исследователи, занимался сначала изучением горного промысла на Алтае. В сферу его интересов входили и этнография, исследование растительного мира, сельского хозяйства и древностей Сибири. Такой широкий спектр научных исследований у С.И. Гуляева сформировался в Санкт-Петербурге, куда он был отправлен работать писцом в горное отделение Императорского кабинета

³⁸ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 50-56.

³⁹ Там же. С. 65.

после окончания горного училища в Барнауле. Этот этап в его жизни позволил наладить ему множество связей в научных кругах Петербурга. Благодаря этому, он тесно сотрудничал с Русским географическим и Петербургским археологическим обществом и отправлял туда добытые в полях археологические материалы, сделав их, таким образом, достоянием науки и сохранив ценную научную информацию до наших дней. Отправлял он их туда с Алтая, куда его перевели в середине XIX века на пост советника частных золотых промыслов в Барнаульском отделении Алтайского горного правления⁴⁰. Особого внимания заслуживает и тот факт, что С.И. Гуляев одним из первых высказал идею о принадлежности памятников археологического наследия не к финно-уграм, а проживавшим на Алтае тюркским народам, потомки которых составляют местное население, тем самым доказывая неправильность активно использовавшегося до этого времени термина «чудь», которым обозначали людей, оставивших множество курганов, каменных изваяний, петроглифов и других памятников на этой территории⁴¹. Эта идея приводит к мысли о том, что существовали устойчивые формы изобразительного искусства даже в разных географически отдаленных территориях расселения финно-угорских и тюркских народов в древности и средневековье.

Не обошел круг исследований Степана Ивановича и наскальные изображения. Во время своих разведывательных работ в Западном Алтае в долинах рек Чарыш и Ануй он фиксирует рисунки различных животных и надписи на скалах. В письмах, которые он направлял в администрации округов, он просит сообщать, вместе с другими объектами археологии, и о петроглифах⁴², что говорит о признании их исторической ценности исследователем. К сожалению, С.И. Гуляев, как и большинство его

⁴⁰ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 66.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же. С. 67-68.

предшественников так же ограничивается лишь документированием наскальных изображений, кратким описанием рисунков и мест их расположения без аналитической составляющей исследования. Он так же, как и Г.И. Спасский высказывался о тюрко-монгольской принадлежности алтайских памятников древности, вопреки «чудско-финского» мнению⁴³.

Николай Степанович Гуляев, сын Степана Ивановича Гуляева, продолжил благородное дело своего отца во многом следуя его основным направлениям научной мысли. Он также внес большой вклад в изучение богатого прошлого Алтая, систематизируя, пополняя археологические материалы, в том числе путем раскопок, и анализируя их. В направлении исследования наскальных изображений отличает Н.С. Гуляева от отца то, что он хоть и схематично, но зарисовывал петроглифы⁴⁴.

Не обошел вниманием эту территорию и финский профессор И.Р. Аспелин, пытавшийся доказать Алтае-Саянское происхождение финно-угорских народов⁴⁵, в процессе чего зафиксировал немало памятников, в том числе тюркских. Они, по складывающемуся в то время популярному среди сибириеведов научному направлению, намного больше оперировали памятниками рунической письменности на скалах, пытаясь определить таким образом миграционные процессы на территории всей Евразии и их культурогенетические взаимосвязи⁴⁶.

В 1865 году после не совсем удачных археологических раскопок в Казахстане и в Кулундинской степи, на Алтае развертывает свою исследовательскую деятельность один из крупнейших ученых того времени Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов. Его археологические

⁴³ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 68.

⁴⁴ Там же. С. 68-75.

⁴⁵ Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 95.

⁴⁶ Ядринцев Н.М. Древние памятники и письма в Сибири. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1885. С. 12-21.

исследования носят комплексный характер, отличающиеся широтой привлекаемого материала.

В.В. Радлов стал первым, кто исследовал на Алтае погребения с мерзлотой. В результате он получил колоссальный материал, раскрывающий материальную культуру древнего населения Алтая, и обрел благодаря этому мировую известность. Возможно, из-за обилия материала, относящихся к раннему железному веку он отнес многие памятники позднего периода к железному, в том числе и изваяния с балбалами и памятники наскального искусства эпохи раннего Средневековья⁴⁷. Но сопоставив изображение сцены охоты с серебряной чаши, который изучил еще Д.Г. Мессершмидт, с наскальными рисунками Сулексой писаницы в Хакассии⁴⁸, он предпринял первую попытку своего рода классификации тюркских изображений, хоть и отнес их к раннему периоду. К сожалению, при изучении ученым мировоззренческой стороны древних культур, наскальные изображения не привлекались, но выделяя петроглифы эпохи бронзы, В.В. Радлов пишет следующее: «точное значение этих изображений установить невозможно, но это, во всяком случае, не забава, так как нанести их на камень при отсутствии острых железных инструментов было, конечно, достаточно трудно.»⁴⁹. Безусловно, точно определить семантику наскальных изображений невозможно. Исследователи могут лишь строить догадки, аргументируя и доводя их на уровень теории. Несмотря на это, в последующие периоды истории появление возможности нанесения рисунков на скальные поверхности более удобным образом и затрачивая на это меньше времени в результате появления более совершенных и удобных инструментов не определяет петроглифы в разряд праздного творчества для «забавы».

⁴⁷ Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 461, 471, 627-628.

⁴⁸ Там же. С. 471.

⁴⁹ Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. С. 431.

Немаловажной заслугой В.В. Радлова является и то, что он внес огромный вклад в изучение древнетюркской руники, став зачинателем российской тюркологии. Его научная деятельность способствовала формированию ленинградской школы тюркологов и открыла для археологической науки еще один источник для комплексного исследования петроглифов раннего средневековья Алтая. Расшифрованное в 1893 году датским ученым В. Томсенем древнетюркское руническое письмо по материалам памятников соседней с Алтаем Монголии и других территории Центральной Азии явилось стимулом для более интенсивного изучения рунической письменности⁵⁰.

В последней четверти XIX – начале XX веков на Алтае проводят свои комплексные исследования Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов. Увлеченные изучением этнографии и исторического прошлого региона, помимо эпизодических раскопок курганов, они зафиксировали немало пунктов с наскальными изображениями, не проводя при этом культурно-хронологической дифференциации объектов. В основном, рисунки выполнены пикетажем и относились к эпохе бронзы. Но среди их находок имеются и памятники раннего средневековья (изваяния)⁵¹, которые ученые практически не использовали в своих исследованиях.

В настоящее время среди исследователей наскального искусства Алтая эпохи раннего средневековья выделяются в некотором смысле образцовые памятники, содержащие эталонные рисунки, которые крайне отчетливо отражают изобразительные традиции тюркской культуры. Одним из них является Елангаш, который первым открыл для науки топограф и инженер

⁵⁰ Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука, 1972. С. 55-56.

⁵¹ Ядринцев Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1885. С. 7, 20-21; Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 86, 88.

М.А. Брецинский в 1881 году⁵². Дело ограничилось лишь кратким упоминанием об изображениях, но их публикация в будущем дало исследователям уже представление о множестве имеющихся петроглифах в той долине.

В начале XX века вклад в накопление сведений о петроглифах Алтая также внесли томские геологи А.М. Зайцев и В.А. Обручев, описавшие несколько памятников в Западном Алтае⁵³. Немало раннесредневековых наскальных изображений с хорошей точностью зарисовал известный алтайский художник Г.И. Чорос-Гуркин во время своих путешествий по Алтаю, которые продолжились и после 1920 года в составе научных экспедиций⁵⁴. Благодаря его неподдельному интересу и художественному мастерству до наших дней сохранились в виде зарисовок великолепные образцы тюркского наскального искусства, оригиналы которых уже утрачены в виду разрушительных природных и антропогенных факторов.

Таким образом, первый период истории изучения памятников наскального искусства в целом и, тюркского периода, в частности, на территории Горного Алтая, характеризуется в большей степени накоплением сведений о них. Ученые во время своих естественнонаучных экспедиций не придавали большого значения «писаным скалам», приписывая их появление, как и других типов археологических памятников, к т.н. «чудскому» народу финно-угорского происхождения. Но к концу рассматриваемого периода, исследования начинают носить более узконаправленный характер в археологическом изучении Алтая. Петроглифы еще не стали объектами

⁵² Брецинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1881. Кн. 3. С. 27.

⁵³ Зайцев А.М. По верхнему и частью среднему Чарышу, его притокам и по р. Коксу, притоку Катуня: (экскурсия на Алтай 1905 года). Томск: Паровая типолитография П.И. Макушина, 1907. С. 7; Обручев В.А. К орографии и геологии Калбинского хребта: (с картой). Томск: тип. Дома Трудолюбия, 1912. С. 19-20.

⁵⁴ Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 88.

отдельного изучения, но начали рассматриваться в комплексе с материалами, полученными в ходе полевых работ и сравниваться со схожими изображениями с других памятников Южной Сибири и Центральной Азии. Тем не менее, в это время был заложен базис для последующего выделения и изучения петроглифов раннего средневековья.

1.2. Изучение петроглифов и выделение раннесредневекового пласта (1920-е – 1980-е годы)

С началом XX века наступает период, когда на Алтае не проводятся крупные археологические исследования. Безусловно, это связано с революционными событиями в стране и последующими изменениями общественного устройства государства. Когда в столице происходили процессы, определившие будущее научного развития страны, на территории Алтайского края, были сформированы организации, занимающиеся археологическими исследованиями, в том числе и Горного Алтая. Это Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества и Алтайский центральный советский музей. Последними организовывались поездки на Алтай вместе со школьниками, в результате чего учащиеся зарисовали более сотни наскальных изображений⁵⁵. К сожалению, в направлении изучения петроглифов, дело этим и ограничивалось. В новых реалиях тех времен финансирование и организация научных археологических исследований были сильно ограничены.

Одной из первых крупных археологических экспедиций в рассматриваемый период была Алтайская экспедиция 1924-1925 годов. Она была организована Этнографическим отделом Русского музея под руководством Сергея Ивановича Руденко. Самым значимым событием в сфере изучения раннесредневековых памятников наскального искусства Горного Алтая с начала археологических исследований до 1924 года является научное

⁵⁵ Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860-1930-е годы). Барнаул: Азбука, 2010. С. 156.

открытие отдельным отрядом этой экспедиции в долине реки Чулышман могильника Кудыргэ. В одной из могил (№9) этого памятника С.И. Руденко и А.Н. Глуховым, помимо множества других находок, была обнаружена костяная обкладка передней луки седла, покрытая гравированными изображениями животных и охотничьих сцен⁵⁶. Эта находка сразу вызвала наибольший интерес у исследователей. В совокупности со всем погребальным инвентарем из Кудэргэ археологам удалось датировать этот могильник Тюркским временем (VII век н.э.)⁵⁷. Таким образом, эта была первая датировка гравированных изображений в своеобразной изобразительной традиции ранним средневековьем. Позже, это позволит датировать и наскальные рисунки этим временем по методу аналогии. Помимо изображений на костяной накладке, на том же памятнике, но в другой могиле (№16) был обнаружен продолговатый валун на трех гранях которого были нанесены гравированные изображения – мужское лицо, «сцена коленопреклонения и сидящая женщина с ребенком»⁵⁸. Интерпретация изображений на валуне из могильника Кудыргэ, несмотря на его открытие практически сто лет назад, до сих пор является предметом дискуссий.

В 1934-1935 и 1937 годах Саяно-Алтайской экспедицией Государственного исторического музея на Алтае проводили исследования С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова. Работы были связаны со строительством Чуйского тракта и исследовались в это время, в основном, археологические памятники близ дороги, но сбор материала продолжался и далее, а их комплексный анализ предоставлял довольно качественные результаты. Исследования С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой положили основу для

⁵⁶ Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. Табл. XVI.

⁵⁷ Там же. С. 50.

⁵⁸ Там же. С. 51-52.

классификации раннесредневековых алтайских памятников⁵⁹. Позже, А.И. Минорский опубликовал в небольшой работе разновременные петроглифы, зафиксированные им во время съемки киноочерков «В горах Алтая»⁶⁰. В этой работе прослеживается первая попытка определения закономерностей расположения памятников в историко-природной среде, дана их художественная характеристика. Особо примечательным является публикация зарисовки петроглифов с Бичикту-Бома. Некоторые из них уже утрачены, а одна сцена охоты на отколотой плите с памятника хранится в Национальном музее Республики Алтай в фрагментированном состоянии (рис. 69). Л.А. Евтюхова, гораздо больше обращаясь к наскальным источникам, чем другие исследователи ее времени, одной из первых начала выделять раннесредневековые петроглифы Горного Алтая, сравнивая их с изображениями на скалах Сулекской писаницы в Минусинской котловине⁶¹. Почти одновременно с ними на Алтае работал археолог из Иркутского государственного университета П.П. Хороших, фиксируя, вместе с другими памятниками, наскальные изображения. О некоторых он узнавал от респондентов, что сказалось на качестве его работ. В итоге исследователь опубликовал первую сводную работу по «писаницам Алтая», в которую также вошли наскальные рисунки, зафиксированные предшествующими учеными⁶². К сожалению, культурно-хронологической атрибуции в работе не было уделено внимания.

В первой половине 40-х годов археологические исследования в период Великой отечественной войны были приостановлены. Экспедиция С.И.

⁵⁹ Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. Москва: ИА РАН, 1941. Вып. XVI. с. 75-117.

⁶⁰ Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. С. 184-188.

⁶¹ Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. С. 189-1190.

⁶² Хороших П.П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1947. Вып. XIV. С. 26-34.

Руденко смогла продолжить работы лишь в середине XX века. В 1948 году А.А. Гаврилова, получив возможность при содействии С.И. Руденко, продолжает работы на Кудыргинском могильнике. В результате археологических исследований на Кудыргэ и привлечения материалов со всего Алтая и его предгорий, ею была разработана периодизационная таблица памятников раннего средневековья и монгольского времени, которая, с небольшими изменениями, используется по сей день⁶³. Таким образом, у исследователей появилась возможность относить наскальные изображения раннего средневековья к более узким культурно-хронологическим периодам по представленным на них реалиям различных видов наступательного и оборонительного вооружения, а также конского снаряжения с возможностью дальнейших исторических реконструкций.

В 1960-х годах на Алтае под руководством С.С. Сорокина проводила археологические работы Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. Деятельность экспедиции была направлена в основном на раскопки курганов, но немногим позже, С.С. Сорокин начинает периодически получать сведения о наскальных изображениях от местного краеведа и лектора В.Ф. Чумакаева и публиковать их, указывая принадлежность некоторых петроглифов ко второй половине I тысячелетия до н.э.⁶⁴. В это же время на Алтае проводил на «писаницах» разведки А.П. Окладников⁶⁵.

В 60-70-е годы XX века интерес к изучению памятников наскального искусства в целом, и петроглифов раннего средневековья в частности, увеличился. Увеличились и объемы получаемого материала в ходе экспедиций и объемы финансирования. На территории Горного Алтая начиная с 1970-х

⁶³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. Табл. 2.

⁶⁴ Сорокин С.С. Чумакаев В.Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1971. Вып. X. С. 141.

⁶⁵ Окладников А.П. Отчет о наблюдениях над писаницами на Горном Алтае в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2239.

годов начинают работать по несколько экспедиций из различных академических учреждений и учебных заведений.

С 1973 года на Алтае начинает работать Восточноалтайский отряд Североазиатской экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (эпизодически с сотрудниками Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы) под руководством Владимира Дмитриевича Кубарева. До 2010 года археолог проводил полевые работы в этом регионе практически каждый сезон. В сферу его исследований входили все периоды древней и средневековой истории⁶⁶. С 70-х годов XX века также проводят работы Саяно-Алтайский (позже Алтайский) палеоэтнографический отряд Ленинградского государственного музея под руководством Д.Г. Савинова, Алтайская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова⁶⁷. Стоит отметить, что, исследуя в основном погребальные и поминальные сооружения раннего железного века и средневековья, вышеуказанными отрядами, немало внимания уделялось и сооружениям тюркского времени, а петроглифы раннего средневековья все так же еще продолжают фиксироваться для изучения их в будущем, что подтверждается множеством публикаций авторов экспедиций⁶⁸.

⁶⁶ Кубарев В.Д. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1975 года. Москва: Наука, 1976. С. 251-255; Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // Археологические открытия 1978 года. Москва: Наука, 1979. С. 237-239.

⁶⁷ Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 года. Москва: Наука, 1972. С. 286-287; Савинов Д.Г. Работы на Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. Москва: Наука, 1973. С. 235-236; Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. Москва: Наука, 1980. С. 180-191.

⁶⁸ Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва: Наука, 1990. С. 156-157; Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1992. С. 94-97; Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 63; Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. Ленинград: ЛГУ, 1964. С. 139-145; Савинов Д.Г. Вопросы изучения петроглифов

В 1969 году в Юго-Восточном Алтае А.П. Окладниковым, Е.А. Окладниковой, В.Д. Запорожской впервые проводится археологическая экспедиция по целенаправленному исследованию наскальных изображений. Работы осуществлялись на памятнике Елангаш, который содержит сотни плоскостей с петроглифами, датирующиеся от эпохи бронзы до этнографической современности. Исследования были продолжены в период с 1970-1972 годы и в 1975 год⁶⁹. Первая монографическая публикация огромного числа скопированных материалов с их текстовым описанием стала важным вкладом в развитие научного направления по исследованию памятников наскального искусства. Ввиду отсутствия для данного времени практики глубокого анализа такого рода источников в этих работах информация по семантике изображений представлена в общих чертах, привлекается в качестве аналогий изображения со всей территории Сибири и Дальнего Востока, изображениям тюркского периода дана только историко-культурная идентификация.

В 1970-1980-е годы в Центральном Алтае петроглифической экспедицией Кемеровского университета под руководством А.И. Мартынова на памятнике Бичикту-Боом проведены работы по фиксации наскальных изображений, большая часть из которых относилась к эпохе раннего средневековья. Исследователем были классифицированы гравированные изображения по стилистико-хронологическим группам в рамках средневековья, а также по имеющимся аналогиям идентифицированы отдельные изображенные предметы, в том числе этнографическим реалиям,

древнетюркского времени Центральной и Средней Азии // Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7-10 июня 1967 г.). Ленинград: Наука, 1967. С. 69-70.

⁶⁹ Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 140 с.; Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 136 с.

увиденным у местного населения⁷⁰. Благодаря кропотливому труду участников этой экспедиции по копированию петроглифов, до наших дней сохранились великолепные образцы тюркского наскального творчества, многие из которых в скором будущем, к сожалению, окажутся утраченными: большое количество плоскостей с изображениями были разрушены в следствии природных и антропогенных факторов, а некоторые плиты были вывезены в другие города (Санкт-Петербург, Новосибирск), что нарушило принцип сохранения историко-культурного ландшафта. Работы А.И. Мартынова стали одним из первых исследований, с которых началось планомерное и целенаправленное изучение раннесредневековых памятников наскального искусства, были предприняты более уверенные попытки интерпретации этих изображений, найдены параллели с эпическими произведениями, письменными источниками, сделаны попытки реконструкции мировоззренческой сферы населения, отраженной в данных рисунках. Стоит отметить, что не все выделенные А.И. Мартыновым наскальные изображения относятся к раннему Средневековью. В некоторых случаях его выводы о датировке были основаны лишь на анализе техники выполнения, что в будущем было подвергнуто критике со стороны коллег, а датировка пересмотрена в сторону Нового времени⁷¹.

В 1980 году Я.А. Шер выпускает в свет монографию «Петроглифы Средней и Центральной Азии». В ней автор рассматривает теоретические и методические основы изучения наскальных изображений, определяя необходимость комплексного подхода к данному рода памятникам, включающего теоретическую исследованность, методику документирования и описания районов расположения. Новаторским для того времени были его методологические предложения по анализу изображений путем их

⁷⁰ Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 178, 181.

⁷¹ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 40.

классификации с помощью электронно-вычислительной машины (ЭВМ)⁷². Описывая ареалы петроглифов в своем труде, который и сегодня во многих аспектах остается актуальным, он, разумеется, выделяет и Горный Алтай⁷³. Там мы видим, что эта насыщенная в количественном и хронологическом плане территория до того времени оставалась малоизученной. В монографии приведены не многим более десятка памятников, а в разделе, посвященном средневековью, даны единичные характеристики наскальных изображений того времени, связывая их с известными гравировками из могильника Кудыргэ⁷⁴.

В одной из первых коллективных монографий 1981 года, посвященной историческим процессам Евразий в эпоху средневековья, а именно раннесредневековым тюркам, автором которой выступил В.А. Могильников, наряду со всеми археологическими источниками рассматриваются и памятники наскального искусства. В ней кратко обозначена проблема датировки, дана характеристика сюжетов и способов нанесения. Непопулярность использования такого рода источников связывается также с недостаточной их изученностью. Но автором дано направление изучения петроглифов в сторону идеологического аспекта⁷⁵.

Некоторые исследователи, в частности Е.А. Окладникова, накопив к 1980-м годам уже достаточно много материала, по аналогиям с другими изображениями на памятниках наскального искусства тюркского периода с соседних регионов (Монголии, Тувы и Минусинской котловины) классифицировала эти изображения по двум группам. В первую вошли утонченные и реалистичные фигуры, складывающиеся в динамические сцены. В качестве примера приведена сцена из Кудыргинского могильника. Тем

⁷² Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 50-58.

⁷³ Там же. С. 122-126.

⁷⁴ Там же. С. 254.

⁷⁵ Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 42.

самым эта группа названа исследователем изображениями в кудыргинском стиле. Вторую группу составляют схематичные геометризованные П-образные тамгообразные фигуры животных, выполненные на скальных плоскостях каменными орудиями, во отличие от первой группы, в которой петроглифы выполнены металлическими предметами и передают всю реалистичность и «изысканность» сцен. Ею также выделяются гравированные изображения эпохи средневековья, которые отличаются от раннесредневековых по стилистическим особенностям⁷⁶, что позволило провести историко-культурную дифференциацию петроглифов, выполненных одинаковым способом – гравированием.

Период с 1920-х по 1980-е годы. стал для археологической науки крайне плодотворным. В данное время увеличилось количество экспедиций и отдельных исследователей, занимающихся археологией Горного Алтая, в целом, и петроглифами, в частности. Среди них можно отметить таких ученых, которые внесли огромный вклад в науку, как С.И. Руденко, А.Н. Глухов, А.А. Гаврилова, А.П. Окладников, П.П. Хороших, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, А.И. Мартынов и многих других. Также были открыты одни из наиболее важных, эталонных памятников наскального искусства эпохи раннего средневековья, в том числе памятники закрытого типа – курганы Кудыргэ, – по которым стало возможно датировать петроглифы тюркским временем. В это время задокументировано большое количество раннесредневековых памятников наскального искусства, что стало качественной основой для будущих исследований в этом направлении.

1.3. Современный этап исследований раннесредневековых петроглифов (с 1990-х годов до настоящего времени)

⁷⁶ Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук. 1981. №11. Вып. 3. С. 62-63.

1990 год стал знаменательным в исследовании памятников наскального искусства, в целом, и раннесредневековых петроглифов, в частности. К этому времени важность такого рода источников стала очевидной и поэтому выделение петроглифистики, как отдельного направления в археологии, было закономерным явлением. Подтверждается это организацией конференции «Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР» в Москве. Эта была первая в стране конференция, посвященная исключительно исследованиям петроглифов. По итогам этой конференции был выпущен сборник «Проблемы изучения наскальных изображений СССР», включающий работы исследователей памятников наскального искусства, располагающихся в разных уголках Союза, в том числе и на Алтае⁷⁷.

Немного позже, в 1997 году, в Южной Сибири общими усилиями специалистов, занимающихся изучением петроглифов, образована первая в стране организация по исследованию наскальных изображений – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ). Ее президентом был избран один из самых выдающихся археологов – Яков Абрамович Шер. Хотя в названии и значатся хронологические рамки, которые якобы ограничивают круг памятников первобытностью, но членами САИПИ рассматривались и изучались до недавнего времени изобразительные памятники в широком хронологическом диапазоне – от палеолита до современности. То же касается территориальных рамок. Ареал исследований распространялся на территорию всей Евразии и даже более. Под эгидой этой организации с момента ее основания периодически проводились

⁷⁷ Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва: Наука, 1990. С. 154-157; Маточкин Е.П. Петроглифы Чёрной речки // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва: Наука, 1990. с. 158-161; Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва: Наука, 1990. С. 162-165.

международные конференции, семинары и издаются научные труды (Вестник САИПИ до 2005 года, Труды САИПИ)⁷⁸.

Создание Ассоциации было организовано, в том числе, благодаря зарубежным коллегам, которые имели подобный опыт. Одним из примеров является Центр по изучению наскального искусства CCSP (Италия)⁷⁹, который к тому времени имел наибольший опыт не только в вопросах изучения, но и сохранения петроглифических памятников.

В рассматриваемый период многие исследователи наскального искусства Алтая являлись членами САИПИ. Среди них уже упоминавшийся ранее В.Д. Кубарев, который в 1992 году совместно с Е.П. Маточкиным издал первую сводную монографию по всем известным на тот момент петроглифам Алтая. Издание имеет сходное название «Петроглифы Алтая». В ней авторы кратко привели историю изучения, карту расположения и описание наскальных памятников, а также фотографии и копии эстампажей⁸⁰. Для того времени это было крайне важным шагом в направлении изучения петроглифов.

По заключению В.Д. Кубарева, наскальные изображения «дают реальную возможность реконструкции мифологии и обрядов, посвященных культу гор, плодородию природы и космическим объектам всей Вселенной»⁸¹. Им исследовались петроглифы от эпохи неолита до этнографической современности, в том числе и тюркские. Рассматривались изображения сюжетов войны и охоты, отдельные детали военного снаряжения, так как

⁷⁸ Мальцев Р.К. К вопросу о деятельности Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 116.

⁷⁹ Anati E. The State of Research in Rock Art. A world report presented to UNESCO // Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici. Vol. 21. P. 18.

⁸⁰ Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. 123 с.

⁸¹ Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 65.

таковых было больше всего. Все это сопоставлялось с синхронными китайскими и арабскими письменными источниками, а также с различными эпическими произведениями тюркского мира. Именно подобных изображений больше всего во всем изобразительном массиве тюркского периода. Так, В.Д. Кубарев пришел к выводу, что тюркские художники изображали на скалах отдельные сцены из мифологических представлений и эпических произведений – алтайского «Маадай Кара», киргизского «Манас» и др. Также ими изображались наиболее результативные навыки и приемы ведения охоты и боя отдельных охотников и воинов, показывающие исключительное мастерство⁸². Полученные археологом результаты не теряют актуальности по сегодняшний день. Рассмотрение увеличившегося с того времени корпуса тюркских наскальных изображений лишь подтверждают эти выводы.

Немалой заслугой заслуживает открытие для науки множества алтайских памятников наскального искусства, в том числе тюркских, командой экспедиции по изучению петроглифов. Экспедиция реализовывалась в рамках крупного российско-американо-монгольского проекта «АЛТАЙ» археологами в 1993-2003 годах. В их числе был и В.Д. Кубарев. Исследования проводились непосредственно на Алтае и в Монголии⁸³. В результате появилось больше материала для сопоставления тюркских изображений одной историко-культурной области. Ведь во время властвования Тюркских каганатов эти территории были частью одного государственного образования.

В это же время, в 90-х годах XX века, памятники наскального искусства Горного Алтая исследуются Д.В. Черемисиным. Уже с начала 2000-х годов в

⁸² Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001а. № 4 (8). С. 104-105; Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 77-79.

⁸³ Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. С. 8-11; Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3 (19). С. 65-81; Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Bagaa Oigor // Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. P.: De Boccard, 2001. Vol. 6. N 6. 481 p.

Юго-Восточном Алтае, районе сосредоточения петроглифов, начинает работу экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН под его руководством. Наиболее значимыми для исторических реконструкций являются обнаруженные исследователем изображения на памятниках Жалгыз-Тобе, Теке-Туру и долины реки Чаганки. На Жалгыз-Тобе обнаружено множество фигур, имеющие одинаковую степень сохранности и патинированности, рисунки выполнены в аналогичном стиле, прослеживается единая манера изображения отдельных элементов рисунков. Указанные особенности дали основание сделать вывод о том, что многие гравировки были выполнены рукой одного художника⁸⁴. Обнаружение Д.В. Черемисиным новых гравированных изображений на уже известном памятнике в долине реки Чаган открыло для археологии новые возможности для расширения знаний о различных аспектах деятельности раннесредневековых тюрок. Здесь изображения выполнены наиболее детально и полно, подробно прорисованы катафрактарии, элементы защитного вооружения, черты лица, причесок, одежды и других элементов⁸⁵. Подобные фигуры и сцены не встречаются ни на одном другом наскальном памятнике Алтая. Исследователю удалось выявить новые художественные приемы и символические изображения, показывающие сцены победного триумфа над противником после сражения, а точная передача этнографических особенностей позволила даже найти общие черты в изображениях монументального искусства тюрок⁸⁶.

Д.В. Черемисиным помимо аналитических исследований были затронуты и проблемы культурно-хронологической идентификации и документирования наскальных изображений раннего средневековья⁸⁷. Для

⁸⁴ Cheremisin D. The study of the Djalghyz-tobe petroglyphs // International Newsletter On Rock Art. 2002. № 32. P. 24.

⁸⁵ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 41-43.

⁸⁶ Там же. С. 44-45.

⁸⁷ Там же. С. 40.

решения этих проблем он, вместе с Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове, проводил, в частности, работы по развитию методов документирования тонких, практически неразличимых гравировок второй половины I тыс. н.э. на наскальных плоскостях⁸⁸. Впоследствии, Е.А. Миклашевич, действующим вице-президентом САИПИ, продолжены работы в этом направлении на многих других памятниках Алтая. Ею также проводились работы по удалению лишайников, которые перекрывали раннесредневековые изображения, что позволило выявить новые рисунки и по-новому взглянуть на интерпретацию уже известного сюжета на памятнике Калбак-Таш I⁸⁹. Эта работа показала важность удаления лишайников. Так как в археологической науке до сих пор продолжается спор по поводу очистки наскальных поверхностей с рисунками от лишайников⁹⁰.

Чуть позже, памятники раннесредневекового периода начали выявляться и исследоваться Чуйским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Г.В. Кубарева. В его диссертации в качестве основного источника рассматривались погребальные памятники, но другие типы, в частности, наскальные изображения также привлекались в качестве вспомогательных

⁸⁸ Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013а. Т. XIX. С. 369-373.

⁸⁹ Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2011. Вып. VII С. 234-245.

⁹⁰ Tratebas A. Biodeterioration of prehistoric rock art and issues in site preservation // Biodeterioration of stone surfaces. Netherlands, 2004. P. 195-228; Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2 (18). С. 57-78; Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2011. Вып. VII С. 234-245.

источников⁹¹. Им исследовались в основном тюркские памятники наскального искусства Юго-Восточного (Жалгыз-Тобе) и Центрального Алтая (Кургак, Бичикту-Бом, Сырнах-Гозы, Калбак-Таш II, Большой Яломан-III)⁹², немало внимания уделялось и руническим надписям, которые информационно дополняют и раскрывают изображения на скалах⁹³. Археологом идентифицировались отдельные предметы утвари, вооружения одежды, изображенные на скальных плоскостях по аналогиям с изображений на тюркских изваяниях и из материалов погребений. Тем самым удавалось отнести некоторые наскальные изображения памятника Бичикту-Бом к более узкому хронологическому периоду (VII-VIII векам н.э.)⁹⁴.

Исследования Г.В. Кубарева рунических надписей в Центральном Алтае дали возможность установить вероятную территорию расселения племени азов, выяснить их взаимоотношения с другими племенами, проживавшими на территории Алтая в эпоху раннего средневековья и определить происхождение и дальнейшую судьбу на территории Саяно-Алтая⁹⁵.

⁹¹ Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс... канд. ист. Наук; Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 2.

⁹² Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004в. Вып. 2. С. 75-84; Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бом // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 242-246; Кубарев Г.В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 195-200; Кубарев Г.В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 340-345.

⁹³ Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. С. В. Алкин. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. 2. С. 78-82; Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4 (16). С. 92-101.

⁹⁴ Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бом (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 91.

⁹⁵ Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4 (16). С. 96-99.

Начиная с 2015 года, будучи студентом, изучением наскального искусства Горного Алтая занимается автор настоящей работы – А.У. Урбушев. Сначала полевые работы ежегодно проводились в составе экспедиции Горно-Алтайского государственного университета под руководством Н.А. Константинова. За время этих полевых работ были исследованы петроглифы Туру-Алты в Кош-Агачском районе⁹⁶, новые памятники Сары-Кобы и Дялбак в Улаганском районе⁹⁷, Сары-Кобы в Онгудайском районе⁹⁸, Айаткан в Усть-Канском районе⁹⁹ и др. С 2020 года полевые исследования автора продолжены в рамках экспедиций Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на памятниках Онгудайского, Кош-Агачского и Усть-Канского районов, в ходе которых зафиксированы новые памятники наскального искусства и отдельные археологические находки (Сетерлю-1, Дьяан-Кобы, Малый Яломан, Ак-Кая, Торгун)¹⁰⁰, а также обнаружены на таких памятниках, как Елангаш и Талда

⁹⁶ Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 47826; Урбушев А.У. Проблемы сохранения и использования памятников археологии на примере комплекса Калбак-Таш // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов № 12. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. С. 98-99.

⁹⁷ Урбушев А.У. Петроглифы на склоне южных окраин Пазырыка // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов №14. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. С. 158-161; Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57296; Урбушев А.У. Антропоморфные изображения на памятнике наскального искусства Дялбак // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25-27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М.Л. Бережнова, И.В. Толпеко. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 183-185; Урбушев А.У. Петроглифы Дялбака и Сары-Кобы // Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2018: Археология / Новосиб. Гос. Ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 87-88.

⁹⁸ Урбушев А.У. О датировании наскальных изображений Сары-Кобы (Центральный Алтай) // Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2021. С. 146-147.

⁹⁹ Урбушев А.У. Отчет об археологических разведках в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2021 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.489.

¹⁰⁰ Урбушев А.У., Константинов Н.А. Каменная плитка со сценами охоты из Урочища Ак-Кая (Центральный Алтай) // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии (к 300-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции. Кемерово, 2021. С. 303-

новые изображения, которые находятся на стадии камеральной обработки. Полученные данные позволили расширить наши знания о репертуаре изобразительных традиций и мировоззренческой практике раннесредневекового соцума Горного Алтая.

К настоящему времени, спустя более двух сотен лет исследования, памятники наскального искусства стали по-настоящему ценным и важным источником по реконструкции различных аспектов жизнедеятельности племен, народов и целых империй на территории всей Евразии, в целом, и Алтая, в частности. Это побудило исследователей все чаще обращаться к наскальному искусству, как к одному из значимых дополнительных источников для решения тех или иных вопросов истории.

Одним из примеров являются работы В.В. Горбунова, который при реконструкции оборонительного и наступательного вооружения на Алтае в I тыс. н.э. использовал в том числе и наскальные изображения¹⁰¹, которые «при определении родов войск... могут привлекаться столь же уверенно, как и более натуралистичные изображения, вещественные и письменные источники»¹⁰². Итогом этих масштабных работ стали наиболее полные классификации вооружения оборонительного и наступательного характера. Вместе с тем, не со всеми историко-культурными интерпретациями автора, касающихся наскальных гравировок можно согласиться. Одну фигуру всадника из памятника Сары-Кобы «по стилю рисунка и изображенным реалиям» и близостью к материалам булан-кобинского могильника

309; Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2022б. №6. С. 218-226; Константинов Н.А., Урбушев А.У. Изображение птицы на плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. №2. С. 95-109.

¹⁰¹ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. с. 32, 66, 78, 147, рис. 34-35; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. с. 89-91, 219, рис. 73.

¹⁰² Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. с. 78.

исследователь датировал II-III вв. н.э.¹⁰³. Однако, по воспроизведенным реалиям тюркского периода, в частности, выстриженной гриве в виде торчащих трех зубцов, данную фигуру вероятнее всего следует отнести к раннему средневековью.

Т.к. сцены охоты раннесредневековых тюрков являются наиболее распространенными и в деталях показывают особенности приемов ведения групповой и индивидуальной охоты., наскальные изображения привлекались в качестве дополнительного источника по реконструкции охотничьей деятельности населения Алтая I тыс. н.э. в работе В.И. Соенова и Н.А. Константинова. Исследователи использовали изображения для реконструкции образа жизни, социальных ценностей и мировоззрения древних тюрков¹⁰⁴. Для анализа сюжетных композиций в изобразительном искусстве Саяно-Алтая эпохи раннего средневековья А.Н. Мухаревой наскальные рисунки уже рассматривались в первую очередь и составляли большую часть ее источников. Далее рассматривались изображения на бересте, костяных и керамических предметах и предметах торевтики¹⁰⁵.

Таким образом, памятники наскального искусства Горного Алтая имеют более чем двухсотлетнюю историю изучения. На первом этапе путешественники-исследователи не обращали особого внимания на наскальные рисунки, видя в них бессмысленные и не совсем понятные фигуры. Лишь в конце этого этапа им начали придавать значение и фиксировать. В начале XX века в Южной Сибири активизируются различные организации – музеи, общества, кружки и т.д., – которые фиксируют петроглифы в гораздо большем объеме. В них накапливается материал в виде

¹⁰³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. с. 90.

¹⁰⁴ Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. С. 88-93, 95-101.

¹⁰⁵ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. 289 с.

эстампажных копий, прорисовок (иногда выполненные профессиональными художниками) петроглифов и отдельные плиты с ними.

До этого периода наскальные изображения тюркского периода не выделяются из всего массива разновременных рисунков. Ситуация изменилась кардинальным образом после обнаружения костяной накладки с гравированными сценами охоты VII века н.э. из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае. Эти изображения стали надежным датирующим материалом из закрытого комплекса, по аналогии с которым начали датировать наскальные рисунки. Позже, исследователи стали больше обращаться к петроглифам, как к источникам, организуются целенаправленные экспедиции по изучению памятников наскального искусства, выпускаются отдельные статьи и монографии, посвященные им. В конце XX – начале XXI веков проводятся международные конференции, семинары, создаются общества и ассоциации, деятельность которых посвящается конкретно этим памятникам. Наскальные изображения тюркского периода становятся предметом отдельного направления исследования ряда ученых. В результате, основывая работы на этих источниках, находят параллели эпическими произведениями, определяются культурные взаимодействия, изобразительные традиции и мировоззренческие аспекты населения в эпоху раннего средневековья на Алтае, в частности, и Евразии, в целом.

В итоге, после анализа историографии и истории изучения памятников наскального искусства выделены следующие этапы:

1) **XIX век – начало XX века** – период появления первых сведений и накопления информации о наскальных изображениях и «надписях» Горного Алтая.

2) **1920-е – 1980-е годы** – период начала целенаправленного изучения петроглифов и выделение раннесредневекового пласта.

3) **С 1990-х годов до настоящего времени** – современный этап исследований раннесредневековых петроглифов.

Приведенная периодизация разработана на основе развития археологической науки в совокупности с происходившими историческими событиями в стране и увеличения роли памятников наскального искусства для этой науки, в целом, и петроглифам эпохи раннего средневековья, в частности.

Глава 2. Локально-топографические характеристики памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья

Для получения более детальной информации памятники, в настоящей главе, были сгруппированы по локальным физико-географическим провинциям (Юго-Восточный, Восточный, Центральный и Западный Алтай)¹⁰⁶, которые лишь частично совпадают с административными районами Республики Алтай (рис. 1). Для рассмотрения ландшафтно-топографических особенностей на известных на сегодняшний день памятниках наскального искусства эпохи раннего средневековья были изучены архивные документы и публикации, в которых уже собраны данные об археологических памятниках Горного Алтая и имеются сведения о рассматриваемых памятниках в каталожном виде. Это Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года)¹⁰⁷ и Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации федерального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года)¹⁰⁸, Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января

¹⁰⁶ Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: Учебное пособие по спецкурсу. Барнаул: БГПИ, 1987. С. 88-89.

¹⁰⁷ Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-ob-ektov-regionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 21.11.2023).

¹⁰⁸ Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации федерального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-ob-ektov-federalnogo-znacheniya> (дата обращения: 21.11.2023).

2020 года)¹⁰⁹ и монографическая публикация В.Д. Кубарева и Е.П. Маточкина «Петроглифы Алтая»¹¹⁰. В сумме из упомянутых источников и публикаций, не беря в расчет дублирующиеся памятники и учитывая памятники, зафиксированные автором работы и другими исследователями, получилось 17 памятников, имеющие в своем составе пласт раннесредневековых изображений или состоящие полностью из таковых. На обозначенных памятниках зафиксировано 527 изображения, часть из которых составили 37 сцен охоты, 13 батальных сцен и лишь четыре сцены ритуального характера (табл. 1).

Документирование объектов. При определении локальных зон и топографических особенностей расположения памятников наскального искусства, имеющих в составе или состоящих полностью из раннесредневековых изображений, важным является методика их документирования. В истории изучения петроглифов (см. гл. I) мы наблюдаем, каким образом осуществлялись исследования на такого рода памятниках в первые периоды изучения археологических памятников и каким образом исходя из этого они документировались.

В ходе работ в полевых условиях на памятниках наскального искусства сегодня используются прежде всего бесконтактные методы документирования. До начала XXI века практически все методы копирования так или иначе предполагали контакт со скалой (обводка мелом, нанесение краски на приложенную к изображениям микалентную и пр. бумагу, нанесение силиконовых масс и др.). С развитием цифровой и другой сопутствующей техники упомянутые методы практически не используются,

¹⁰⁹ Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2020 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-vyyavlennykh-ob-ektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 21.11.2023).

¹¹⁰ Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд.-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. 123 с.

что также обеспечивает и некую меру превентивного сохранения объекта исследования.

Общая методология проведения полевых работ по поиску и документированию петроглифов Горного Алтая выполнялась в соответствии с третьим пунктом Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, которое утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук¹¹¹. Отдельные методы документирования производились согласно их описанию в археологической литературе¹¹². Перед осуществлением полевых работ разрабатывался план проведения разведок. Определялись районы, долины, отдельные горные гряды, урочища и более узко локализованные участки местности для поиска памятников наскального искусства. В соответствии с этим производилось изучение опубликованной литературы по петроглифам в исследуемых районах и архивными материалами в Отделе полевых исследований Института археологии Российской академии наук (ОПИ ИА РАН) и Национальном музее им. А.В. Анохина Республики Алтай.

В ходе полевых исследований опрашивались местные жители на предмет наличия и расположения петроглифических памятников близ их сельскохозяйственных угодий в урочищах и долинах рек. Впоследствии полученные данные проверялись. Непосредственно во время основных работ по поиску петроглифов дополнительно обследовались известные памятники наскального искусства с целью уточнения сведений о них и возможной фиксации новых изображений. Осматривались потенциальные места для

¹¹¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации [Электронный ресурс] URL: https://archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2023_25012024.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

¹¹² Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 67; Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М.: Высшая школа, 2002. С. 21-52.

нахождения петроглифов, в частности, относящихся к раннему средневековью, скальных выходов на склонах отрогов при различном направлении естественного освещения в разное время суток.

О закономерностях расположения памятников наскального искусства высказывались многие исследователи¹¹³. Гравированные рисунки встречаются на склонах, ориентированные на все стороны света. Больше все же находятся на южных и восточных, меньше на западных и северных. Меньшая встречаемость на последних двух сторонах, вероятно, связана с наличием большого количества растительности и их общей залесенностью.

При нахождении наскальных изображений, независимо к какому периоду они относятся, снимались координаты при помощи GPS устройства, проводилась фотосъемка общей плоскости, отдельных изображений и их деталей при необходимости, а также детальное описание местности (название, топография), расположение скальных выходов, плоскостей и самих изображений в полевой дневник.

Съемка скальных плоскостей с рисунками выполнялась в ортогональной проекции при боковом естественном освещении, при котором даже неглубокие линии гравировок выделялись на фоне каменного полотна. Фотофиксация многофигурных композиций, занимающие большие площади на одной или нескольких плоскостях осуществлялась согласно предложенной Е.А. Миклашевич методике¹¹⁴. Сначала снимались на фотокамеру отдельные

¹¹³ Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 60-61; Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. М: «Научный мир», 1976. С. 30; Заика А.Л., Кузнецов А.Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. С. 7; Аболонкова И.В. Наскальные изображения Тепсейского археологического микрорайона в аспекте развития методики исследования: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. Наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2019. С. 51-52.

¹¹⁴ Миклашевич Е.А. К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2. С. 170-172.

фрагменты плоскости(ей), затем полученные кадры монтировались в одну с высоким разрешением.

По завершению работ на скале или склоне проводилась фотосъемка его общего вида на удалении 100-500 и более метров, таким образом, чтобы снимок передавал особенности геоморфологии памятника с охватом всего участка распространения изображений. После осмотра местности расположения памятника с наскальными рисунками запускался беспилотный летательный аппарат (дрон) для фотофиксации с высоты птичьего полета с разных ракурсов. Благодаря доступности техники для воздушного документирования, широко применяющемуся в последние годы в археологии, представляется возможность по-новому взглянуть на памятник в его историко-культурном ландшафте. Серия ортофотоснимков и снимков под разными углами, получались с дрона таким образом, чтобы следующие фотографии имели общие участки или части объектов с предыдущими. Это позволяет создавать трехмерные модели местности для последующего их использования для создания точных топографических планов. Разумеется, точность такого плана во многом зависит от качества фотографий и полученной модели.

Хорошие результаты по 3D-моделированию петроглифических памятников Дальнего Востока (Сикачи-Алян, Шереметьево, бассейна Кии) и их ландшафтного контекста были получены археологами совместно со специалистами лаборатории «Remote Sensing and Spatial Data Analysis» (RSSDA), которыми для получения наиболее эффективного результата были сформулированы ряд задач и разработаны методы их документирования¹¹⁵. Разработанные методы применены ими и на памятниках Сибири для

¹¹⁵ Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Документирование ландшафтного контекста и изобразительных особенностей дальневосточных памятников наскального искусства // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул: АГУ, 2017. Том III. С. 94-97; Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирование сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2(60). С. 247-252.

сохранения наскальных рисунков, затопляемых в Красноярском водохранилище¹¹⁶. Для проведения такого рода документирования и был использован вышеописанный опыт на памятниках Алтая автором данной работы.

По окончании полевых работ в камеральных условиях производится прорисовка наскальных изображений по фотографиям в графическом редакторе Procreate на планшете iPad. Эта программа позволяет в зависимости от степени нажатия контролировать ширину прорисовываемых линий, максимально схоже к оригиналу, прорисовывать отдельные линии или фигуры на отдельных слоях для возможности дальнейшего редактирования при необходимости. Подобный опыт работы хорошо зарекомендовал себя при прорисовке гравированных линий наскальных изображений на памятниках Алтая¹¹⁷.

В настоящее время с изменением исследовательского подхода и развитием технических возможностей документирование памятников наскального искусства проводится более тщательно и комплексно. Специалисты работают со скальными плоскостями с изображениями, как с объектами, имеющими несколько информационных уровней. Согласно В. Сансоне, который выделяет три уровня, на первом уровне содержится информация историко-культурного значения, заложенная автором произведений. Второй уровень через технику нанесения передает информацию о времени создания изображений. Третий уровень может пролить свет на историю окружающей среды, а не только о самом памятнике¹¹⁸. А.Е. Рогожинским при рассмотрении петроглифического

¹¹⁶ Советова О.С., Аболонкова И.В., Шишкина О.О. Некоторые результаты мониторинга состояния затопленных петроглифов горы Тепсей в 2021 году // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии. Кемерово: Издательство «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», 2021. С. 269.

¹¹⁷ Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48. №3. С. 62.

¹¹⁸ Сансоне В. Камни, которые надо спасти. М.: Мысль, 1986. С. 28.

памятника, как культурного ландшафта выделяется четыре уровня, структурированные по иерархическому принципу: комплекс – локальный участок (группа) – изобразительная поверхность (объект) – изображение (элемент)¹¹⁹. Больше уровней выделено А.К. Солодейниковым, который, по сути, расширил предложенную иерархию А.Е. Рогожинского, добавив в начале уровень геоморфологии, а в конце макроуровень следов¹²⁰. Поэтому важно рассматривать и, следовательно, документировать памятники наскального искусства также в его историко-культурном ландшафте.

2.1. Юго-Восточный Алтай

Географический Юго-Восточный Алтай в административном плане не совсем совпадает с территорией Кош-Агачского района. Имеет общие границы с Тувой на востоке, с Монголией на юго-востоке, с Китаем на юге, с Казахстаном на юго-западе. От других провинций Юго-Восточный Алтай ограничен Курайским хребтом на севере, Северо-Чуйским и Южно-Чуйским хребтами на северо-западе и западе соответственно. Здесь находятся две крупные межгорные котловины – Чуйская и Курайская. По краям этих котловин, на скальных выходах горных отрогов и небольших холмах располагаются памятники наскального искусства, а также в долинах рек, протекающих с высокогорий и впадающие в крупнейшую реку рассматриваемой провинции – Чую.

Раннесредневековые наскальные изображения в этой области представлены 176 фигурами. Это высокохудожественные образцы изобразительной традиции, 13 охотничьих, 9 батальных, 1 ритуальная сцена и

¹¹⁹ Рогожинский А.Е. Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник материалов Международного семинара- тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ / Отв. Ред. Е.Ж. Жанпеис. Алматы, 2011. С. 34.

¹²⁰ Солодейников А.К. Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 208.

другие отдельные фигуры детально проработаны. Другие виды памятников этого периода также отличаются большим количеством и масштабами сооружения¹²¹.

Елангаш. Часть долины, где располагается один из самых крупных комплексов наскальных изображений, вытянутой по линии юго-запад – северо-восток, находится в небольшом (по сравнению со всей долиной) уширении, в 10 км от устья реки Елангаш на высоте около 2400 м над уровнем моря (рис. 2). Река берет начало с ледников горы Тепсен-Баш (с *алт.* – гора с плоской вершиной) и впадает в степи в Чую. С северо-западной и юго-восточной части долина ограничена стеной поднимающимися высокими отрогами Южно-Чуйского хребта.

Специально сформированным для исследования на этом месте наскальных изображений Алтайским археологическим отрядом экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН, который работал здесь несколько полевых сезонов начиная с 1969 года, обозначена площадь памятника в размере 18 км в длину, 1,5 км в ширину¹²². Среди огромного количества петроглифов (свыше 8000)¹²³, располагающихся практически на всех валунах моренных гряд, отдельных камнях и скальных выходах, сложенных из ордовикского песчаника¹²⁴ выделяются две области их концентрации (III и V участки по А.П. Окладникову¹²⁵). Одна в юго-западной части на крутом краю высокой возвышенности, рядом с которым с восточной

¹²¹ Соенов В.И. Отчет об археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 52941.

¹²² Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. С. 7-8.

¹²³ Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. С. 3.

¹²⁴ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45- XXIX.

¹²⁵ Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. С. 19-41.

стороны протекает река Турой, впадающая чуть ниже в Елангаш – участок III. Другая область в северо-восточной части памятника, так же на возвышенности, называемой Тамга-Таш – участок V. Расстояние между ними около 3 км.

Рассматриваемые в настоящей работе наскальные изображения эпохи раннего средневековья на Елангаше выявлены только на обозначенных выше местах концентрации. Ранее считалось, что древнетюркские изображения находятся только в юго-восточной части скопления Тамга-Таша¹²⁶. Проведенные автором данной диссертации полевые работы в 2021 году с I по V участков памятника позволили выявить новые изображения древнетюркской эпохи на скале в юго-западной части комплекса. Следует отметить, что обнаруженные изображения нанесены крайне тонкими линиями, едва заметные глазу. В ходе последующих работ по поиску петроглифов, определенно, будут обнаружены новые. Для определения топографических и планиграфических особенностей раннесредневековых петроглифов в работе рассмотрены два этих пункта, на которых всего зафиксировано 67 раннесредневековых изображений.

Юго-западный пункт представляет собой плавно поднимающуюся с юго-запада на северо-восток вытянутую в длину примерно на 800 м. возвышенность со скальными выходами в различных частях, многие из которых заглажены ледником (рис. 3). Практически все разновременные рисунки нанесены на эти гладкие поверхности. Северо-восточная часть возвышенности немного понижается за 250-300 м до ее оконечности и наконец круто обрывается. Прямо на краю небольшого обрыва огромные плоские скальные полотна испещрены выбитыми рисунками. Среди них на

¹²⁶ Черемисин Д.В., Плетс Г. Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 290; Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. – С. 320.

горизонтальной плоскости, с небольшим уклоном на север, обнаружено гравированное тонкими линиями древнетюркское изображение волка (рис. 4).

Северо-восточный пункт (Тамга-Таш) так же представляет собой постепенно поднимающуюся возвышенность, но гораздо выше предыдущей (рис. 5). Она вытянута по линии юго-запад-запад – восток-северо-восток длиной около 1,5 км. Вдоль возвышенности с северной стороны протекает Елангаш. Раннесредневековые изображения, выполненные в комбинированной технике (выбивка и гравировка), находятся на самой наивысшей точке – северо-восточной части возвышенности. К указанному периоду здесь относятся семь больших композиции и две отдельные фигуры¹²⁷ (рис. 6-11). Они располагаются на плоскостях, заглаженных ледниками больших скальных выходов – «бараньих лбов», – обращенных на юг.

Из общих закономерностей расположения древнетюркских изображений в долине Елангаша отмечается их нанесение на верхних частях возвышенностей. В обоих случаях это их северо-восточные оконечности. Плоскости выбирались таким образом, чтобы они были обращены к солнцу. Плоскости юго-западного пункта практически горизонтальны и всегда освещаются солнцем. О связи с петроглифами более ранних периодов можно немного сказать. Они всегда находятся на одной плоскости с ними, в некоторых случаях композиционно вписываясь в общую картину с ними.

Из других видов археологических памятников в долине в 2 км к северо-востоку от последнего пункта концентрации, вниз по реке, у озера Чанкыр-Коль цепочкой располагается группа курганов пазырыкской культуры раннего железного века (рис. 12). Из-за близкого расположения курганов друг к другу установить точное их количество сложно. Цепочка перпендикулярна реке и

¹²⁷ Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. – С. 320.

вытянута по линии юго-восток – северо-запад. С западной стороны от них прослеживаются кольцеобразные выкладки.

Состояние сохранности плоскостей можно характеризовать, как удовлетворительное. Относительно других памятников наскального искусства Елангаш является более труднодоступным. Тем не менее увеличивающийся с каждым годом турпоток и турагентства, использующие такие памятники истории и культуры оказывают антропогенное воздействие, выражающееся, как это обычно случается, в оставлении вандальных надписей. То же самое исходит от местных жителей, на угодьях которых находится памятник Елангаш. Но в последнее время большинство посетителей относятся к изображениям более осмысленно, что отражается на снижении негативного антропогенного воздействия. На скальных плоскостях с петроглифами сейчас в основном наблюдаются посетительские надписи, оставленные до последнего десятилетия. Кроме того, на скальные выходы с изображениями оказывает негативное воздействие и природный фактор (атмосферные и грунтовые воды, литофиты и т.д.). Многие крупные блоки раскалываются на вертикальные пласты, отделяя некоторые изображения из единой композиции и отдельные фигуры пополам. Между этими пластами скапливаются почвенные наслоения, в которых начинают произрастать высшие растения, провоцирующие дальнейшее разрушение пород своей корневой системой.

Чаганка. Расположен в 7 км к северу от петроглифов Елангаша за высоким отрогом и урочищем Чат в долине реки Чаганки (рис. 13). Река Чаганка образуется при слиянии рек Кара-Оюк и Ак-Кол, берущие свое начало с ледников Южно-Чуйского хребта и тянутся с юга-запада на северо-восток. Ниже она сливается с Ак-Колом и образуется Чаганка, которая в свою очередь немного меняет направление русла на восток. Здесь долина так же ограничена с южной и северной сторон высокими отрогами хребта. Высота колеблется в районе 2000-2200 м над уровнем моря.

В первой публикации петроглифов Е.А. Окладниковой памятник был назван Кара-Оюком¹²⁸, впоследствии исследователями было определено нахождение наскальных изображений на скальных выходах вдоль реки Чаганки, а не Кара-Оюка¹²⁹. Продолжительные исследования велись здесь Д.В. Черемисиним, Е.А. Миклашевич, Л.В. Зоткиной и др., которыми были получены яркие образцы древнетюркского наскального искусства, в деталях отражающие реалии культуры, знаки-тамги, осуществлено ГИС-картографирование местности памятника и трасологический анализ отдельных изображений¹³⁰. В 2024 году автором настоящей диссертации проведены работы по сплошной документации петроглифов в долинах Чаганки, Кара-Оюка и Ак-Кола. В итоге сопоставления результатов предыдущих работ с работами автора выяснилось, что в долине Чаганки раннесредневековые изображения сконцентрированы в урочищах Соок-Тыт, Шин-Оозы и Абиджай (рис. 14). Всего зафиксировано 87 рисунков, около

¹²⁸ Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. Вып. XLII. С. 140-158.

¹²⁹ Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. С. 12-16; Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 40-51; Черемисин Д.В., Плетиц Г. Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 289-293.

¹³⁰ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 40-51; Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. Том XIX. С. 362–368; Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов памятника Соок-Тыт (Юго-Восточный Алтай) в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Том XXI. С. 451–455; Черемисин Д.В. Исследование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 258-261.

половины были ранее неизвестны (рис. 15-27). В долинах других рек петроглифов рассматриваемого периода не выявлено.

Изображения нанесены на плоскости сильно патинированных скальных выходов, сложенных из ордовикского песчаника¹³¹. По площади распространения петроглифов Чаганка не уступает Елангашу, но не превышает 3 кв. км, количество композиций наскальных рисунков составляет более 1200¹³². Здесь раннесредневековые рисунки выявлены в большем количестве, чем на Елангаше. Расположены они хаотично по обоим берегам рек (больше на правом), в небольших урочищах на горизонтальных и вертикальных плоскостях.

Ниже по долине, где отроги по бокам становятся заметно пологими, по обоим берегам располагаются группы курганов, относящиеся к эпохе бронзы и раннему железному веку. На западной окраине памятника, очерченной Е.А. Окладниковой, в районе озера Эдыр-Кёль, находились насыпи курганов, относящиеся к раннему железному веку¹³³. Примерно в 2 км ниже по Чаганке в урочище Кызыл-Дьар зафиксированы петроглифы эпохи бронзы и раннего железного века, рядом с которыми сооружены цепочки курганов. Цепочки изображений вытянуты по линии север-юг и по конструктивным особенностям датируются ранним железным веком. По многим проходит грунтовая дорога, вследствие чего они разрушаются.

Состояние сохранности плоскостей с петроглифами долины реки Чаганки является малоудовлетворительным. Связано это с тем, что, начиная от ближайшего с. Старый Бельтир (находится в 9 км к северо-востоку) и практически до Софийского ледника Южно-Чуйского хребта долины рек

¹³¹ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45- XXIX.

¹³² Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. Вып. XLII. С. 141.

¹³³ Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. Вып. XLII. С. 141.

через каждые 2-3 км усеяны зимниками. Поэтому в этих местах всегда есть люди, сельскохозяйственные животные (козы, лошади, верблюды, яки), которые здесь пасутся. Помимо них через эти места проходят туристические маршруты до вышеупомянутого ледника. В связи с такой частотой пребывания людей, на скальные плоскости с петроглифами покрыты и посетительскими надписями, в том числе и в стихотворной форме. Большая часть из них оставлена местными жителями – вероятно, хозяевами близлежащих зимников. Природные факторы также оказывают негативное воздействие. Многие плоскости покрыты талломами лишайников, из небольших трещин произрастают высшие растения, что приводит к разрушению пород. В данной местности часто происходит сильный и резкий перепад температур, уменьшая и увеличивая объем влаги в камнях. Такое морозное выветривание поверхности скал с изображениями оказывает наибольший вред.

Жалгыз-Тобе. Небольшая одиноко стоящая гора Жалгыз-Тобе (с алт. Яныс-Төбө – одинокий холм) располагается на южном краю Чуйской степи в 8 км к юго-западу от с. Тебелер (рис. 28, 29). Этот участок представляет собой часть массива девонской системы, представленный сланцами и песчаниками. Окружен аллювиальными отложениями, галечниками, песками и глиной четвертичного периода¹³⁴.

Впервые научные публикации о на скальных изображениях на этом памятнике опубликованы Е.А. Окладниковой в 1986 году по итогам разведочных работ в 1981-1982 годах одним из подразделений комплексной петроглифо-археологического отряда ИИФФ СО АН СССР, которое она возглавляла. Отрядом было зафиксировано 718 композиций петроглифов¹³⁵.

¹³⁴ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45- XXIX.

¹³⁵ Окладникова Е.А. Петроглифы г. Жалгыз-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. 1982 г. М.: Наука, 1986. С. 189.

Однако первые работы здесь провел В.Д. Кубарев немногим раньше, в 1980 году, обнаружив на вершине горы руническую надпись¹³⁶. Далее работы продолжились в 1991 году экспедицией Горно-Алтайского педагогического института под руководством Елина В.Н., которым зафиксировано более 100 композиций и отдельных изображений из 718, опубликованных Е.А. Окладниковой¹³⁷. Затем в начале XXI века на памятнике работали экспедиции В.Д. Черемисина и Г.В. Кубарева, которые опубликовали несколько ранее неизвестных фигур и уточнили изображения сцен боя и охоты¹³⁸. В полевой сезон 2021 года автором настоящей диссертации также были проведены работы по сплошной документации петроглифов Жалгыз-Тобе для уточнения сцен, отдельных фигур и локализации плоскостей с ними.

Наскальные изображения на Жалгыз-Тобе в основном располагаются на плоскостях скальных выходов и отдельных валунах на юго-западном, южном и северном склонах, немного на ее хребте. Среди множества ранее обнаруженных изображений, рисунки раннего средневековья находятся только на юго-западном склоне (рис. 30). Количество достигает 14 фигур (рис. 31-33). Плоскости с ними обращены на юго-запад.

В северо-западной части горы на его северном склоне располагается курган из крупных рваных камней. Ниже по склону в 100 м в западном направлении, практически на подножии, где отрог плавно перетекает в окружающую степь находится группа курганов с выраженными подквадратными каменными ящиками в центре, вероятно, относящиеся к

¹³⁶ Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. С. 14.

¹³⁷ Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыз-Тобе // Проблемы сохранения использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1992. С. 77.

¹³⁸ Cheremisin D. The study of the Djalghyz-tobe petroglyphs // International Newsletter On Rock Art. 2002. № 32. P. 20-25; Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С. 77-78.

неолиту-эпохе бронзы (рис. 34). Возможно, эти курганы имеют связь с выбитыми зооморфными фигурами того же времени на северном хребте горы.

Состояние сохранности плоскостей с изображениями обстоит на Жалгыз-Тобе менее стабильно, чем на Елангаше. Больше всего связано это с самой слагаемой породой памятника и его окружающей средой, характеризующая повышенной инсоляцией в степи и сильными перепадами температур. Эти факторы выражаются в часто встречающемся корковых отслоениях плоскостей, которые ведут к утрате изображений. На склонах повсеместно произрастают кустарники, в частности, вызывает их рост в крупных трещинах на поверхностях с петроглифами. Это провоцирует ускоренную деструкцию породы и появление новых мест для произрастания растений. В более затененных участках плоскости покрыты талломами лишайниковых. К описанному следует добавить антропогенный фактор воздействия, обусловленный организацией посещения этого памятника огромного количества туристических групп, в частности, Сайлюгемский национальный парк на маршруте по пути следования к ледникам Южно-Чуйского хребта. Организация посещения Жалгыз-Тобе отсутствует. На скалах оставлено множество посетительских надписей. На некоторых плоскостях прослеживаются остатки силиконовых масс, вероятно, оставленные исследователями или художниками при копировании петроглифов.

Кургак. Расположен в 9 км к юго-востоку от памятника Жалгыз-Тобе (рис. 35), на скальных выходах северной оконечности горной гряды, которая так же сложена из девонского сланца и песчаника¹³⁹ (рис. 36).

Изображения Кургака были открыты в 2001 году Российско-Монгольско-Американской экспедицией, возглавляемой В.Д. Кубаревым, Д. Цэвээндоржем и Э. Якобсон. Ими обнаружены множество изображений,

¹³⁹ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45- XXIX.

относящиеся к неолиту-эпохе бронзы, а также раннесредневековая сцена охоты (5 фигур) вместе с длинной строкой рунической надписи (84 знака)¹⁴⁰ (рис. 38). В 2003 году Г.В. Кубарев на этом памятнике в результате поиска новых петроглифов зафиксировал схематичную сцену боя из двух пар лучников, предположительно отнесенные им к гунно-сарматскому времени¹⁴¹. В 2023 году с целью уточнения известных изображений и их локализации автором настоящей работы проведены разведочные работы.

Раннесредневековые изображения находятся на сильно патинированных плоскостях скальных выходов, обращенных на северо-восток. На двух плоскостях одного из скальных выходов гравирована древнетюркская сцена охоты, которую обнаружили во время работ 2001 года (см. выше).

Прямо перед плоскостями с древнетюркскими изображениями располагается позднесредневековое погребение. У подножия склона находится современная животноводческая стоянка. В 5 км от Кургака в северо-западном направлении, на оконечности другого отрога находится другой петроглифический памятник – Курман-Тау. Чуть дальше, как уже описано выше – Жалгыз-Тобе. В 7 км в юго-восточном направлении от Кургака, на оконечности другого отрога находится памятник с наскальными изображениями Бураты. На Курман-Тау и Бураты изображения относятся, в основном, к «палеолиту/неолиту/энеолиту-эпохе бронзы и раннему железному веку»¹⁴². Все отроги с вышеописанными памятниками отходят от Южно-Чуйского хребта. Учитывая относительно близкое расположение этих

¹⁴⁰ Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. С. 9, 11.

¹⁴¹ Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. Вып. 2. С.

¹⁴² Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Новые материалы по древнейшим наскальным изображениям Курман-Тау (Юго-Восточный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. Вып. XXVI. С. 106; Елин В.Н. Исследования на петроглифических памятниках Курман-Тау и Бураты // Altaica. Новосибирск: Алтайский международный центр гуманитарных и биосферных исследований, 1993. №2. С. 52-55.

памятников, их можно объединить в одну группу, как место религиозно-мировоззренческого характера, существовавшее в древности и средневековье. Продолжение документирования этих памятников, вероятно, позволит выявить новые изображения раннего средневековья.

Памятник Кургак менее известен, поэтому практически не посещается туристами, что позволяет ему в меньшей степени испытывать антропогенное воздействие от них. Различного рода влияние оказывают в большей степени сельскохозяйственные животные, приходящие сюда от расположенного рядом современного зимника. На скалах замечено небольшое количество посетительских надписей.

Из описанных ландшафтно-топографических особенностей памятников наскального искусства Юго-Восточного Алтая, в которых имеются пункты с изображениями, относящимися к эпохе раннего средневековья, можно отметить следующее. Рассматриваемые петроглифы располагаются в комплексе с разновременными изображениями, нередко на одних плоскостях, композиционно вписываясь в них. Закономерных связей в случаях нахождения их на одной плоскости и на разных плоскостях с более ранними и поздними рисунками не прослеживается. Они могут быть, как сверху, так и снизу, а также по разным сторонам – слева или справа.

Недалеко находятся курганные группы, так же относящиеся к различным хронологическим периодам. Вероятно, древнетюркские художники выбирали плоскости, исходя из практических соображений. Основным критерием выборки являлось относительно ровная и цельная поверхность. Плоскости так или иначе большую часть дневного времени освещаются солнцем. Общее количество изображений рассматриваемого периода на описанных четырех памятниках достигает 176 единиц (табл. 1).

Тем не менее, определяются закономерности связи с ландшафтными особенностями окружающей среды. Это оконечности возвышенностей,

отрогов или небольшой горы, которые в свою очередь находятся недалеко от рек. Рядом зачастую находится небольшое урочище, в которых в современное время располагаются зимники.

2.2. Восточный Алтай

Восточный Алтай в административном плане полностью совпадает с Улаганским районом Республики Алтай. На востоке район граничит с Республикой Тыва, на севере с Республикой Хакассия, с запада ограничен Сумультинским хребтом и восточными отрогами Айгулагского хребта, с южной стороны проходит Курайский хребет, являющийся природной границей с Юго-Восточным Алтаем. Севернее этого хребта простирается огромное Улаганское плато, которое в свою очередь на севере упирается в Чулышманский хребет. Дальше, в северо-восточном направлении расположено Чулышманское нагорье, имеющий бóльшую высоту над уровнем моря по сравнению с хребтом. Между ними в глубокой корытообразной долине находится долина реки Чулышман, протекающая с юго-востока на северо-запад¹⁴³.

Считается, что археологические памятники древнетюркского периода рассматриваемого района преимущественно связаны с его ранним этапом. В частности, речь идет о кудыргинском этапе древнетюркской культуры, материалы которого были исследованы на одноименном памятнике¹⁴⁴. Один из видов археологических памятников Кудыргэ будет рассмотрен ниже в рамках темы настоящей работы. Стоит отметить, что, несмотря на большое распространение погребальных и поминальных сооружений, крупные и выразительные памятники наскального искусства эпохи раннего средневековья в данном районе известны в небольшом числе. В рамках

¹⁴³ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XI.

¹⁴⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 60-61.

Восточного Алтая рассмотрено два памятника, которые содержат 68 изображений, составляющие 4 охотничьи сцены, 2 батальные и 1 ритуальную.

Кудыргэ. Памятник находится в нижнем течении реки Чулышман, на правом берегу, в 2 км к северо-востоку от устья реки Башкаус. С востока примыкают отроги Чулышманского хребта. С западной стороны долина ограничена отрогами Улаганского хребта. Долина в этой части относительно верхних ее частей становится более широкой. Скальные породы близлежащих выходов относятся к кембрийской системе и представлены в большинстве случаев метаморфическими сланцами и песчаниками¹⁴⁵. Местность между извилистыми меандрами реки и крутым склоном отрога, где распложен памятник представляет собой небольшую ровную возвышенность размерами 500x200 м. С западной стороны имеется большое пахотное поле, образованное в результате меандрирования реки. Вероятно, в раннем средневековье река имела более прямое русло и могилы находились в непосредственной близости с ней.

В рамках этого памятника будут рассмотрены лишь сцены на костяных накладках передней луки седла из могилы №9 и валуне из могилы №16, находящиеся в северной части могильника (рис. 39). Эти предметы были обнаружены в ходе раскопок в 1924-1925 годах экспедицией Этнографического отдела Русского музея под руководством А.Н. Глухова и С.И. Руденко. Валун с нанесенной на нее сценой (рис. 40) залегал на глубине 0,4 м¹⁴⁶, накладки с гравировками (рис. 41) располагались на дне ямы, на глубине 1,2 м, в восточной части, на спине лошади¹⁴⁷. На этих двух предметах нанесено 18 изображений.

¹⁴⁵ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XI.

¹⁴⁶ Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 51, рис. 18.

¹⁴⁷ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 24, табл. XVI-A.

Необходимо отметить важность привлечения археологических материалов для исследования наскальных изображений, в том числе и в контексте отнесения их к памятникам изобразительного искусства, т.к. данная практика представляет возможность для сравнения и сопоставления изображений с синхронными предметными реалиями, позволяет комплексно подходить к вопросу изучения рисунков, выявляя историко-культурный контекст их появления, включая мировоззренческий аспект. При исследовании наскального искусства и их семантическом анализе исследователи зачастую обращаются к этому материалу. П.П. Азбелев посвятил отдельную работу, названную трактатом, сюжету с кудыргинского валуна, а сам могильник был им назван «главным» при исследовании истории древних тюрков¹⁴⁸. С юго-западной стороны от памятника располагаются два зимника, каждый из которых удален от него на 200 и 900 м. соответственно. В 3 км в юго-юго-западном направлении, на другом берегу Чулышмана находится село Кок-Паш. Ниже по течению реки в 9 км – с. Балыкча, до которого так же имеются несколько зимников. Большое количество зимников обусловлено особыми микроклиматическими условиями в долине и плодородными почвами, позволяющие собирать богатый урожай и содержать разного рода сельскохозяйственных животных, о чем отмечали исследователи в XIX и XX веках¹⁴⁹.

Валун, обнаруженный в погребении, к сожалению, был утерян в годы Второй мировой войны¹⁵⁰. На сегодняшний день в распоряжении исследователей остался лишь эстампаж его поверхности. По описанию С.И. Руденко и А.Н. Глухова валун удлиненной формы был изготовлен из

¹⁴⁸ Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб, 2010. С. 3. Значение материалов из могильника Кудыргэ трудно переоценить, однако высказанное автором мнение может носить скорее субъективно-оценочный характер.

¹⁴⁹ Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. С. 137; Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С. 38.

¹⁵⁰ Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб, 2010. С. 4.

буро-зеленоватого песчаника, на трех гранях которого нанесены гравированные рисунки¹⁵¹. Остальные материалы Кудыргинского могильника сегодня хранятся в Государственном Эрмитаже в соответствии с нормами температурно-влажностного режима, обеспечивающие их сохранность.

Дялбак. Расположен на скальных выходах средней части южного склона одноименной памятнику горы, которая находится на северо-восточной окраине с. Балыктуюль (рис. 42, 43). Скальная порода горы относится к сумурлинской свите девонской системы и сложена из сургучно-красных, лиловых, серых алевролитов, глинистых сланцев, полимиктовых песчаников и других в меньшей степени представленных пород¹⁵².

Впервые петроглифы этого памятника были обнаружены в 1979 году сотрудником Курайской геологической партии В. Бутвиловским и сообщены шофером В.А. Рыжковым руководителю Алтайского отряда Южносибирской экспедиции Кемеровского университета А.С. Васютину, часть из которых им были скопированы и включены в отчет¹⁵³. В результате работ с 2017 по 2020 годы сотрудниками Горно-Алтайского государственного университета, в том числе автором настоящей диссертации, были обнаружены новые изображения, как в результате обычного исследования памятника, так и в результате расчисток плоскостей от слоевищ лишайников¹⁵⁴.

¹⁵¹ Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. Т. III. Вып. 2. С 51.

¹⁵² Геологическая карта СССР. Лист М–45–XI.

¹⁵³ Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. 105 л. // Архив ИА РАН. Р-1. №8571.

¹⁵⁴ Константинов Н.А., А.У. Урбушев Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 270–272; Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48. №3. С. 59-69; Урбушев А.У., Константинов Н.А., Макарова А.С., Лобзова Р.В. Опыт удаления лишайников на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2021. №6. С. 325-337.

Наскальные изображения Дялбака (с *алт.* – плоский, широкий), в количестве 50 фигур, нанесены на камни в пяти пунктах (четыре скальных выхода и один отдельный окатанный камень). Все рисунки выполнены в технике гравирования и относятся к раннесредневековому периоду (рис. 44-49), кроме еще одного изображения колесницы (рис. 49-2). Эти пять пунктов имеют разделение по двум зонам концентрации – восточная и западная (рис. 43). Большинство изображений находятся в западной части (два пункта), где на семи плоскостях представлены высокохудожественные образцы древнетюркского искусства. Скальные выходы этой части располагаются на небольшой возвышенности склона. Меньше рисунков в восточной части (три пункта), где на одной плоскости выгравировано изображение колесницы, относящееся к эпохе бронзы¹⁵⁵.

Рассматривая памятник в плане его ландшафтно-топографических особенностей следует отметить расположение с южной стороны в небольшой западине выходов грунтовых вод, которые образуют заболоченную местность, занимающую площадь в 0,5 кв. км. Из болота, в юго-западной ее части, вытекает небольшая речка, которая чуть ниже сливается с рекой Балыктуюль. Последняя протекает также с западной стороны горы Дялбак.

На данном участке долины зафиксировано множество курганов эпохи бронзы и раннего железного века. Последние располагаются группами из цепочек. Курганы, предварительно датированные по особенностям конструкции эпохой бронзы, располагаются и с северо-восточной, восточной и юго-восточной сторон болота, а также на небольшом перевале при въезде в село Балыктуюль с южной стороны. В соседнем логу Пак-Балык с западной стороны от села находится одноименный археологический комплекс, в состав которого входят курганные группы раннего железного века и поминальные

¹⁵⁵ Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48. №3. С. 67.

оградки раннесредневековых тюрков¹⁵⁶. На южной окраине села были исследованы железоплавильные печи гунно-сарматского времени¹⁵⁷. Стоит также упоминания находящийся в 1,5 км к востоку от села огромный археологический комплекс в Пазырыкском логу, известный, в частности, по раскопаным в ней царским курганам пазырыкской культуры¹⁵⁸. Там же были исследованы объекты, относящиеся к гунно-сарматской и древнетюркским периодам¹⁵⁹ (рис. 42).

Близ с. Балыктуюль располагается множество других археологических памятников, но их нахождение составляет уже гораздо большее расстояние от Дялбака. Последним по удаленности стоит выделить петроглифы в урочище Сары-Кобы, относящиеся к эпохе бронзы, раннему железному времени и этнографической современности. Они находятся на склоне горы Калап (с *алт.* – хищный, жестокий) между Пазырыком и Балыктуюльским могильником.

По состоянию сохранности петроглифов Дялбака можно констатировать то, что на многих плоскостях имеются лишайники, множество трещин отрыва, в которых произрастают различные литофиты и скапливаются почвенные наслоения. Расположение памятника близ села обуславливает постоянное антропогенное воздействие в виде выпаса сельскохозяйственных животных.

В границах Восточного Алтая находится лишь два памятника, в составе которых содержались образцы изобразительного искусства раннего средневековья в количестве 68 единиц.

¹⁵⁶ Серегин Н.Н., Васютин А.С. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 216-219.

¹⁵⁷ Богданов Е.С., Мураками Я., Соловьев А.И., Гришин А.Е., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С. Исследование сыродутных печей около села Балыктуюль (Республика Алтай) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 224-228.

¹⁵⁸ Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: АН СССР, 1953. 402 с.

¹⁵⁹ Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. №2. С. 142.

Первый памятник представлен материалами из погребального объекта, который послужил более надежной аналогией для датировки наскальных изображений по технико-стилистическим особенностям и является яркой иллюстрацией художественной традиции. Вместе с другими материалами из этого же кургана исследователям удалось определить более узкие историко-культурные рамки и определить погребенных к раннему этапу древнетюркской культуры – кудыргинскому (VI-VII века н.э.)¹⁶⁰.

Второй памятник так же представлен образцами, выполненными художниками, обладающими высоким мастерством. Исходя из ландшафтно-топографических характеристик, можно отметить некоторые сходства этих двух однокультурных памятников. Курган №11 могильника Кудыргэ расположен на небольшой возвышенности площадки между склоном отрога и рекой. Вблизи, на юго-западе располагаются современные зимники. В том же направлении через реку находится село. Один из участков наибольшей концентрации петроглифов Дялбака располагается на склоне, но также на небольшой ее возвышенности. Рядом, снова с юго-западной стороны находится село. С восточной стороны обеих памятников протекает река, хоть и в разных направлениях. Разумеется, между разными видами археологических памятников будет больше отличий в их расположении, чем между одинаковыми, но тем не менее прослеживаются закономерности, хоть и немного условные.

2.3. Центральный Алтай

В административном плане Центральный Алтай соответствует границам Онгудайского района Республики Алтай. На юго-западе район граничит с Юго-Восточным Алтаем, на востоке имеет длинную границу с Восточным

¹⁶⁰ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 58-61; Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 103, 112.

Алтаем, на юге и юго-западе ограничен Теректинским хребтом, на западе его отделяют от Западного Алтая отроги Теректинского и Семинского хребтов. Последний ограничивает с северо-запада. На севере граница проходит чуть выше по течению Катунь от села Куюс Чемальского района. В Центральном Алтае протекает три крупные реки – Катунь, Чуя и Урсул, – имеющие множество притоков¹⁶¹.

По сравнению с другими географическими районами, в Центральном, наскальных памятников эпохи раннего средневековья больше всего. Изображения отличаются высокохудожественностью исполнения, а также разнообразием фигур и сцен. В этом районе имеются рисунки, нанесенные на каменные плоскости плитки, случайно обнаруженную под землей при производстве земляных работ на зимнике.

Для Центрального Алтая выделено 10 объектов, содержащие 267 изображений, составляющие 47 охотничьих сцен, 3 батальных и 2 ритуальных.

Калбак-Таш I. Памятник расположен на правом берегу реки Чуи на одной из оконечностей отрога Айгулакского хребта, который практически вплотную примыкает с северной стороны к реке (рис. 50, 51). Оконечность отрога образует некий природный барьер по пути следования между горной грядой и бурной рекой по надпойменным террасам, из-за чего во время строительства Чуйского тракта (трассы Р256) ее южная часть была уничтожена вместе со множеством наскальных изображений. Некоторые глыбы с рисунками до сих пор лежат в завалах внизу дороги¹⁶². Естественная формация оконечности отрога образовала здесь ступенчатый склон, на котором имеются широкие горизонтальные поверхности и вертикальные ровные скальные поверхности, что, видимо, и определило на этом месте

¹⁶¹ Геологическая карта СССР. Лист М–45–VIII; Геологическая карта СССР. Лист М–45–XV.

¹⁶² Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 12.

появление памятника. Сам горный массив сложен из зеленых алевролитов, сланцев, песчаников среднего-верхнего отдела ордовикской системы¹⁶³.

По оценке В.Д. Кубарева площадь распространения рисунков на Калбак-Таше-I занимает около 2 кв. км, количество разновременных рисунков 3723¹⁶⁴. Разумеется, на таком огромном памятнике еще остались не выявленные изображения, что подтверждается последующими исследованиями на нем, в том числе путем удаления слоевищ лишайников¹⁶⁵.

Впервые памятник был открыт в начале XX веке художниками Д.И. Кузнецовым и Г.И. Чорос-Гуркиным, которые сделали первые зарисовки петроглифов. С конца 1970-х – начала 1980-х годов здесь начали проводиться активные исследования сотрудниками Института истории, филологии и философии СО РАН под руководством Е.А. Окладниковой. Чуть позже организовывались отдельные экспедиции Восточно-Алтайского отряда Северо-Азиатской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, в ходе которых немало внимания уделялось и памятнику. В составе этого отряда и отдельно здесь занимались изучением частных вопросов многие исследователи, такие как В.Д. Кубарев, И.Л. Кызласов, Д.В. Черемисин, Я.А. Шер, Э. Якобсон, Т. Масумото и др.¹⁶⁶. Довольно интересные результаты были получены В.Д. Кубаревым в результате закладки двух шурфов под скальными плоскостями у т.н. «алтаря» в юго-западной части памятника. Им были обнаружены каменные плиты с изображениями, отслоившиеся от скалы,

¹⁶³ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XV.

¹⁶⁴ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 11, 18.

¹⁶⁵ Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Кемерово: «Кузбассвузиздат», 2011. Вып. VII. С. 233-246.

¹⁶⁶ Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук. 1981. №11. Вып. 3. С. 61-64; Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Ч. 1. Памятники енисейского письма. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. С. 57; Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 8.10.

курант (?) от зернотерки, фрагменты шлифовальных камней, керамики и древесного угля, кости животных и «чашечный» камень с остатками охры. Последнее, вероятно, говорит о том, что петроглифы еще и раскрашивались¹⁶⁷. Автором настоящей работы с 2014 года периодически проводятся работы по мониторингу состояния сохранности изображений на этом памятнике¹⁶⁸.

Среди множества петроглифов Калбак-Таша I раннесредневековые, в основном, находятся на вертикальных плоскостях в юго-западной и на горизонтальных плоскостях центральной частях памятника практически на самом подножии западного склона и в средней части восточного склона соответственно, в количестве 53 фигур¹⁶⁹ (рис. 52-55). Вертикальные плоскости обращены на юг. Гравировки зачастую сопровождаются тамгами и руническими надписями. Петроглифы более ранних периодов находятся практически на всех скальных плоскостях памятника, а также вместе с раннесредневековыми на одной плоскости¹⁷⁰.

Из других видов памятников археологии рядом, в юго-восточной части петроглифического комплекса, находились погребение позднего бронзового века и группа курганов пазырыкской культуры в 0,3 км к юго-западу. Все

¹⁶⁷ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 15.

¹⁶⁸ Урбушев А.У. Проблемы сохранения и использования памятников археологии на примере комплекса Калбак-Таш // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов № 12. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. С. 98-99.

¹⁶⁹ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 126, 428-476; Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. Кемерово: «Кузбассвуиздат», 2011. Вып. VII. С. 236.

¹⁷⁰ Копия с местонахождения Калбак-Таш (Алтай) [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 7305. ПФ 2313. 2002. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10764580> (дата обращения 29.11.2023).

объекты располагались на второй надпойменной террасе¹⁷¹. Прямо напротив, через реку, в урочище Апшиякта расположен одноименный петроглифический памятник и погребально-поминальный комплекс раннего средневековья¹⁷² (рис. 50).

Сегодня этот памятник является самым посещаемым памятником Алтая, его используют многие туристические компании. Историко-культурный ландшафт находится в крайне неудовлетворительном состоянии.

Калбак-Таш II. Памятник находится на правом берегу реки Чуи и имеет две области концентрации (рис. 50, 56). Восточная находится в 0,2 км к западу от с. Чуй-Оозы (рис. 57), западная в 1 км западнее от первого пункта, неподалеку от устья, где река Чуя впадает в реку Катунь (рис. 58). Восточный пункт располагается в широком одноименном селу урочище, представляет собой несколько отдельных холмов, являющиеся окончанием отрога Айгулагского хребта, который проходит посередине урочища по линии север-юг. Западный пункт расположен на западном краю урочища на оконечности другого отрога. Памятник имеет то же геологическое происхождение, что и Калбак-Таш I и так же является природным барьером по пути следования по надпойменной террасе¹⁷³.

Памятник начал исследоваться в начале 1990-х годов, но не получил полной монографической публикации¹⁷⁴. Позже, в разные годы, здесь

¹⁷¹ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 16-17.

¹⁷² Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 93-103; Кубарев Г.В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. С. 170-179.

¹⁷³ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XV.

¹⁷⁴ Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 10.

проводили работы по документации петроглифов Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, Л.Л. Бове, Д.В. Черемисин и др.¹⁷⁵. Г.В. Кубаревым в 2016 году была опубликована обнаруженная там руническая надпись¹⁷⁶. В 2021 году автором настоящей работы было проведено сплошное обследование памятника с целью уточнения известных изображений и поиска новых. Так, выяснилось, что опубликованная впервые В.Д. Кубаревым в 2010 году охотничья сцена была не совсем точно скопирована¹⁷⁷. Новые уточнения позволили выявить ранее не обнаруженные две фигуры животных в сцене и определить, что вместо тамгообразного знака на крупе лошади гравирован подхвостник, а у всадника на голове показан головной убор¹⁷⁸ (рис. 60), находящийся аналогии в сценах охоты на алтайских памятниках Кургак¹⁷⁹ и Туекта¹⁸⁰.

¹⁷⁵ Кубарев Г.В. Граффити местонахождения петроглифов Калбак-Таш II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Глав. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 198-201; Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012-2014 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово: ООО «Азия-Принт», 2015. С. 37; Кубарев Г.В. Исследования на Калбак-Таше II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Глав. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 289-292.

¹⁷⁶ Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 4 (16). С. 92-101.

¹⁷⁷ Кубарев В.Д. История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2010. Вып. 3. С. 55, рис. IV-5.

¹⁷⁸ Урбушев А.У. Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о редокументировании памятников наскального искусства // Поволжская археология. 2025. №2 (52). *в печати*.

¹⁷⁹ Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. С. 9, рис. 3.

¹⁸⁰ Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туекта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. С. 219–235, рис. 5.

Общее количество наскальных композиций составляет около 180¹⁸¹. Из этой массы, раннесредневековые гравированные изображения в количестве 13 фигур (рис. 59-60) зафиксированы только на западном пункте.

Большинство наскальных изображений Калбак-Таша II нанесены на восточных и южных склонах. В 240 м к югу от восточного пункта располагаются два кургана и пять связанных с ними поминальных колец, относящиеся к эпохе палеометалла. Напротив этих объектов, на другом берегу реки на надпойменной террасе так же находятся археологические объекты эпохи бронзы – раннего железного века¹⁸².

У западного пункта, в 90 м к северу по склону вверх, на небольшом укромном плато сооружено два кургана, две древнетюркские оградки и две кольцевые выкладки. Г.В. Кубаревым исследован один курган (№ 2), отнесенный по полученным материалам к раннему средневековью¹⁸³. На противоположном берегу Чуи от западного пункта на северо-западных оконечностях отрога Кызыл зафиксированы выбитые наскальные изображения, относящиеся к эпохе бронзы. Плоскости, покрытые патиной насыщенно бордового цвета, с рисунками антропоморфных фигур с грибовидными головными уборами и зооморфных существ, практически повторяющие образцы с памятника Калбак-Таш I, находятся на самом подножии склона и обращены в южном направлении.

¹⁸¹ Кубарев В.Д. История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2010. Вып. 3. С. 50.

¹⁸² Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 годов: в 3 т. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 1. С. 86-87; Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 годов: в 3 т. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 3. С. 125-134, рис. 662, 666-668, 672-673, 675, 677.

¹⁸³ Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 379-380.

Помимо располагающихся рядом других видов археологических памятников с рассматриваемыми памятниками наскального искусства Калбак-Таш I и Калбак-Таш II между ними, так и восточнее встречаются множество отдельных небольших пунктов с петроглифами (в основном, эпохи бронзы).

Состояние сохранности наскальных плоскостей Калбак-Таша II более удовлетворительное, чем у предыдущего памятника. Туристами посещаются больше лишь небольшая часть, огороженная каменным забором у северного края дорожного полотна. Для контролируемого посещения организовано экскурсионное сопровождение. Даже с учетом этого, на некоторых изображениях прослеживаются следы подновления и несколько т.н. «автографов». Западный пункт малоизвестен широкому кругу людей, поэтому петроглифы там практически не испытывают антропогенного воздействия. Некоторые рисунки были нанесены близко к поверхности земли, в связи с чем в настоящее время часть из них либо частично, либо полностью находятся под землей. Из наиболее критичных случаев отмечена сильная деструкция скальных выходов с изображениями. Огромные отколовшиеся блоки лежат внизу склона. Вероятно, такое произошло при взрывных работах во время строительства Чуйского тракта во второй четверти прошлого века.

Апшиякта. Расположен прямо напротив описанного выше памятника Калбак-Таш I, в 1 км к юго-западу от устья одноименной высохшей реки, на левом берегу реки Чуя (рис. 50, 61). Скальный выход с плоскостью с изображениями находится на северных окончаниях горного отрога. Горный массив на Апшиякты, как и располагающиеся на другом берегу Чуи памятники, сложен из зеленых алевролитов, сланцев, песчаников среднего-верхнего отдела ордовикской системы с преобладанием наклонного залегания слоев¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Геологическая карта СССР. Лист М-45-XV.

Первая публикация наскальных изображений на этом памятнике была осуществлена местным краеведом Б.М. Киндиковым в 2018 году, которые были обнаружены им в 2007 году¹⁸⁵. На Апшиякты позже работал Г.В. Кубарев, которым исследованы два изваяния у поминальных оградок, находящиеся в нескольких десятках метрах от гравировок. На изваяниях были нанесены техникой выбивки лицевые изображения. Личина на одном изваянии изображена с трехрогим головным убором. Помимо этого, там находится еще 59 погребальных и поминальных объектов¹⁸⁶. В 2021 году им опубликованы две фигуры людей, одну из которых, с трехрогим головным убором, уже публиковал ранее Б.М. Киндиков¹⁸⁷. К сожалению, приведенными исследователями были опубликованы не все наскальные рисунки многофигурной композиции на плоскости. В 2023 году автор диссертации провел там работы по обследованию памятника. Таким образом, вся композиция представлена сейчас в настоящей работе (рис. 62).

Вертикальная плоскость с раннесредневековыми гравированными рисунками, в количестве 25 фигур, имеет восточную-северо-восточную экспозицию. Поверхность камня подвержена сильному природному разрушению, один из краев с частью сцены охоты уже отломился и находится на земле под плоскостью.

На скальных выходах, находящихся в нескольких десятках метрах к северу от описанной плоскости, имеются выбитые петроглифы раннего железного века. В характерном для того времени стиле представлены фигуры оленей и козлов.

¹⁸⁵ Киндиков Б.М., Киндиков И.Б. Древние письмена Онгудайского района. Горно-Алтайск, 2018. С. 61-63.

¹⁸⁶ Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 94.

¹⁸⁷ Кубарев Г.В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. С. 170-179.

Ак-Кая. Лог Ак-Кая (с *алт.* – белая скала) расположен между оконечностями Айгулакского отрога (рис. 63), которые сложены из сероцветных глинистых сланцев, песчаников, алевролитов и т.д., относящиеся к верхнему отделу ордовикской системы¹⁸⁸. Лог вытянут по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, в западной части выходит в долину небольшой речки Нижняя Карасу. Находится в 4 км к северо-северо-востоку от с. Малая Иня (рис. 63, 64).

Местонахождение представлено каменной плиткой подпятиугольной формы размерами 14x14,5 см, толщиной около 2 см, сложена из рассланцованного полимиктового песчаника светло-синего цвета. На двух сторонах плитки в технике гравировки изображены сцены охоты (рис. 65). Рассматриваемое местонахождение рассматривается в настоящей работе ввиду уникальности находки, заключающееся в том, что рисунки нанесены на плитку с двух ее сторон и находилось под землей. То есть, плитка использовалась в жизни древних тюрков и была чем-то вроде предмета мобильного искусства. На одной стороне показана сцена загонной охоты, на другой сцена индивидуальной охоты.

Плитку обнаружил житель с. Иня Э.М. Торломоев осенью 2020 года на территории своей животноводческой стоянки при рытье ямы на глубине около трех метров (1 м – слой затвердевшего навоза, 2 м – слой земли) вместе с другими каменными фрагментами (неизвестно были ли на них изображения, так как они были выброшены и утрачены) и частью зернотерки. О находке он сообщил горно-алтайским археологам, которые осмотрели плитку для введения ее в научный оборот¹⁸⁹. На сегодняшний день эта плитка хранится у него.

¹⁸⁸ Геологическая карта СССР. Лист М–45–XV.

¹⁸⁹ Урбушев А.У., Константинов Н.А. Каменная плитка со сценами охоты из Урочища Ак-Кая (Центральный Алтай) // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии (к 300-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции. Кемерово, 2021. С. 303-309.

При детальном обследовании местности, автором настоящей диссертации на крутых вертикальных скальных плоскостях восточного склона рядом с местом находки выявлены схематичные гравированные фигуры животных, вероятно, относящиеся к раннему средневековью.

У близлежащего окружения в этой местности перед входом в лог с южной стороны на небольшой возвышенности находится небольшая группа курганов. Датировка в настоящий момент затруднена ввиду отсутствия здесь комплексных исследований. По степени задернованности и конструктивным особенностям можно предположительно их отнести к эпохе бронзы. Помимо археологических памятников в долине и выше по логу Ак-Кая, как и на самом памятнике располагается множество зимников через каждые 2-3 км.

Бичикту-Бом. Название Бичикту-Бом (с *алт.* – скальный выступ с надписями). Расположен на северо-западной окраине одноименного села (рис. 66, 67). Наскальные изображения находятся на южных склонах одного из северных отрогов Теректинского хребта. Порода горы относится к живетскому ярусу верхнего подъяруса среднего отдела девонской системы и сложена из песчаников, алевролитов, глинистых серых и темно-серых сланцев и др.¹⁹⁰. Памятник находится в 700 м к северо-западу от реки Каракол, недалеко протекает и река Урсул, который сливается чуть ниже с Караколом. Горный отрог вместе с другими противоположащими отрогами по другую сторону долины к юго-востоку являются некими вратами в долину Каракола шириной в 1,5 км.

Впервые наскальные изображения Бичикту-Бома были открыты и зарисованы алтайским художником Г.И. Чорос-Гуркиным в 1930 году¹⁹¹. Затем в 1950-х годах изображения с этого памятника были кратко

¹⁹⁰ Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII.

¹⁹¹ Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 9.

опубликованы А.И. Минорским¹⁹². С этого же времени и до 1970-х годов сюда неоднократно приезжали А.П. Окладников, Е.М. Тощакова, А.И. Мартынов, Е.А. Миклашевич и др.¹⁹³. Последними двумя работы проводились вплоть до начала XXI века. Из недавних исследователей следует отметить работы Г.В. Кубарева по изучению отдельных сцен на памятнике¹⁹⁴. Автором диссертации с 2014 года периодически проводится мониторинг состояния сохранности плоскостей с изображениями ввиду активной эксплуатации этого памятника туроператорами.

Всего на памятнике зафиксировано около 900 рисунков¹⁹⁵. Скальные плоскости с изображениями, выполненные в основном в технике гравирования, обращены в большинстве случаев на юг. Раннесредневековые изображения встречаются здесь часто и располагаются на многих плоскостях, начиная от нижней части склона и заканчивая верхней вместе с гравировками гунно-сарматского, средневекового и этнографического периодов¹⁹⁶. На

¹⁹² Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. С. 184-188.

¹⁹³ Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 15-17; Тощакова Е.М. Изучение петроглифов Горного Алтая // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. Новосибирск: СО АН СССР, 1970. Вып. 3. №11. С. 119-120.

¹⁹⁴ Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бом // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 242-246.

¹⁹⁵ Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 247.

¹⁹⁶ Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4063. ПФ 899. 1992. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984710> (дата обращения 29.11.2023); Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4062. ПФ 898. 1993. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984484> (дата обращения 29.11.2023); Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. МЗТП КПОФ 4705. ПФ 925. 1993. Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11026312> (дата обращения 29.11.2023).

памятнике также зафиксированы изображения скифского периода¹⁹⁷. Из всей массы известных петроглифов, раннесредневековых изображений выделено 18 (рис. 68, 69).

Из других видов памятников близ петроглифов выявлены группы курганов эпохи энеолита и раннего железного века, находящиеся в логу с западной стороны и на территории села между домами и другими постройками¹⁹⁸.

Состояние сохранности наскальных плоскостей Бичикту-Бома подвержены активному разрушению, вызванное как особенностями самой скалы и природными факторами воздействия на них, так и воздействием антропогенного фактора – нахождение рядом с населенным пунктом и, как следствие, частое посещение местным жителями и сельскохозяйственными животными и посещение туристами. На многих скалах с петроглифами замечены посетительские надписи. На Бичикту-Боме, судя по копиям и зарисовкам исследователей и художников начала XX века, к настоящему моменту уже утрачено множество плоскостей с изображениями. Некоторые отколовшиеся от скал плоскости доставлены в Национальный музей им. А. В. Анохина Республики Алтай (г. Горно-Алтайск) (рис. 69-1). У подножия самого отрога с южной стороны простирается болото, поэтому нижние плоскости покрыты слоем лишайников.

Дьаан-Кобы (с алт. – большой лог). Урочище имеет достаточно большую площадь, располагается в 0,5 км к западу от реки Урсул и в 2 км к северу от с. Бичикту-Бом. Их разделяет небольшой перевал, который образован одним из отрогов Теректинского хребта (рис. 70, 71). Памятник в

¹⁹⁷ Миклашевский Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии (Труды САИПИ. Вып. IX) / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. Рис. 1, 4.

¹⁹⁸ Gheyle W. Highlands and Steppes. An analysis of the Changing Archeological Landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period: PhD dissertation; Gent University. Gent, 2009. Fig. 6.49.

средней части урочища, у самого крупного лога, между двумя отрогами хребта. Скальная порода так же, как и порода Бичикту-Бома, относится к живетскому ярусу верхнего подъяруса среднего отдела девонской системы, сложена из песчаников, алевролитов, глинистых серых и темно-серых сланцев и др.¹⁹⁹. Рисунки выполнены в технике гравирования, нанесены на три компактно располагающиеся рядом плоскости, ориентированные на восток (рис. 72-75).

Петроглифы Дъаан-Кобы исследовались, вероятно, попутно во время работ по копированию изображений Бичикту-Бома одной из экспедиций КемГУ. Ими зафиксированы на этом памятнике схематичные гравированные и выбитые фигуры животных в небольшом количестве²⁰⁰. Раннесредневековых среди них не было. О них автор настоящей диссертации получил сведения от местного краеведа и художника Б.М. Киндикова, вместе с которым автор обследовал изображения раннего средневековья. Их количество составило 71 фигуру²⁰¹.

Других памятников в непосредственной близости не обнаружено. На подножии склона находится пахотное поле.

Торгун. Гора, одноименная памятнику, является частью Теректинского хребта. Расположена на правом берегу реки Каракол, в 1 км к юго-востоку от нее и в 1,3 км в том же направлении от с. Бичикту-Бом. Перед ней простираются с северной стороны пахотные поля (рис. 76). С северо-востока расположено урочище Устью-Айры, с юго-запада Сетерлю. Горная порода схожа с предыдущим памятником²⁰². Вертикальные плоскости с

¹⁹⁹ Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII.

²⁰⁰ Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С. Священные горы Каракольской долины. – Кемерово, 2013. С. 13-16, рис. 1-9.

²⁰¹ Урбушев А.У. Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о редокументировании памятников наскального искусства // Поволжская археология. 2025. №2 (52). *в печати*.

²⁰² Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII.

изображениями находятся в нижней части северо-восточной, северной и северо-западной залесенных склонов (рис. 77). Единичные плоскости имеют отрицательный угол наклона.

Впервые изображения на этом памятнике были зафиксированы отрядом КемГУ под руководством Е.А. Миклашевич в 1989 году. Далее работы продолжились в 1990 и 2010 годах. Множество рисунков отнесены к периодам от эпохи ранней бронзы до этнографической современности²⁰³. В 2023 году на памятнике выявлены новые рисунки автором настоящей работы.

Среди выбитых и гравированных петроглифов изображения раннего средневековья представлены сценами охоты и композициями всадников и групп животных в количестве 27 отдельных фигур (рис. 78-81).

Из других видов археологических памятников самыми ближайшими являются цепочки курганов раннего железного века, находящиеся в урочище Устью-Айры. На противоположном берегу напротив Торгуна находится описанный выше Бичикту-Бом, а в соседней долине расположены петроглифы Сетерлю-1, описание которых приведены ниже.

Сетерлю-1. Находится в долине той же реки Каракол, на правом ее берегу, между селами Боочи и Бичикту-Бом в северо-восточной части одноименного урочища (рис. 82-84). По геологической структуре и составу горных пород эта местность идентична предыдущим памятникам, так как они находятся на одной полосе отложений живецкого яруса верхнего подъяруса среднего отдела девонской системы. Немногим севернее их находятся

²⁰³ Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устью-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В.В. Бобров, И.Д. Русакова. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 84-91; Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 229-233.

отложения франского яруса нижнего подъяруса верхнего отдела девонской системы, отличающиеся несколько скромным составом минералов²⁰⁴.

Гравированные изображения Сетерлю-1 были выявлены в 2022 году отрядом экспедиции Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ²⁰⁵. На скальных выходах южного склона горной гряды, напротив рассматриваемого урочища с северо-западной его стороны, на другом берегу реки изображения эпохи бронзы были известны в научной литературе намного раньше²⁰⁶. Тот памятник был назван Сетерлю, несмотря на их достаточную удаленность от этого урочища.

Все петроглифы на этом памятнике представлены 21 гравированным изображением эпохи раннего средневековья, которые находятся на вертикальных плоскостях южного склона отрога (рис. 85-87). Плоскости обращены на юг.

На памятнике нанесено небольшое количество рисунков, но при этом присутствуют довольно редкие для раннесредневековой изобразительной традиции сцены ритуальной практики. Рассмотрение их в контексте природного окружения является важным аспектом исследования.

В центральной части урочища в 500 м к западу от памятника Сетерлю-1 располагается цепочка курганов, вытянутая по линии север-юг. По аналогии по особенностям конструкций с другими исследованными в этой долине объектами, курганы предположительно датируются ранним железным веком. Прямо у подножия склона с петроглифами находятся зимник. Зимники в этом и других урочищах долины Каракола располагаются по несколько штук на удалении друг от друга в 0,5-1,5 км.

²⁰⁴ Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII.

²⁰⁵ Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2022. №6. С. 218-226.

²⁰⁶ Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. С. 10, 151.

Состояние сохранности скальных плоскостей Сетерлю-1 схоже с состоянием сохранности плоскостей на памятнике Бичикту-Бом. Поверхности подвержены активному разрушению, которое проявляется в корковых отслоениях и наличию множества трещин отрыва разного размера. Вероятно, эта схожесть связана с идентичным геологическим строением и составом.

Талда. Одноименный холм получил свое название от протекающей в 50 м к югу от нее небольшой речки. Находится посреди ровного поля в 1,6 км к юго-западу от с. Боочи. Холм является несвязанным окончанием южного отрога Айгулакского хребта (рис. 88, 89). Горная порода относится к богучанской свите верхнего отдела девонской системы, в которой имеются эффузивы и туфы разного состава, темно-серые и черные, глинистые и алевритисто-глинистые сланы. Интрузивные образования разного состава, преимущественно лавы²⁰⁷.

Первые работы по копированию петроглифов на нем были проведены в 1982 г. экспедицией КемГУ под руководством А.И. Мартынова. Работы продолжены в 2008-2011 гг. Ими зафиксировано около 100 рисунков на 22 плоскостях. Копии, сделанные на прозрачный полиэтилен и микалентную бумагу, хранятся в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ²⁰⁸. Плоскости с рисунками расположены на южном и восточном склонах холма. Небольшая серия рисунков изучены Е.Е. Ямаевой в 2010 году²⁰⁹. Автором диссертации в результате работ по редокументированию в 2023 году удалось обнаружить новые гравированные изображения на

²⁰⁷ Геологическая карта СССР. Лист М–45–VIII.

²⁰⁸ Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С. Священные горы Каракольской долины. Кемерово, 2013. С. 140-143.

²⁰⁹ Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. 75 с.

известных ранее плоскостях²¹⁰. На сегодняшний день на этом памятнике известно о 16 фигурах, относящихся к раннему средневековью (рис. 91).

Стоит отметить, что часть долины, в которой располагается Талда чрезвычайно богата археологическими памятниками. В частности, в 500 м к западу и столько же к востоку располагаются знаменитые Башадарские курганы пазырыкской культуры²¹¹. В 1,2 км и в 3 км к западу находятся поселения Текпенек-Боочи 1-3 и Талду 1-2 соответственно, относящиеся к раннему железному веку и средневековью²¹².

Туекта. Расположен в среднем течении реки Урсул, на ее левом берегу, примерно 600 м к северу от одноименного села на юго-восточных склонах южного отрога Семинского хребта, который является северо-западным краем большого урочища (рис. 92, 93). Сама река в этом районе отделяет Семинский и Теректинский хребты. Скальные выходы памятника располагаются на западном краю той же полосы отложений живетского яруса верхнего подъяруса среднего отдела девонской системы²¹³.

Наскальные изображения Туекты (с *алт.* – закрытая гора), несмотря на близкое расположение с населенным пунктом и основной дорогой региона, были выявлены лишь в 1988 году А. И. Мартыновым и Е.А. Миклашевич²¹⁴. Позже неоднократно исследовались Е.А. Миклашевич²¹⁵. Позже у исследователей возникали сложности с повторной локализацией памятника

²¹⁰ Урбушев А.У. Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о редокументировании памятников наскального искусства // Поволжская археология. 2025. №2 (52). *в печати*.

²¹¹ Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: АН СССР, 1960. С. 22-41.

²¹² Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. С. 190-193.

²¹³ Геологическая карта СССР. Лист М–45–VIII.

²¹⁴ Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // International Newsletter On Rock Art. 1995. №10. P. 15-17.

²¹⁵ Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туекта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. С. 219–235.

ввиду того, что линии изображений практически невидимы глазу даже при косом освещении из-за их тонкости и частичной деградации поверхности скал с рисунками. Поэтому автором работы были совершены работы по их поиску в 2023 году, по итогу которых изображения были обнаружены и задокументированы.

Туектинские петроглифы, в количестве 110 фигур, располагаются компактно, на 25 плоскостях, направленных на юго-восток и юг, представляют собой разновременные изображения, вероятно, палеолитического периода, затем от эпохи бронзы до позднего средневековья. Из всей массы петроглифов, на памятнике обнаружено 14 раннесредневековых гравированных рисунков. Они нанесены вместе с руническими надписями на плоскость в нижней части склона (рис. 94), более ранние и поздние занимают скальные выходы в средней и верхней частях памятника²¹⁶.

Из других видов археологических памятников близ петроглифов имеется множество так называемых «царских» курганов пазырыкской культуры раннего железного века, находящиеся в 600 м к востоку, прямо в центре урочища. Курганы образуют несколько меридиональных цепочек. Рядом с ними находится множество раннесредневековых курганов. Помимо нахождения наскальных изображений близ села, так же рядом с западной и северной сторонами имеются зимники.

Наскальные плоскости с петроглифами у Туекты, как и на Бичикту-Боме и Сетерлю-1 подвержены такому же активному разрушению поверхностей и скальных выходов, в виде корковых отслоений и множества трещин. Некоторые части изображенных композиции утрачены. Многие плоскости покрыты талломами лишайниковых, которые могут скрывать другие изображения.

²¹⁶ Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туекта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. С. 219–223.

2.4. Западный Алтай

В административном плане Западный Алтай относится к Усть-Канскому району Республики Алтай. С востока к нему примыкает Онгудайский район, с северо-востока – Шебалинский, с юго-востока и юга – Усть-Коксинский, с юго-запада проходит по границе с Казахстаном, на западе и севере по границе с Алтайским краем. В границы Западного Алтая с разных сторон входят части Теректинского, Семинского, Ануйского, Башчелагского, Коргонского и Коксуйского хребтов. Канская котловина расположена в центральной части района, ограничена отрогами всех вышеперечисленных хребтов, кроме Коксуйского. Основными реками являются Чарыш и Ануй²¹⁷.

Доля памятников наскального искусства эпохи раннего средневековья в Западном Алтае является наименьшей по сравнению с другими районами. Здесь представлен только один памятник, в котором содержится 18 изображений, составляющие одну сцену охоты. Петроглифов других периодов достаточно много, но в сравнении с остальными частями Горного Алтая, рассмотренными ранее – намного меньше.

Усть-Кан. Находится на северо-восточной окраине с. Усть-Кан, на склоне окончания юго-восточного отрога Башчелагского хребта, который является западным краем Канской котловины (рис. 95, 96). В геологическом плане рассматриваемая местность относится к Чарышской свите среднего и верхнего отдела кембрийской системы и сложена из песчаников, сланцев, кангломератов, известняков и др.²¹⁸.

Впервые изображения на этом памятнике были обнаружены Ю.Т. Мамадаковым в конце 1980-х годов. Позже памятник исследовался В.И.

²¹⁷ Геологическая карта СССР. Лист М-45-VII.

²¹⁸ Там же.

Молодиным²¹⁹ и В.Н. Елиным²²⁰. Автор настоящей работы проводил здесь работы по уточнению локализации памятника, так как сведения предыдущих исследователей противоречили друг другу. На плоскости, ориентированной на юго-запад, представлена редкая для Алтая сцена соколиной охоты (рис. 97).

В полукилометре от памятника, к востоку, протекает река Кан, которая вытекает из небольшого озера Букалу. Немногим восточнее раскинулось болотистая местность со множеством текущих там мелких ручьев. На территории самого села эта река сливается с рекой Чарыш. Других видов археологических памятников близ петроглифов не выявлено. Рядом с озером и в логах того же отрога расположено несколько зимников.

Состояние сохранности плоскости с гравированными рисунками еще во время его открытия было неудовлетворительным. Поверхности скал сильно деградированы в результате выветривания, на них имеются крупные отслоения и слоевища накипных лишайников. Другие близлежащие плоскости на скальных выходах разрушены еще сильнее. Вероятно, на них так же были нанесены изображения.

Рассмотренные памятники наскального искусства, имеющие в своем составе изображения эпохи раннего средневековья, в контексте пространственных ландшафтно-топографических характеристик позволили определить некоторые закономерности их расположения. Из общих можно выделить близкое расположение таких памятников к рекам и местам их слияния, присущее практически ко всем объектам. Особенно выделяется их нахождение на краях урочищ, котловин, на участках, где образованы природные ограждения в местах сужения речных долин. Эти особенности отмечены на памятниках Кургак, Дялбак, Калбак-Таш I, Калбак-Таш II,

²¹⁹ Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1992. С. 91-93.

²²⁰ Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 116-122.

Бичикту-Бом, Сетерлю-1, Туекта и Усть-Кан. К этому ряду можно причислить и Жалгыз-Тобе. Хоть он находится и на одиноко стоящей горе, но сама гора расположена на окраине Чуйской степи.

Наскальные плоскости с древнетюркскими рисунками, как правило ориентированы на юг с небольшими отклонениями. Рядом с такими памятниками, как правило, располагаются погребальные сооружения более ранних периодов – раннего железного века и бронзы, - преимущественно с западной и восточной сторон. Погребально-поминальные комплексы раннего средневековья так же находятся рядом с ними. Как правило, это комплексы пристраиваются к курганам раннего железного века или в укромных плато в урочищах. Это отмечено на Елангаше, Жалгыз-Тобе, Калбак-Таше I, Калбак-Таше II, Апшиякте, Бичикту-Боме, Сетерлю-1, Талде и Туекте. Предположительно, это связано с ландшафтными особенностями. Скальные плоскости, ориентированные на юг, находятся в северо-западной или западной части урочищ с курганами. Иногда эти урочища располагаются в местностях, закрытых отрогами, то есть природными преградами, на скальных выходах которых и наносились петроглифы.

Следует упомянуть также факт нахождения рядом с вертикальными плоскостями с изображениями эпохи раннего средневековья небольшой ровной площадки. По мнению А. М. Досымбаевой такая площадка могла служить для «проведения ритуальных церемоний»²²¹. Вероятно, что она могла использоваться и для иллюстрации героических подвигов воинов и охотничьего мастерства отдельных личностей и групп охотников или ритуальных действий в рамках культа предков.

При рассмотрении памятников наскального искусства рассматриваемого периода, а также других местонахождений с предметами с изобразительными образцами, найденных под землей, нельзя не заметить, что

²²¹ Досымбаева А.М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы: Seuvise Press, 2013. С. 118.

рядом со всеми этими пунктами располагаются современные зимники, реже населенные пункты. Такие места выбраны не случайно. Их выбор обусловлен пригодностью для ведения хозяйственной деятельности (разведение сельскохозяйственных животных, земледелие).

При описании ландшафтно-топографических характеристик была дана информация по геологическому строению горных пород на каждом памятнике. Эти данные важны и для проведения консервационно-реставрационных мероприятий на них. Вместе с описанием состоянием сохранности это позволит в будущем иметь уже имеющуюся базу для анализа состояния скальных массивов и выбора методов для этих мероприятий. Такой подход применялся на памятниках Южной Сибири – Томская писаница²²², Шишкинская писаница²²³, Саган-Заба²²⁴ и др.

На территории Алтая этот подход применен автором настоящей работы в проведении реставрационных исследований на памятнике Дялбак в Восточном Алтае. Использование данных о структуре камня и ее составе позволило выбрать материалы для экспериментальных доделок на пробном образце скалы, а также удалении слоевищ лишайников²²⁵.

²²² Агеева Э.Н., Кочанович А.В. Исследования и консервация памятников наскального искусства. Современный подход // Исследования и консервация культурного наследия. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2005. Вып. 1. С. 15-20.

²²³ Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск, 2011. Т. 1. 426 с.

²²⁴ Агеева Э.Н., Дэвлет Е.Г., Ребрикова Н.Л. Результаты обследования, перспективы сохранения и использования памятников наскального искусства озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 111-115.

²²⁵ Урбушев А.У., Константинов Н.А., Макарова А.С., Лобзова Р.В. Опыт удаления лишайников на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2021. №6. С. 325-337.

Глава 3. Сюжетно-стилистический анализ и семантика петроглифов Горного Алтая эпохи раннего средневековья

Проблемы, рассматриваемые в рамках данной главы, в разной степени затрагивались специалистами в исследованиях, посвященных археологическому и искусствоведческому изучению памятников наскального искусства эпохи раннего средневековья²²⁶. Довольно емко образно-сюжетные, хронологические и стилистические аспекты этих объектов были проанализированы в кандидатской диссертации А. Н. Мухаревой «Сюжетные композиции эпохи раннего средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая»²²⁷. Работа посвящена большой территории Саяно-Алтайского региона. Вместе с наскальными изображениями в ней проанализирован комплекс изобразительных памятников: предметы декоративного искусства, торевтики и др. Объединенные в смысловые сцены, и отразившие представления их создателей о батальных событиях, ритуальных действиях, охоте, данные изображения могут служить источниками для реконструкции целого ряда социально-экономических процессов и религиозно-

²²⁶ Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. С. 179-181; Мухарева А.Н. Основные образы и сюжеты в изобразительном искусстве народов Центральной Азии в раннее средневековье // Материалы XLII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 44-46; Мухарева А.Н. О некоторых возможностях хронологической атрибуции наскальных изображений Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 330-333; Маточкин Е.П. Художественное наследие и проблемы в изобразительном искусстве Горного Алтая: дис. на соиск. учен. степ. доктора искусствоведения; Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2011. С. 195-201; Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, 1988. Вып. XLII. С. 150-156; Советова О.С., Аболонкова И.В. Изобразительные традиции наскального искусства в контексте археологического материала Тепсейского микрорайона // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №3 (55). С. 71-72; и др.

²²⁷ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. С. 36-110.

мировоззренческого аспекта раннесредневекового социума на территории Горного Алтая, ландшафтные и климатические условия которого с одной стороны способствовали возникновению и бытованию различных историко-культурных зон, с другой обуславливали одинаковый тип ведения производящего хозяйства и сохранение консервативных черт материальной и духовной культуры древне-алтайского населения²²⁸. Решение вопросов социально-экономического и религиозно-мировоззренческого порядка, в том числе путем привлечения изобразительных материалов, таким образом требует актуализации локального подхода.

Продолжая в данной главе работу А. Н. Мухаревой, предполагается развитие исследований по двум направлениям: во-первых, для анализа следует привлечь новые данные, собранные за более чем пятнадцать лет с момента вышеупомянутого диссертационного исследования, в том числе полученные автором настоящей работы в ходе самостоятельных работ; во-вторых, учесть современные археологические познания об исторических процессах в раннем средневековье, в целом, и реконструкцию этих процессов через наскальное искусство, в частности.

Не ограничиваясь сюжетно-стилистической проблематикой, но опираясь на стилистические особенности, семантику, образно-сюжетную составляющую и хронологическую атрибуцию отдельных изображений считается важным проанализировать и попытаться выстроить эволюцию раннесредневекового наскального искусства Горного Алтая, чему уделяется крайне мало внимания.

Терминология. Перед тем, как приступить к рассмотрению обозначенных вопросов в настоящей главе, следует еще затронуть проблему терминологии. Нижеприведенные термины до сих пор являются предметом споров в искусствоведении и, особенно, в археологии. Некоторые из них

²²⁸ Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. С. 187-189.

начали применяться в отношении к художественным памятникам еще во времена античности. Более четкие формулировки были получены во второй половине XVIII – начале XIX веков немецкими учеными (Г.В.Ф. Гегелем, И.В. Гете, И.И. Винкельманом и др.). Вместе с тем, следует учесть, что до настоящего времени смысловые термины постоянно трансформировались, порой даже смешивались и перемежались²²⁹.

Некоторые термины, исходя из специфики таких археологических источников, как памятники наскального искусства наиболее точно приведены А.Н. Мухаревой. Согласно используемой ею терминологии, под *образом* понимаются используемые художниками отдельные изображения, выполняемые в соответствии с определенной формой и иконографией. *Сюжет* подразумевает запечатление ряда событий или ее части, в рамках определенной темы. Закономерное расположение изображений, ограниченных одним изобразительным пространством, называется *композицией*. Когда прослеживается связь между отдельными фигурами или сценами в рамках изобразительного пространства – это называется сюжетной композицией. Последний сформулированный термин – *изобразительная традиция* – имеет более широкий смысловой охват, заключающийся в передаче визуальных особенностей образов в соответствии со устоявшимися стилем и иконографией, которые в свою очередь сформировались на основе культурно-мировоззренческих ценностей²³⁰.

Помимо вышеприведенного в этот список следует добавить такие термины, как *стиль* и *манера*. Первый является важнейшим признаком при анализе наскальных изображений. Это совокупность способов и форм художественного выражения, обусловленная комплексом традиционных

²²⁹ Каган М.С. Лекции по эстетике. Л., 1971. С. 158; Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. СПб., 2000. С. 16, 48; Шикина А.Н. Об интерпретации понятия «художественный стиль» // Вестник Костромского государственного университета. 2014. №2. С. 235-238.

²³⁰ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. С. 8, 54-55.

идейных элементов определенного социума, составляющие своего рода изобразительный канон²³¹. По своей сути она имеет отдельные общие смысловые элементы с понятием *изобразительной традиции*. Отличает их широта смыслового охвата. В рамках одной древнетюркской изобразительной традиции, могут существовать различные художественные стили, которые будут рассмотрены ниже. Смысл второго термина более широк и может включать в себя также и сам художественный стиль, поэтому применительно к рассматриваемым источникам следует ограничить его рамками определенных индивидуальных художественных приемов одного мастера, сформированных на основе его личностных качеств, таких как уровень таланта, способ мышления, идейные и духовные ориентиры. Разумеется, в наскальном искусстве это практически незаметно, но имеются примеры на отдельных памятниках. На них можно выделить рисунки, особенности которых не вписываются в рамки какого-то стиля и которые можно отнести к индивидуальной манере художника.

3.1. Стилистические особенности и вопросы хронологии

В каждый исторический период человек выражал свои эстетические идеалы, принципы жизненного уклада, мировоззренческого аспекта и даже бытовой практичности по-своему, с присущими им чертами, формирующими определенный стиль. Этот стиль складывался постепенно, позже понемногу трансформировался в результате поиска наиболее простых способов изображения, внутренней культивации культурного социума и взаимодействия и взаимовлияния с внешними агентами, «...выражая суть, уникальность самого феномена художественного творчества в единстве всех

²³¹ Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбш). Л.: Наука, 1980. С. 88.

его компонентов: содержания и формы, изображения и выражения, личности и эпохи...»²³².

Немаловажную роль в этом играли и материалы, на которых наносились изображения (в данном случае – камень) и инструменты, которыми их наносили. Скальные поверхности не позволяют производить более сложные и детализированные изображения имевшимся на тот момент орудиями. Художник должен был владеть немалым мастерством для нанесения тонких гравированных линий или точек частыми ударами металлическим орудием с острым окончанием на скальные поверхности, чтобы получились не просто антропоморфные и зооморфные фигуры, а их стилизованные формы.

Стилистические группы в наскальном искусстве раннего средневековья озвучивались Я. А. Шером для территории всей Центральной Азии и Южной Сибири²³³. А.Н. Мухаревой была продолжена эта тема с привлечением большего корпуса источников Саяно-Алтайского региона. В результате ею выделены четыре стилистические группы, условно разделенные на локальные регионы, имеющие отдельные схожие элементы между собой, с иранским искусством Средней Азии того времени и с таштыкской изобразительной традицией²³⁴. В подобного рода работах алтайские петроглифы определяются, как «классические» изображения, выполненные в «типичной» для древнетюркского времени манере. Культурно-хронологическую атрибуцию большинства этих петроглифов производят по аналогии с рисунками на костяной облицовке передней луки седла и рисунками на валуне из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае, датируемый VI-VII веками н.э.²³⁵.

²³² Шикина А.Н. Об интерпретации понятия «художественный стиль» // Вестник Костромского государственного университета. 2014. №2. С. 235.

²³³ Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 254-256.

²³⁴ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. С. 54-67.

²³⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. табл. XVI-1.

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют отдельно рассмотреть стилистические особенности алтайских петроглифов эпохи раннего средневековья. К сожалению, не всегда можно с уверенностью отнести то или иное отдельное изображение или целую группу фигур, составляющих сцены и композиции к какой-либо определенной стилистической группе. Из 527 раннесредневековых рисунков отнесены к одной из трех стилистических групп 475 фигур (диаграмма 1). Оставшиеся 52 не удалось отнести к какой-либо группе ввиду отсутствия в них особенностей, присущих этим группам.

В первую стилистическую группу отнесены наскальные изображения, характеризующиеся высокой степенью детализации фигур животных (лошадей, оленей, козлов и т.д.) и изображений отдельных реалий наступательного и оборонительного вооружения, декоративных и статусных элементов (плюмажи, налобные султаны, подвески и др.), предметов одежды (показываются частой штриховкой), а также черт лица, прически и, иногда, даже эмоций воинов и охотников. Практически все рисунки этой группы выполнены в технике гравирования. В батальных сценах, выполненных в этом стиле, всадники с копьями показаны в моменте поражения пешего противника или другого всадника, лучники натянули тетиву за секунду до выстрела. В охотничьих сценах так же представлены лучники с натянутыми тетивами, стрелы которых направлены на убегающую добычу. Ее могут преследовать и всадники с луками. Во всех этих сценах участники изображены динамично, детализировано, в кульминационном моменте.

В основном, петроглифы, относимые к первой стилистической группе, сопоставляются по аналогии с гравировками на костяной облицовке передней луки седла и изображениями на валуне из могильника Кудыргэ (рис. 98). Они характеризуют один из ранних этапов древнетюркского периода, названный

одноименно этому памятнику – кудыргинским (2-ая половина VI – 1-ая половина VII веков н.э.)²³⁶.

Этот изобразительный стиль также характеризуется плавными и достаточно ровными линиями фигур, практически без моментов, в которых эти линии, наносимые острым орудием, не соскакивают из намеченного пути. В противном случае, коих довольно редко, чувствуется будто твердая рука мастера сделала излишнее усилие и повернула там, где не надо было. Возможно, частично это связано с неровностью и трещиноватостью поверхности породы. Примером такого высокого уровня мастерства, помимо кудыргинских образцов, служат некоторые изображения на скальных плоскостях долины Чаганки, памятников Кургак, Калбак-Таш II, Сетерлю-1 и Туекта и др.²³⁷ (рис. 99, 59-1; диаграмма 1). Линии на них вырезаны глубокими линиями, будто несколько раз проходили инструментом по намеченному силуэту.

Рассматривая частные примеры, следует зафиксировать конкретные особенности данной стилистической группы на вышеупомянутых памятниках. На плоскостях в долине Чаганки мы видим, пожалуй, самые высокохудожественные образцы древнетюркского наскального искусства Горного Алтая. В динамичных сценах боя и охоты у фигур проработаны мелкие детали снаряжения, а также, что представляется более примечательным, лиц – миндалевидные глаза, формы усов, длинные волосы (рис. 20, 26). Во всех сценах ощущается общее напряжение изображенных действий. Художник попытался передать сосредоточенность воинов и

²³⁶ История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 332.

²³⁷ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). рис. 4, 7-9, 13-14; Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. Рис. 3; Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2022. №6. Рис. 6; Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // International Newsletter On Rock Art. 1995. №10. Fig. 3.

охотников, что можно заметить, как по их лицам, так и по положению тел. Особого внимания заслуживают изображения бегущих животных, в которых лошади со всадниками гонятся за дичью в стремительном беге с широко расставленными передними и задними конечностями. Показываются, как все четыре конечности, так и по одной: спереди и сзади. Стилизованная манера рисунков этого действия характеризуется изящностью и легкостью фигур. Концы конечностей оформлены в виде небольших кисточек, что опять же придает воздушность всей композиции (рис. 91; 99-1, 2; 41).

Для примера других сцен, выполненных в этом стиле, заслуживают внимания гравировки на одной из скальных плоскостей памятника Сетерлю-1. Здесь, вероятно, представлена сцена ритуальной практики. Фигуры переданы более статично, чем в излюбленных для древнетюркского социума батальных и охотничьих сценах. Линии нанесены глубокими и ровными линиями, помимо четко изображенных предметов одежды прослеживаются черты лица (рис. 26, 99-4).

Из всей массы наскальных изображений раннесредневекового периода рисунки первой, в количестве 66 фигур, группы приведены на указанных выше памятниках и таким образом занимают 12,52% от общего числа этих изображений (диаграмма 1). Вероятно, это связано в не меньшей степени с трудностью их выполнения, требующего от художника большого опыта и мастерства.

По аналогии со стилистическими особенностями из закрытого археологического комплекса Кудыргэ, по которым изображения сгруппированы с данную группу, их, вероятно, можно отнести к кудыргинскому этапу тюркского периода.

Немногим выбиваются из этого ряда образцы изображений Кургака и Туекты, где вместе с рисунками на скальных плоскостях композиционно вписаны рунические надписи, которые появились в период Второго Восточного Тюркского каганата, который в свою очередь соответствует

катандинскому этапу²³⁸. Вероятно, эти изображения нанесены в переходный период между кудыргинским и катандинским этапами, когда стилистические особенности первого этапа еще сохранялись, а использование руники только началось.

Вторая стилистическая группа характеризуется менее профессиональным, на взгляд, выполнением фигур, которые, как следствие, представляются менее реалистичными. Как и в первой группе изображения нередко дополняются различными элементами наступательного и оборонительного вооружения, вещественными деталями, несущими декоративный и статусный характер, вместе с тем, реже обозначаются черты лица. Линии гравировок неглубокие, имеют более прямую траекторию, угловаты, разорваны, порой не соединяясь между собой, когда это требуется. Фигуры некоторых людей и животных выполнены силуэтно. Иногда можно заметить, как, например, ноги лошади гравированы несколькими линиями, что создает ощущение того, что поначалу у художника не получилось сразу провести линию там, где надо и пришлось это сделать с нескольких попыток. Поэтому эти линии пересекаются несколько раз по всей длине ног.

Эта группа представлена большинством наскальных изображений раннего средневековья, в количестве 343 фигур (65,09% от всех 527 изображений) (диаграмма 1). Они выполнены разной степенью мастерства, но при рассмотрении общих черт объединяются по общей стилистической манере. Такие изображения имеются на многих памятниках Горного Алтая, рассмотренных во второй главе настоящей работы.

Одной из отличительных черт рассматриваемой группы по сравнению с прошлой является изображение бега животных (лошадей, оленей и козлов), особенно в сценах охоты. Уже отмечалось, что в первой стилистической группе представлены динамичные сцены с «изящным» оформлением. Тут же

²³⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 65; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 42.

мы видим, бег менее динамичный, скорее даже находящийся между галопом и рысью, конечности могут быть реалистичными, с прорисовкой копыт, колени более согнуты, пясти даже перпендикулярны относительно воображаемой линии земли, которая никогда не обозначается в раннесредневековых наскальных рисунках. Яркий пример вышеперечисленных стилистических характеристик наблюдается на одном из петроглифических пунктов близ памятника Бичикту-Бом в урочище Дъаан-Кобы (рис. 75). Там же мы видим другие особенности, характеризующие вторую группу. Это относительно ровная посадка всадников, как в охотничьих, так и в батальных сценах, в заполнении фигур оленей штриховка встречается редкая и частая, короткие и длинные линии могут проходить поперек фигуры и по диагонали. Эти же особенности имеются на изображениях, находящихся на некоторых плоскостях памятников Чаганка, Жалгыз-Тобе, Дялбак, Калбак-Таш I, Калбак-Таш II, Апшиякта, Сетерлю-1, Бичикту-Бом, Талда и др. (рис. 100; рис. 59-2,3; диаграмма 1).

Определить хронологическую принадлежность стилистической группы для изображений на памятниках наскального искусства представляется крайне сложным ввиду специфики данного источника. Тем не менее удастся проследить аналогии определенных изображенных реалий с предметами из закрытых археологических комплексов, что было предпринято в последнем параграфе данной главы (см. §3 III главы), в результате чего изображения второй стилистической группы отнесены к катандинскому этапу тюркской культуры (2-я половина VII – 1 половина VIII веков н.э.).

В третью стилистическую группу отнесены наскальные изображения, характеризующиеся динамизмом охотничьих сцен, в которых имеются фигуры с двумя и четырьмя широко расставленными конечностями. Обнаруживаются и схематичные фигуры в статичной позе, в частности

всадников²³⁹, некоторые из которых предстают со знаменами²⁴⁰. Также изображения рассматриваемой группы отличает своеобразная детализация, имеющая такие особенности, как передача частей туловища животных с анатомической точностью. Формы крупов, мышц, длинных и массивных ног с обозначенными во многих случаях копытами, шеи выполнены достаточно подробно. Зачастую эти рисунки выполнены сплошной и частично заполняющий контур выбивкой. Яркие образцы этой группы находятся на памятнике Елангаш в Юго-Восточном Алтае (рис. 6-11). Некоторым выбитым петроглифам предшествовало гравирование.

Стилизация изображений в изящной манере, выраженная путем передачи форм, соответствующих анатомическим особенностям фигур, была свойственна и наскальному искусству пазырыкской культуры Горного Алтая эпохи раннего железного века. Неслучайно на плоскостях с древнетюркскими петроглифами Елангаша находятся и рисунки того времени, в частности фигуры верблюдов и оленей. Они имеют более выраженную стилизацию, характерную для скифо-сибирского стиля, но отличаются от раннесредневековых. По степени патинизации они схожи, что объясняется подновлением фигур верблюдов и включением их в общую композицию с древнетюркскими²⁴¹. Вероятно, художники, освоившие эти места во второй половине I тыс. н.э., пытались подражать более ранним рисункам, изображая сцены в соответствии со своими устоявшимися художественными традициями. Похоже, что эта была не единичная практика, вызванная некими реминисцентными настроениями, что подтверждается примерами наскальных

²³⁹ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). Рис. 21.

²⁴⁰ Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. Рис. 1-4.

²⁴¹ Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 321-322.

рисунков на памятниках Хар-Салаа III²⁴² и Цагаан-Салаа I²⁴³ в соседней Монголии, находящимися рядом с изображениями раннего железного века и датированные по тем же приведенным реалиям и стилистическим особенностям, характерным для раннего средневековья. На одной из плоскостей Хар-Салаа III имеется охотничья сцена, практически один в один повторяющая сцену из Елангаша²⁴⁴. Вероятно, наскальные изображения вышеупомянутых памятников Горного Алтая и сопредельной ей Монголии были выполнены одним мастером или одной небольшой группой, которые пытались подражать более ранним петроглифам, но сохраняли при этом свои изобразительные традиции.

Данная стилистическая группа, представлена 66 изображениями в Горном Алтае лишь на одном памятнике Елангаш. Аналогичные по стилю петроглифы были изучены В.Д. Кубаревым, как отмечено выше, на памятнике Хар-Салаа III в Монгольском Алтае. По приведенным аналогиям из других памятников наскального искусства и письменным китайским и арабским источникам для их датирования им определена хронологическая атрибуция монгольских петроглифов в рамках VII-VIII веков н.э.²⁴⁵. Учитывая полную стилистическую аналогичность и схожесть в построении композиций и приемов исполнения фигур, можно, с высокой долей вероятности, отнести и алтайские изображения этой стилистической группы к этому узкому хронологическому периоду.

Выделенные стилистические группы характеризуют изобразительные традиции эпохи раннего средневековья на территории Горного Алтая.

²⁴² Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. Рис. 265, 267, 268, 269, 271, 277-279.

²⁴³ Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. Рис. 42, 101.

²⁴⁴ Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. Рис. 279.

²⁴⁵ Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. С. 20-21.

Разумеется, эти группы, дифференцирующиеся по критериям стилистических особенностей, не подразумевают существование в древнетюркском социуме на рассматриваемой территории и времени каких-то четко разграниченных и определенных среди этого общества художественных школ с присущими им устоявшимися канонами, практиками, приемами, техниками и пр., как это было позднее в европейской части света. Подобное разделение может говорить нам о степени мастерства отдельных художников и приемлемости изображаемых сцен и отдельных фигур с точки зрения эстетических идеалов социума, а также о следовании этим устоявшимся принципам других мастеров.

Возможно, в соответствии с тем, насколько переплеталась мировоззренческая идеология с жизненной обыденностью той или иной древнетюркской группы, определялось мастерство, с которым наносились изображения, сколько времени затрачивал художник, сколько он вкладывал смысла в них и насколько кропотливо выполнял. Так же это могло определяться качеством наскальной плоскости. Ведь крайне сложно нанести изображения с высокой степенью детализации с ровными и плавно поворачивающимися линиями на породе более твердой или мелящей, чем на песчанике или сланце. К таким относятся граниты и некоторые песчаники, по большей части находящиеся в Центральном Алтае²⁴⁶.

Помимо вышеописанного, формирование стилей рисунков Горного Алтая могло происходить в результате взаимных контактов с уже сформировавшими свои эстетические идеалы в наскальном искусстве другими этническими группами Саяно-Алтайского региона, в частности, и Центральной Азии, в целом. Определить какие элементы художественной традиции в наскальном искусстве Алтая были заимствованы, а какие

²⁴⁶ Геологическая карта СССР. Лист М-45-VII; Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45-XI; Геологическая карта СССР. Лист М-45-XV; Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII; Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIX.

распространились за его пределы на сегодняшний день представляется сложным²⁴⁷.

Таким образом, для территории Горного Алтая были выделены три стилистические группы наскальных изображений эпохи раннего средневековья, которые имеют ряд критериев, по которым они выделяются и отличаются между собой.

Можно отметить, что первая группа имеет такие критерии, как динамичность сцен, высокохудожественность, высокая детализация, плавность, ровность, нанесенные линии фигур практически не прерываются. Эти линии в некоторых случаях нанесены крайне тонко. Вторая характеризуется чуть меньшим динамизмом сцен, фигуры выполнены более схематично, черты лица опускаются, линии неровные, угловатые и часто прерываются. К критериям третьей группы относятся изображения, представленные либо в сильно экспрессивной манере, либо статично, в особенностях передачи форм животных прослеживаются черты, свойственные художественной традиции раннего железного века (т.н. скифо-сибирский звериный стиль).

3.2. Семантика образов и сюжетов

Наряду с проблемами исследования стилистических особенностей, трасологии и документирования, еще одним аспектом изучения наскального искусства эпохи раннего средневековья является его семантическая составляющая. Это направление является наиболее дискуссионным среди исследователей наскального искусства и одновременно наиболее важным. При этом важность других направлений нисколько не умаляется. Применение большого спектра методов исследования позволяет получить максимально приближенное к истине понимание древних и средневековых культур.

²⁴⁷ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. 59-61.

Следует отметить, что в изучении наскального искусства Горного Алтая, в особенности эпохи раннего средневековья, до конца 1970-х годов семантической роли уделялось довольно мало внимания. В первой половине XIX века только Г.И. Спасский призывал к осмыслению древних рисунков²⁴⁸. Исследователями чаще выдвигались на первый план вопросы датирования изображений²⁴⁹. Аспекты интерпретации в некоторых случаях сводились к тезису о мифологическом отражении духовной жизни населения разных исторических периодов, оставивших петроглифы, при этом отмечая проблемы слабой разработанности методики семантического анализа, которые должны были решаться с привлечением специалистов разного профиля – этнографов, фольклористов, искусствоведов и т.д.²⁵⁰. Поэтому наскальные изображения Горного Алтая, в том числе относящиеся к раннему средневековью, как отмечали сами исследователи, фиксировались для изучения их в будущем²⁵¹.

²⁴⁸ Спасский Г.И. Азиатский вестник. Январь – июнь. СПб: Типография Медицинского департамента МВД, 1825. С. 300-301.

²⁴⁹ Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. С. 9; Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6.

²⁵⁰ Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпох камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. С. 22-23; Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. С. 193; Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. С. 175.

²⁵¹ Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. Москва: Наука, 1990. С. 156-157; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. С. 94.97; Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. С. 63; Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. Ленинград: ЛГУ, 1964. С. 139-145; Савинов Д.Г. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии // Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7-10 июня 1967 г.). Ленинград: Наука, 1967. С. 69-70.

Семантика образов и сюжетов в раннесредневековых наскальных изображениях представлены в сценах, объединенных в рамках данной работы в **две группы**, в которые входят как многофигурные композиции, так и отдельные фигуры, связанные по смыслу с содержанием самих сцен. В них отражаются духовно-мировоззренческие ценности, эстетические нормы и эпическое наследие древних тюрков.

Первую и самую многочисленную **группу** составляют батальные и охотничьи сцены. Сюда же следует отнести фигуры одиночных всадников и вооруженных антропоморфов или антропоморфов, имеющих какие-либо другие военные атрибуты (знамена, бунчуки и т.п.) (например, на рис. 8, 18), а также отдельные изображения луков, колчанов, стрел, которые могут трактоваться, как символические рисунки культа оружия (рис. 47, 49-3). Отдельные фигуры животных отнесены в эту группу ввиду того, что в раннесредневековом социуме такие изображения связаны с культом плодородия, вероятно являющиеся важной составляющей охотничьей деятельности (рис. 48, 49-1, 54, 55-1, 59, 68-2).

Батальные сцены являются ярчайшим отражением военно-политической культуры и, отчасти, дружинной идеологии древних тюрков. Их государство захватило огромные территориальные пространства от Маньчжурии на востоке, до Керченского пролива на западе, от верховьев реки Енисей на севере и до верховьев Амударьи на юге в период своей максимальной экспансии в 576 году²⁵².

Могущество армии и боевые навыки отдельных ее членов отражены в наскальном искусстве. К примеру, на одном из наиболее представительных памятников в долине реки Чаганки изображены сцены боя, в котором показаны особенности ведения копейного боя всадников (копье держится в области головы или груди) (рис. 24, 25, 26). Детализация фигур позволяет

²⁵² Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 92.

идентифицировать отдельные элементы одежды и проследить этнографические черты воинов²⁵³. Знаменосцы редко изображаются в петроглифах Центральной и Средней Азии. Большинство таких фигур зафиксировано в Семиречье²⁵⁴. Локальные группы известны в Минусинской котловине и Прибайкалье. На территории Горного Алтая встречены лишь на пяти памятниках – Чаган (2 знаменосца) (рис. 26), Елангаш (1 знаменосец) (рис. 8), Жалгыз-Тобе (1 знаменосец) (рис. 31), Дялбак (2 знаменосца) (рис. 46), Сетерлю-1 (4 знаменосца) (рис. 85-1, 86). Важность изображения знамени сложно переоценить, ведь во времена активных военно-политических событий в раннем Средневековье его роль была существенной. Знамя служило для идентификации определенного воинского формирования, отдельной родоплеменной группы и являлось символом власти правителя, как и изображение золотой волчьей головы рода Ашина²⁵⁵. По мнению, А.П. Окладникова, знамена также имели культовое значение²⁵⁶. В некоторых случаях они могли использоваться для оказания психологического воздействия на врага, устрашая его и заставляя потерять боевой дух²⁵⁷. Комплексный аналитический обзор зафиксированных раннесредневековых изображений знамен на территории Центральной и Средней Азии был

²⁵³ Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // *Rock Art Research*. 2016. Vol. 33. №1. P. 13.

²⁵⁴ Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства* (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Отв. ред. М.А. Дэвлет. Кемерово, 2019. С. 276-277, рис. 1.

²⁵⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф) *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. С. 229.

²⁵⁶ Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // *Тюркологический сборник* / Отв. ред. А.Н. Кононов. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 1. С. 150-154.

²⁵⁷ Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // *Археология Южной Сибири* / Под ред. Л.Ю. Китовой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. Вып. 23. С. 96-100.

проведен А.Е. Рогожинским²⁵⁸. В наскальном искусстве, художник, вероятно, запечатливал высокий уровень ведения боевых действий определенного воинского или этнического формирования, изображая победу отдельного его участника со знаменем, как символ победы всей группы. Действительно, в этом искусстве прослеживается определенная прокламативность²⁵⁹. На скалах также обнаруживаются отдельные изображения луков, колчанов и стрел. Одним из вариантов интерпретации подобных рисунков может быть их связь с культом оружия²⁶⁰. Отдельные изображения колчанов и налучий известны по раннесредневековым сюжетам, но в этих случаях они обычно связаны с участвующими в сценах людьми²⁶¹.

Охотничьи сцены также демонстрируют мастерство охотников, их меткость, ловкость, а также иллюстрируют способы ведения охоты. Изображение таких сцен на наскальных плоскостях наряду с батальными являются излюбленными в художественной традиции раннесредневековых тюрков. Подтверждается это массовостью их исполнения на скалах. Сцены одиночной охоты встречаются меньше групповых. Одним из ярких таких примеров служит сцена гонной охоты из долины реки Чаганки, в котором всадник на полном ходу, преследуя горного козла, собирается пустить в добычу третью стрелу, в то время как две предыдущие уже поразили ее²⁶² (рис. 20). Угол наклона в сцене показан так, будто козел бежит вверх по склону. Добавим к этому еще тот факт, что добыча имеет обыкновение менять

²⁵⁸ Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Отв. ред. М.А. Дэвлет. Кемерово, 2019. С. 275-288.

²⁵⁹ Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 46.

²⁶⁰ Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. №11. С. 26.

²⁶¹ Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая (известия лаборатории археологии №3). Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. С. 191, рис. 3.

²⁶² Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 44, рис. 7.

траекторию своего движения при побеге, постоянно лавируя между скальными выходами и деревьями. Это все крайне усложняет преследование. На роговых накладках из могильника Кудыргэ так же показаны одиночные всадники, преследующие добычу, некоторые из животных уже поражены²⁶³. Несомненно, в таких сценах показываются отточенные умения и навыки охотника. Подобные сюжеты имеются и на таких памятниках, как Ак-Кая, Жалгыз-Тобе, Дялбак и др.

В изображениях групповой охоты чаще всего присутствуют сцены загонной охоты. В них обычно пешие лучники располагаются перед бегущими животными, которых загоняют позади них всадники или собаки. В таких напряженных сценах, в которых пешие лучники в ответственный момент натягивают тетиву своих луков, направляя на добычу, прослеживается хорошо скоординированные действия.

В петроглифах Ак-Кая между двумя лучниками скачут олени. В самый подходящий, кульминационный, момент затаившиеся охотники, при максимально меньшей дистанции с оленями, начинают на них нападать. А нахождение стрелы над спиной оленя при натянутой тетиве со стрелой близстоящего лучника может показывать мастерство охотника в экстремальной ситуации, который способен пускать стрелы через небольшие промежутки времени (рис. 20, 32, 52, 60, 65, 69, 73). Практически то же самое наблюдается на плоскости памятника Дьяан-Кобы, в котором три лучника направили натянутые стрелы в разные стороны на добычу, которую гонят позади. Загонщики (пеший лучник и лучник на лошади) также стреляют в оленей (рис. 75). Такая тактика охоты могла служить и некой тренировкой для ведения боевых действий²⁶⁴. Поэтому, вместе с качествами охотника, в сцене отражаются и качества профессионального воина.

²⁶³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. Табл. XVI-1.

²⁶⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 70.

Помимо описанных сцен батальных и охотничьих действий следует отдельно выделить изображения жилищ. В изобразительном искусстве раннего средневековья жилища встречаются относительно редко, а предметом отдельного рассмотрения выступали единично²⁶⁵. На территории Горного Алтая такие зафиксированы только на двух памятниках – Дялбак²⁶⁶ и Бичикту-Бом²⁶⁷ (рис. 101).

На Дялбаке имеются гравированные изображения двух юрт. Первая находится в верхней части плоскости скального выхода показана сцена охоты, в котором лучник с натянутой тетивой готовится поразить горного козла. Над левой рукой охотника изображена подпятиугольная юрта, стены и крыша которой показаны двойной линией, а низ одной. В верхней части, судя по всему, дымоходное отверстие в виде округлого выступа. Второе расположилось на другой плоскости. Чуть выше лучника выгравировано изображение юрты, имеющей треугольную форму, заполненное наклонными линиями, большая часть которых проходит вдоль длинных сторон сооружения и сходится вверху. Оформление изображения юрты на наскальных плоскостях

²⁶⁵ Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П. Святилище с наскальными таблунками БаянлигХад в Монголии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 21. Рис. 5, табл. 61; Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 242-246; Мухарева А.Н., Советова О.С. О Некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии (Труды САИПИ. Вып. IX). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 73-74; Хороших П.П. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК. М.Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. Рис. 8-5; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. №3. Рис. 2-2; Sher J., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Siberie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie) // Repertoire des Petroglyphes D`Asie Centrale. Paris, 1994. Fasc. № 1. Fig. 121.1.

²⁶⁶ Урбушев А.У., Константинов Н.А. Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции. Абакан, 2021. С. 243-248.

²⁶⁷ Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 242-246.

наклонными линиями встречается на памятнике Яаншан в Северном Китае²⁶⁸. Дымоходное отверстие юрты представлено таким же образом, как и на предыдущем изображении – в виде округлого выступа. Обращает внимание среди этой композиции незавершенное изображение крупной фигуры лошади, которая выгравирована прямо поверх всех вышеописанных фигур.

На Бичикту-Боме изображена юрта, внутри которой сидят мужчина и женщина. Между фигурами располагается блюда на ножках (тепши?), рядом с мужчиной показаны налучье и колчан, у женской прослеживается халат и трехрогий головной убор. С правой стороны от юрты гравирована фигура лошади, привязанная к коновязи (?). В верхней части юрты в центре имеется дымоходное отверстие, снизу – показано основание-пол²⁶⁹.

В эпитафийной лирике тюрков раннего средневековья наряду с перечислениями боевых заслуг героя часто выражается сожаление о том, что при жизни этот герой не успел «удовлетвориться», «насладиться» жизнью со своими детьми, любимой женой и приятелями и умер («отделился») на чужбине. Нередко при выражении таких сожалений, упоминается о нахождении «супруг», «принцесс» и «сыновей» в «теремах», где они остались²⁷⁰. Очевидно, под «теремами» имеются в виду традиционные жилища тюрков – юрты. Их символическое значение, помимо буквального обозначения жилища, может значить еще и дом, семейную идиллию и обычную счастливую жизнь человека, чего служивый воин не может себе позволить. К примеру, в одной из эпитафий, герой горюет из-за расставания со своими тремя сыновьями и желает им мужаться²⁷¹, вероятно, приняв тот факт, что не увидит их взросления.

²⁶⁸ Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П. Святилище с наскальными таблунками БаянлигХад в Монголии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. Табл. 61.

²⁶⁹ Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бомы // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. Рис. 1.

²⁷⁰ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 17, 22, 23, 26, 39, 41, 42, 57, 64, 93

²⁷¹ Там же. С. 31.

Одну из сцен на плоскости Дялбака (рис. 101-2) можно рассматривать как последовательно сменяющиеся сцены сюжета, фиксирующего жизнеописание одного героя: воин участвует в различных баталиях, поражает своей стрелой горных козлов, одолевает волков, затем возвращается домой, выпустив на волю боевого коня и сложив лук и стрелы. Изображение колчана и налучья - повторяющийся образ сложенной амуниции дальнего боя рядом с фигурой человека, который стоит у юрты на Дялбаке и у мужской фигуры на Бичикту-Боме может символизировать миролюбивые намерения, обыденность окружающей обстановки²⁷² или повествовать о желании мирной и спокойной жизни. Об обретении свободы лошади может говорить ее изображение с изящно вытянутыми вперед передними ногами, показывающее ее скачущей в галопе со свободным чумбуром, который обозначен ломанной линией, тянущейся из-под морды.

Подобные сцены антитезности и противопоставления батальной сцены с мирной обстановкой в юрте выгравированы на костяных пластинах из погребения кургана 54 могильника Сутуу-Булак I, датируемый VII-VIII веками н.э. На одной из пластин изображено противостояние двух групп воинов, на другой – «семейная идиллия», в которой мужчина и женщина располагаются в некоем пространстве, по внешним конструктивным особенностям схожей с юртой²⁷³. Возможно, художественный замысел рисунков состоял в иллюстрации эпитафии, в котором говорится о подвигах, свершенных павшим воином-героем и о его сожалениях, что не успел «насладиться» жизнью с любимой супругой в юрте, который символизировал дом. Но дом, не как жилище, а как место спокойной и размеренной жизни²⁷⁴.

²⁷² Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бомы // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 244.

²⁷³ Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // Российская археология. 1997. №3. Рис. 2.

²⁷⁴ Там же. С. 146.

Аналогичная жанровая сцена представлена на памятнике Бичикту-Бом на Алтае (рис. 101-3).

Ко **второй группе** относятся сцены обрядовых действий. Они являются крайне редкими в художественной традиции наскального искусства древних тюрков. Одним из самых известных из алтайских памятников такого рода рисунков является т.н. сцена коленопреклонения, гравированная на валуне из могильника Кудыргэ в Восточном Алтае (рис. 40). Споры по семантике с привлечением широкого круга аналогий этой сцены до сих пор продолжаются. Исследователями выдвигались теории об изображении здесь шаманского обряда²⁷⁵, социальной дифференциации внутри одного социума²⁷⁶ или межплеменных отношениях. П.П. Азбелевым утверждалось представление христианского сюжета – поклонение волхвов²⁷⁷. Наиболее вероятным кажется толкование Л.П. Потапова о межплеменных отношениях, в частности о подчинении одного племени другому²⁷⁸. Эта теория была поддержанная позже и А.А. Гавриловой, которая связывает эту сцену с успехами тюрков-тугю, когда они вышли на мировую историческую арену. Вероятно, таким образом, здесь показано некое обрядовое действие, знаменующее подчинение поверженного племени или, возможно, группы племен, если учесть тот, факт, что персонажи в коленопреклонной позе имеют некоторые отличия в одеяниях и каждый персонаж является представителем отдельного племени²⁷⁹.

Довольно интересной на территории Горного Алтая является сцена подношения или поклонения, находящаяся, в Центральном Алтае на памятнике Сетерлю-1 (рис. 85-2). Здесь человек спереди, обращенный с вытянутой рукой немного вверх, вероятно приносит в дар сосуд вместе с его

²⁷⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 19.

²⁷⁶ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е издание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 92.

²⁷⁷ Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. СПб, 2010. С. 12-22, 45-51.

²⁷⁸ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е издание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 92.

²⁷⁹ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 20-21.

содержимым. Вторая же фигура, возможно, помогает первой в этом, держа наготове следующий сосуд. К большому сожалению, часть плоскости с изображением возможного объекта поклонения утрачена. Поэтому неизвестно могло ли быть там что-то, служившее символом мировоззренческой практики. Ведь обрядовые действия неразрывно связаны с мировоззрением. Позади фигур показаны лошади. По-видимому, пара приехала на них к некоему священному месту. Возможно, к месту, где и нанесены данные гравировки.

Нечто похожее было зафиксировано лишь на памятнике Когалы в Чу-Илийских горах Казахстана, где нанесенные на скальные плоскости техникой выбивки образы дароносцев были отнесены к руке мастера иноземного происхождения²⁸⁰. Нахождение подобных сцен на территории Алтая – на достаточно на большом расстоянии от Когалы – говорит либо о присутствии и здесь иноземных представителей, носителей иной культурной традиции, либо о более широком спектре художественных сюжетов у тюрков, чем было принято считать ранее. Стоит отметить, что по стилистическим и иконографическим особенностям обрядовую сцену Сетерлю-1, без сомнения, можно отнести к тюркской, что делает вторую версию более вероятной.

Из письменных китайских источников Таншу известно, что тюрки «поклоняются духам» и «веруют в волхвов», «приносят жертву в пещере предков» (на Алтае)²⁸¹. В текстах раннесредневековых рунических памятников указывается, что «Небо» благословляет каганов, а его воинам дарует силу для введения успешных боев²⁸². Исходя из имеющихся данных, возможно, на плоскости Сетерлю-1 мы видим часть мировоззренческого

²⁸⁰ Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамён в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Отв. ред. М.А. Дэвлет. Кемерово, 2019. С. 277.

²⁸¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. С. 230-231.

²⁸² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 37; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 20.

обряда прошения у духов или Неба сил и удачи или поклонения правителю. Последнее может быть даже более вероятной интерпретацией представленной сцены. Так, на двух золотых бляшках из культово-мемориального комплекса Елеке сазы в Восточно-Казахстанской области Казахстана были изображены сцены церемонии подношения кагану, восседающему на оформленной в виде лошади троне, с коленопреклоненными персонажами с блюдом в руках. Образ правителя на бляшке показан «обожествлённым»²⁸³.

Материалы из Елеке-сазы были датированы, предположительно, в рамках второй половины VI века н.э.²⁸⁴. Учитывая сюжетную схожесть изображений с алтайской сценой, которая относится к I стилистической группе, датируемой кудыргинским этапом, то можно более уверенно отнести сетерлинскую сцену так же ко второй половине VI века н.э.

Рассмотренные сцены сражений и охотничьи сцены показывают персонажей в самый кульминационный момент – когда всадники собираются нанести сокрушительный удар по противнику копьём или лучники с натянутой тетивой собираются пустить стрелу из лука. Последнее применимо и для сцен охоты, только вместо врага животное – добыча. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что в этих сценах показываются мастерство владения оружием и восхваляются боевые и охотничьи качества древних тюрков и их предводителей. Такое суждение перекликается с текстами древнетюркских рунических надписей, где так же восхваляются подвиги каганов, отдельных военачальников и их армий²⁸⁵.

Популярно мнение о том, что представленные сцены являются презентацией отдельных моментов героических эпосов. Рядом исследователей

²⁸³ Самашев З.С., А.К. Айткали, Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С. 28-29, рис. 6-7.

²⁸⁴ Самашев З.С., А.К. Айткали, Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. 2022. №2 (40). С.31.

²⁸⁵ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 36, 38, 41 и т.д.

предполагается, что даже сцены батальей могут быть отнесены к ритуальной сфере, так как они будто бы восхваляют подвиги погибших солдат. Такое толкование позволяет отнести подобного рода сцены к жанру панегирика²⁸⁶.

Сцены ритуальных практик населения раннего средневековья, отраженные в наскальных рисунках на территории Горного Алтая вместе с данными письменных источников, расширяют научные знания об отдельных аспектах мировоззрения древних тюрков.

3.3. Эволюция наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья

Исследования, направленные на реконструкцию исторических событий в рамках одной археологической культуры определенного периода напрямую связаны с возможностями и проблемами датирования ее материальных остатков, в том числе различных наскальных изображений. В этом ключе реконструкция развития наскального искусства эпохи раннего средневековья на территории Горного Алтая представляется наиболее сложной проблемой. В первую очередь, как упомянуто выше, это связано со сложностью датирования этих изобразительных памятников, находящихся под открытым небом. В отличие от предметов, залегающих в культурных слоях, для которых можно проследить последовательность культурно-исторических напластований, или органических остатков, которые можно привязать ко временной шкале методами абсолютного датирования, специалисты лишены таких возможностей по отношению к петроглифам. Поэтому доступными остаются одни из наиболее популярных для такого рода источников и в определенной степени надежных способов датирования по аналогиям с изображенными реалиям, стилистическим особенностям и техникой исполнения. Получение

²⁸⁶ Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. 2016. Vol. 33. №1. P. 17.

дат разными способами уточняют и подкрепляют культурно-хронологическую атрибуцию тех или иных изображений.

Исходя из вышеописанного, древнетюркские наскальные изображения на территории Горного Алтая в большинстве случаев исследователями относились к раннему средневековью в широком диапазоне от VI до IX-X веков н.э.²⁸⁷. Предположения о более узкой культурно-хронологической атрибуции в связи с другими археологическими материалами предпринимались немногими отдельными исследователями²⁸⁸.

Очевидно, изобразительное искусство, ее особенности, выражаемые в художественной традиции, связаны с историческими процессами, определяющие историко-культурное пространство. Поэтому любое искусство следует рассматривать в их связи. Ведь любые крупные события (будь они внутренние или внешние) в жизни определенного социума так или иначе влияют на искусство. Помимо того, что они иллюстрируют эти события, в них отпечатываются настроения общества. Это своего рода некая ответная реакция на раздражения. Поэтому следует обозначить эти крупные события, которые вызвали изменения, в частности, в наскальном искусстве и выделить его этапы развития.

²⁸⁷ Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. С. 11; Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). С. 47; Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. С. 222-223; Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 320; и др.

²⁸⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 105; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 246; Мухарева А.Н., Миклашевич Е.А., Серегин Н.Н. Изображения на стеле из погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Горный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №2 (72). С. 199; и др.

Одним из последних сформулированных периодизаций тюркской археологической культуры раннего средневековья является периодизация А.А. Тишкина и В.В. Горбунова. В ней выделено шесть этапов:

- 1) Кызыл-ташский (2-я половина V – 1-я половина VI веков н.э.);
- 2) Кудыргинский (2-я половина VI – 1-я половина VII веков н.э.);
- 3) Катандинский (2-я половина VII – 1-я половина VIII веков н.э.);
- 4) Туектинский (2-я половина VIII – 1-я половина IX веков н.э.);
- 5) Курайский (2-я половина IX – 1-я половина X веков н.э.);
- 6) Балтаргинский (2-я половина X – XI веков н.э.)²⁸⁹.

Названия этапов связаны с названиями хорошо датированных археологических могильных комплексов на территории Горного Алтая, хронологическая сменяемость которых позволяет выстроить временную шкалу, определяющую последовательность исторических этапов для всего региона со 2-й половины V до XI в. н.э. В этой периодизации рассмотрены этапы в более широком хронологическом диапазоне, чем время существования классических древних тюрков во времена существования Первого (Великого) (552-604 годы н.э.), Первого (604-630 годы н.э.) и Второго Восточных (682-744 годы н.э.) Тюркских каганатов на рассматриваемой территории. После падения последнего в результате междоусобных распрей исследователями отмечается значительное снижение количества археологических памятников древних тюрков²⁹⁰. В политическом плане тюрки Алтая вошли в состав Уйгурского каганата, позже – Кыргызского. Судя по археологическим материалам, вхождение было номинальным, население

²⁸⁹ Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая / Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 85-86.

²⁹⁰ Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрков в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. №4. С. 241; История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 325.

Горного Алтая фактически сохранило свою независимость, местные элиты продолжали иметь локальную власть²⁹¹.

Применяя предложенную периодизацию по отношению к историческим событиям, получается, что кудыргинский этап соответствует времени существования Великого и Первого Восточного каганатов. Сцена из роговой облицовки из одноименного могильника Кудыргэ считается эталонной для этого этапа. Поэтому наскальные изображения кудыргинского этапа, соотносящиеся с первой стилистической группой (см. §1 III главы) следует считать первым этапом в развитии наскального искусства тюркской культуры Горного Алтая.

К сожалению, на сегодняшний день сложно выделить по изображенным реалиям образцы как предшествующего этапа – кызыл-ташского, – так как в материалах этой группы прослеживаются черты предтюркского периода – верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры – так и более поздних этапов древнетюркской культуры – от кудыргинского до балтарганского²⁹².

На сопредельных с Алтаем территориях в периоды, предшествовавшие тюркскому времени, существовали культуры, изобразительные традиции которых так же имели определенное художественное сходство с тюркским искусством. Таковой является таштыкская культура Минусинской котловины, культурно-хронологическая принадлежность которой была определена М.П. Грязновым после исследований склепов и обнаружения в них деревянных планок с гравированными изображениями, датированными III-V веками н.э.²⁹³. Фигуры оленей с утонченными ногами на этих планках показаны в динамике, лошади с вытянутой одной ногой, другой подогнутой, динамичные

²⁹¹ Там же, с. 241; История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 325.

²⁹² Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. 2011. №6. С. 16-18, 21.

²⁹³ Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // Археологический сборник № 13. Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: «Аврора». 1971. С. 99.

батальные сцены уже стали самыми узнаваемыми маркерами этой культуры. Такие же особенности прослеживаются в тюркском наскальном искусстве Алтая. Для примера на памятнике Дьяан-Кобы на плоскости среди многофигурных композиций имеются и олени с утонченными ногами, одна из которых вытянута вперед, другая подогнута (рис. 75). Общая стилистика выполнения также схожа. Это и динамика сцен, и реализм, в котором отражаются анатомические особенности животных. Подобные фигуры встречаются на всех приведенных во второй главе данной работы памятниках.

Необходимо отметить, что образный ряд в таштыкской изобразительной традиции (воины, охотники, олени, птицы, волки и др.) присущ также и тюркской. Поэтому точно отделить таштыкские изображения от тюркских представляется сложным. Как было отмечено исследователями, вероятно, между таштыкскими и тюркскими рисунками прослеживается стилистическая преемственность, начало которой было положено в хуннской изобразительной традиции, которая в результате тесных связей между различными племенами на обширной территории Алтае-Саянского региона продолжалась вплоть до конца I тыс. н.э.²⁹⁴.

Первая хронологическая группа (кудыргинский этап) в развитии наскального искусства Алтая, характеризуется высокой степенью детализации фигур животных (лошадей, оленей, козлов и т.д.) и изображений отдельных реалии наступательного и оборонительного вооружения, декоративных и статусных элементов (плюмажи, налобные султаны, подвески и др.), предметов одежды (показываются частой продольной и поперечной штриховкой), а также черт лица, прически и, иногда, возможно, эмоций воинов и охотников. Этот период связан с образованием Первого тюркского каганата, временем активных политических действий и военной экспансией огромных

²⁹⁴ Савинов Д.Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: КемГУ, 1994. С. 8-10; Мухарева А.Н. Изобразительные традиции первой половины I тыс. н.э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб., М., Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 73.

территорий. Отмечается, что погребально-поминальные комплексы сооружались в строгом соответствии с канонами обрядности²⁹⁵, что, вероятно, повлияло на высокую художественность и тщательность проработки деталей наскальных изображений и их особенностей в соответствии со сложившейся художественной традицией. В данный период иллюстрации подвигов героев, мастерства ведения боя, охотничьих достижений стимулировались в мировоззренческой составляющей древнетюркского социума военными победами и авторитетом Бумын кагана и последующих его престолонаследников.

Изображение предметов. Реализм, присущий наскальным изобразительным памятникам первой группы зачастую все же не позволяет уверенно отнести те или иные изображенные реалии к определенному этапу развития тюркской культуры. Материалы, получаемые из раскопок погребений, позволяют систематизировать, классифицировать и выявить особенности в конструкции и составных частей, к примеру, удил, псалий и стремян конского снаряжения²⁹⁶, луков, наконечников стрел и копий воинов²⁹⁷, которые являются одними из самых массовых материалов. В наскальном искусстве, к сожалению, крайне сложно, а иногда даже практически невозможно точно определить тип удил, форму псалий, количество накладок на лук, наличие украшений узды и т.п. Связано это в немалой степени с технической трудностью нанесения рисунков на камни, как

²⁹⁵ История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 323.

²⁹⁶ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 32; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 37-38; Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрков в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. №4. С. 234-241.

²⁹⁷ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 22-43; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 39; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 9-56.

и в случае изображения отдельных элементов при изготовления тюркских статуарных памятников²⁹⁸. На скальную породу довольно сложно нанести тонкими линиями мелкие детали украшения конской сбруи и костяные или роговые накладки. Для наскального искусства большее значение имело не воспроизведение точной формы, отражающей особенности изображаемого объекта, а смысл, заложенный в условную форму. Тем не менее через условную форму можно увидеть наличие определенных особенностей (характерная тюркская стрижка лошади, форму знамен на концах копий, шлемы и т.п.) и проследить размеры отдельных элементов изображенных предметов.

Довольно интересными представляются изображения, которые можно, вероятно, отнести к переходному от первого ко второму этапу или к началу второго этапа. Это изображения, содержащие стилистические элементы первой группы (высокохудожественность, реализм и др.), но при этом датирующиеся периодом катандинского этапа. В частности, это изображения на памятниках Кургак, Туекта и Сетерлю-1 (рис. 38, 94, 85-2). В первом и втором случае, как уже упоминалось выше вместе с гравировками на одной с ними плоскости нанесены рунические знаки, которые начались использоваться во время Второго Восточного Тюркского каганата. В третьем случае, в изображениях памятника Сетерлю-1 две человеческие фигуры держат в руках сосуды. Левая фигура человека держит сосуд двумя руками, правая вытянутой рукой держит сосуд поменьше. Сосуды имеют округлое, удлиненное тулово, высокое горло и плоское дно. У одного сосуда, большего по размеру, прослеживается слегка отогнутое конусовидное горло. У второго сложно определить геометрию горла, из-за того, что за него держит рукой человек. Тем не менее, оба сосуда по приведенным особенностям относятся по

²⁹⁸ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 21-22; Мухарева А.Н., Миклашевич Е.А., Серегин Н.Н. Изображения на стеле из погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Горный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №2 (72). С. 202.

классификации изображаемых сосудов на древнетюркских изваяниях В.Д. Кубарева к третьему типу, которые были распространены на территории Горного Алтая в VII – X веков н.э.²⁹⁹. Наличие в погребениях серебряных сосудов тюрков катандинского этапа А.А. Гаврилова связывает с социальными переменами в тюркском каганате³⁰⁰. Изображение сосуда в древнетюркской среде занимает особое место в статуарном искусстве и имело сакральное значение³⁰¹, что наблюдается и в наскальной сцене Сетерлю-1, также посвященной ритуальной практике³⁰².

Ко второму этапу также можно отнести изображения, выполненные в менее реалистичной манере (схематичные, угловатые, с разрывом линий фигур), при этом передающие некоторые особенности изображаемых реалий. К примеру, одиночные фигуры всадников на памятниках Торгун и Дьяан-Кобы (рис. 73, 81). На втором памятнике имеется также многофигурная композиция на другой плоскости (рис. 75). Здесь у пяти всадников четко показаны прямые псалии с отогнутым вперед верхними концами, которые характерны для кудыргинского и катандинского этапов тюркской культуры³⁰³. Также все лучники на этом памятнике показаны с длинными луками, что вместе со стилистическими особенностями характерно для катандинского этапа. Это подтверждает их отнесение ко второму этапу наскального изобразительного искусства раннего средневековья.

Одним из примеров служит определение размеров луков. Согласно типологической периодизации А.А. Гавриловой, луки катандинского этапа (вторая половина VII – вторая половина VIII века н.э.) были более крупных

²⁹⁹ Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. С. 34-35, рис. 6.

³⁰⁰ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 65.

³⁰¹ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 245.

³⁰² Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. 2022. №6. Рис. 5.

³⁰³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. Табл. VII-1; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 40.

размеров по сравнению с предыдущим этапом и не имели концевых накладок³⁰⁴. О большой длине луков в VII – VIII веках н.э. отмечал и В.А. Могильников, об отсутствии на них концевых накладок им отмечается с VIII века н.э.³⁰⁵. Одновременно с длинными луками существовали короткие и средние³⁰⁶. Действительно, изображенные лучники, относящиеся к кудыргинскому этапу развития, имеют небольшие размеры луков³⁰⁷. Это дает нам основание предполагать, что изображенные реалии – знамена, шлемы, предметы конского снаряжения и т.п., – находящиеся на тех же памятниках и выполненные в той же стилистической манере так же относятся к кудыргинскому этапу. Таким образом, с такой же вероятностью относятся представленные приемы в сценах боя и охоты к этому времени. Разумеется, могут быть погрешности, связанные с неточностью передачи относительных размеров и некоторых отдельных форм предметов. Согласно А.А. Горбунову, короткие типы луков появились на Алтае в второй половине V века н.э. и просуществовали на протяжении всего раннего и развитого средневековья³⁰⁸, но общая тенденция развития луков все-таки шла по пути уменьшения размеров, в том числе за счет уменьшения длины рукояти и рогов, что позволило сократить дистанцию ведения боя³⁰⁹.

³⁰⁴ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 64.

³⁰⁵ Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 40.

³⁰⁶ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 23-26.

³⁰⁷ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. Табл. XV-12; Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. 2004. № 1 (17). Рис. 7; Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. Рис. 1-1.

³⁰⁸ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 25.

³⁰⁹ Там же. С. 23-26.

Исходя из наблюдений исследователей, можно предположить, что изображения длинных луков были сделаны в катандинский этап, когда отмечается разница, обусловленная в увеличении длины по сравнению с предыдущим этапом. Позже, вероятно начиная со второй половины VIII века длина луков снова уменьшается³¹⁰. Также отмечается, что изображения VII – VIII веков н.э. несколько схематичны³¹¹. На многих памятниках прослеживаются фигуры, выполненные в менее искусной технике гравирования, большую часть из которых можно отнести ко второй стилистической группе (см. §1 III главы). Многие фигуры лучников имеют, как раз крупные луки, верхний конец которых начинается с области лба фигур (или даже макушки) и заканчиваются в области бедер³¹². Об изображении длинных луков на втором этапе развития древнетюркского наскального искусства говорит наличие рунических надписей вместе с лучниками с таким видом луков. Рунические надписи появились в период Второго Восточного Тюркского каганата, который соответствует катандинскому этапу³¹³. Яркими примерами служат памятники Кургак (рис. 38) и Туекта (рис. 94), где на одной

³¹⁰ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 64; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 40; Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 23-26.

³¹¹ Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 42.

³¹² Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыс-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1992. Рис. 2; Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Том 48. №3. Рис. 6; Урбушев А.У., Константинов Н.А. Каменная плитка со сценами охоты из Урочища Ак-Кая (Центральный Алтай) // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии (к 300-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции. Кемерово, 2021. Рис. 2.

³¹³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. С. 65; Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 42.

плоскости располагаются руника с лучниками в сцене охоты³¹⁴. Стоит отметить, что гравировки Кургака отличаются реализмом и высокохудожественностью исполнения по сравнению большей частью изображений второго этапа. Вероятно, такая техника была выполнена художником, владеющим мастерством камнеписного дела, который искусно наносил и руны, и рисунки. Также, рисунки с этих памятников могли быть нанесены в переходный от кудыргинского к катандинскому этапу времени – в середине VII века н.э.

Показательны разновременные изображения в рамках раннего средневековья на каменной плоскости фрагмента тюркской стелы с памятника Нижняя Соору в Центральном Алтае. Среди палимпсестов сначала во второй половине VI – первой половине VII веков н.э. было выбито изображение лица, а позже гравированными линиями нанесены фигуры лучника и животных³¹⁵. Последние, вероятно, выделяются из кудыргинского этапа или были выполнены в самом его конце. Возможно, для них VII век н.э. является нижней хронологической границей, т.н. *terminus post quem*. По стилистике их можно отнести ко второй стилистической группе и датировать катандинским или более поздним этапом, что подтверждает ранее описанные положения.

Рассматривая по археологическим материалам предметы конского снаряжения, в частности, псалии, ярко демонстрирующие развитие форм, в тюркской культуре наиболее показательными и маркирующими туектинский и курайский этапы являются S-овидные псалии³¹⁶. На сегодняшний день на

³¹⁴ Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2001. Вып. 4. Рис. 3; Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // International Newsletter On Rock Art. 1995. №10. Fig. 3.

³¹⁵ Мухарева А.Н., Миклашевич Е.А., Серегин Н.Н. Изображения на стеле из погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Горный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. №2 (72). С. 199-206.

³¹⁶ Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Москва: Наука, 1981. С. 40; Константинов Н.А. Отчет об аварийных раскопках на могильниках Курайка-2 и Талдура II и археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 52100. Рис 46,

памятниках наскального искусства Горного Алтая не обнаружено изображений подобных псалий. На таких памятниках, в принципе, псалии указывались редко.

Учитывая прослеженную тенденцию развития наскального искусства раннего средневековья от сложности к схематизму, от движения к статике, можно предположить, что нанесение изображений на скальные плоскости, как вид искусства стало претерпевать кризисные явления, которые привели к тому, что изображение реалий и других характерных особенностей стало необязательным. Вероятно, такое т.н. “вырождение” связано с постоянно протекавшими междоусобными распрями внутри самого каганата, внешними военными неудачами и, в конце концов, падением некогда могущественной тюркской империи. Несмотря на то, что тюркские племена Алтая сохранили свою независимость и не были включены в состав Уйгурского каганата и номинально включены в Кыргызский после падения своего государства, они продолжали существовать, но уже без существенного экономического и культурного развития на исторической арене, что подтверждается материалами из археологических памятников второй половины VIII – XI веков н.э.³¹⁷.

Немаловажной находкой является изображение птицы на небольшой каменной плитке, происходящей из поселения Купчегень-1 в Центральном Алтае (рис. 102). Основной слой поселения, в котором находилась плитка, по обнаруженным в ней материалам датирован IX-XIII веками н.э.³¹⁸. Что касается изображения птицы, орнитологами установлена его принадлежность

48; Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрков в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. 2021. №4. С. 235, 239.

³¹⁷ История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 325.

³¹⁸ Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 1. С. 19-33.

к роду речных уток отряда гусеобразных³¹⁹. Следует отметить, что подобных фигур в наскальном искусстве раннего средневековья ранее не встречалось. В целом, птицы редко изображались. Среди орнитоморфов чаще встречаются фигуры кекликов или уларов, относимые в большинстве своем к эпохе бронзы. Помимо этого, фиксируются изображения хищных птиц, которые выступали в качестве добычи, но чаще, как охотники на дичь³²⁰. Птицы эпохи раннего средневековья в большинстве случаев встречается в сценах соколиной охоты или в сценах без участия человека³²¹. Известно изображение пораженного стрелой журавля в сцене охоты среди петроглифов Туекты³²², а также гравированные фигуры летящей утки и зайца на поясной бронзовой пластине из кургана VI-VII веков н.э. из могильника Берель в Казахском Алтае³²³

Изображения летящих уток получают распространение в торевтике Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий в последние века I тыс. – начале II тыс. н.э. Г.Г. Король, которая рассмотрела эти фигуры, связала их появление в декоративно-прикладном искусстве населения Саяно-

³¹⁹ Константинов Н.А., Урбушев А.У. Изображение птицы на плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. №2. С. 96-99.

³²⁰ Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. 2(26). С. 94-95, рис. 8, 10; Черемисин Д.В. Птицы на скалах (еще раз об изображениях птиц в петроглифах Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. С. 795-797, рис. 1, 3.

³²¹ Константинов Н.А., Соенов В.И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Т. 2. Вып. 3. С. 374-381; Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Вып. XXXVI. Рис. 56-5; Соенов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 138-141; Черемисин Д.В. Птицы на скалах (еще раз об изображениях птиц в петроглифах Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. XXVIII. Рис. 5.

³²² Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туекта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3, 4. Рис. 5.

³²³ Самашев З.С. Берель. Алматы: Издательский дом «Гаймас», 2011. С. 104, 106, рис. 289.

Алтая и сопредельных территория с влиянием китайских образцов³²⁴. Образ утки, судя по всему, занимал значимое место в мифологических представлениях местного населения. Попав в благоприятную мировоззренческую среду, образ трансформировался и занял довольно важное место в искусстве, в т.ч. наскальном.

Изображения водоплавающих птиц традиционно связываются с космогоническими мифами и занимают важное значение в мировоззрении многих народов. Выгравированная на каменной плитке утка является прекрасным образцом изобразительного творчества населения Алтая позднего периода эпохи раннего средневековья. Кроме того, изображение косвенно подтверждает датировку поселения IX-XIII веками н.э., поскольку связано с общими тенденциями развития изобразительного искусства населения Саяно-Алтая, обозначенного исследователями.

Таким образом, на основе стилистического анализа, сопоставления изображенных на скальных плоскостях реалий с материалами из погребальных комплексов, установления связи с историческими событиями предпринята попытка определения развития наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья. На основании этих данных были выделены два этапа:

1. Вторая половина VI – первая половина VII веков н.э.;
2. Вторая половина VII – первая половина VIII веков н.э.

Выделенные этапы развития наскального искусства соответствуют двум этапам имеющейся периодизации тюркской культуры – кудыргинскому и катандинскому соответственно. Примерно в таких же выделенных хронологических рамках развития наскального искусства была выделена характеристика изобразительного искусства в целом для культуры «алтае-

³²⁴ Король Г.Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркской культуре и традиционное наследие народов Саяно-Алтая. Мировоззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. Вып. VIII. С. 52.

телесских тюрок», в котором были отмечены основные направления культурных связей для разных этапов – западные связи во время первого и восточные во втором.

Второй этап развития, которое охарактеризовано наличием импортных товаров из Танского Китая, вместе с которыми впоследствии пришли и изобразительные мотивы³²⁵ не прослеживаются в наскальном искусстве. Нет особенностей, которые можно связать с восточными (китайскими) контактами. И напротив, особенности первого этапа общей изобразительной составляющей культуры имеют черты со среднеазиатским искусством, что прослеживается и в наскальном искусстве³²⁶, но в отличие от них, тюркские более реалистичны и динамичны.

Немного иная картина представляется для позднего периода эпохи раннего средневековья (IX – XIII веков н.э.). Распространение изображений орнитоморфных фигур фиксируется в конце I тыс. – начале II тыс. н.э. на территории всего Алтае-Саянского региона, что, как отмечалось исследователями, связано с влиянием образцов китайского изобразительного искусства, трансформировавшихся в местной среде. Появление на территории Горного Алтая образа утки, образцы которого представлены пока еще единственной находкой, вероятно, связаны с этими процессами.

В результате проведенного комплексного анализа наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья были выделены три стилистические группы, отличающиеся характерными изобразительными особенностями – степенью реализма, динамизма, проработанностью деталей – и отражающие художественно-эстетические идеалы. Рассматривая в контексте семантической составляющей, наскальные изображения отнесены к двум группам – батальным и охотничьим сценам и сценам обрядовых

³²⁵ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 246.

³²⁶ Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2007. С. 54-67.

действий. В первой группе показывается мастерство воинов и охотников, разнообразные тактики ведения боя и способов охоты и, вероятно, вместе с изображениями второй группы носят также ритуальный характер.

В развитии наскального искусства выделено два этапа хронологически совпадающие с кудыргинским и катандинским этапами тюркской культуры. Исходя из выделенной тенденции развития, вероятно, более схематичные рисунки были созданы позднее, с чем также связано влияние на наскальное искусство исторических процессов на рассматриваемой территории.

Заключение

История изучения памятников наскального искусства Горного Алтая охватывает более двух столетий, начиная с первых упоминаний в XIX веке и заканчивая современными исследованиями. На протяжении этого периода менялись подходы к изучению и восприятию петроглифов, от игнорирования и поверхностного описания до признания их значимости как исторических источников. Особенно продуктивными оказались исследования, проведённые в XX веке, когда были сделаны важные открытия, позволившие начать целенаправленное изучение петроглифов раннего средневековья.

В XIX – начале XX века петроглифы фиксировались без их хронологической дифференциации. С 1920-х годов, на фоне активизации археологических исследований, появились первые попытки классификации и интерпретации. В 1960-1980-е годы систематическое документирование петроглифов значительно расширило массив известных изображений. С 1990-х годов наблюдается рост интереса к петроглифам раннего средневековья как к источнику реконструкции различных аспектов жизнедеятельности социума того времени. В этот период проводятся международные конференции, создаются ассоциации исследователей, и петроглифы раннего средневековья становятся предметом отдельного направления исследования. В настоящее время наскальное искусство рассматривается как важный компонент культурно-исторического наследия, позволяющий уточнять представления о мировоззрении, социальной организации и межкультурных контактах населения раннесредневекового Алтая.

Исследование локально-топографических характеристик памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья раскрывает уникальность и значимость этих объектов для изучения историко-культурного наследия региона. Петроглифы распределены по нескольким

физико-географическим провинциям – Юго-Восточный, Восточный, Центральный и Западный Алтай.

Использование современных технологий, таких как фотограмметрия, 3D-моделирование и аэрофотосъемка, значительно расширяют возможности изучения наскальных изображений, включая их контекст в историко-культурном ландшафте. Это обеспечивает более глубокое понимание семантических и композиционных особенностей петроглифов, а также их взаимосвязи с природной средой.

Закономерности расположения памятников указывают на предпочтение возвышенностей и открытых участков, хорошо освещаемых солнцем, вблизи рек и урочищ. Эти особенности подтверждают связь древнетюркской культуры с природным окружением, что отражает её мировоззренческие и ритуальные аспекты. Кроме того, наличие поблизости курганных групп различных эпох указывает на сложное взаимодействие культурных традиций.

Однако состояние сохранности памятников вызывает обеспокоенность. Антропогенное воздействие, связанное с туризмом и хозяйственной деятельностью, а также природные факторы, такие как выветривание и рост растительности, существенно угрожают сохранности наскальных изображений. Современные подходы к документированию и мониторингу памятников играют важную роль в предотвращении их разрушения.

Таким образом, исследование петроглифов Горного Алтая не только расширяет наши знания о древних культурах региона, но и подчеркивает необходимость сохранения этого уникального культурного наследия.

Исследование наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья позволяет значительно расширить представления о художественных традициях и мировоззрении древнетюркских сообществ. Проведенный анализ выделяет три стилистические группы, отличающиеся уровнем реализма, динамизма и степенью проработанности деталей, что отражает эстетические идеалы и технические возможности художников того

времени. Каждая из групп демонстрирует связь с историко-культурными процессами, а также эволюцию изобразительных традиций региона.

Особое внимание уделено семантической составляющей изображений. Батальные и охотничьи сцены занимают центральное место в композициях, демонстрируя военно-политическую культуру древних тюрков, их охотничьи навыки и тактические приемы. Эти сцены не только документируют элементы повседневной жизни, но и носят ритуальный характер, подчеркивая связь искусства с духовными практиками. Сцены обрядовых действий, хотя и менее многочисленны, раскрывают важные аспекты религиозных и социальных представлений древнетюркского общества.

Хронологический анализ наскального искусства выделяет два этапа его развития: кудыргинский (вторая половина VI – первая половина VII века) и катандинский (вторая половина VII – первая половина VIII века) этапы, которые совпадают с основными периодами тюркской культуры. Ранние изображения отличаются высокой детализацией и реализмом, что, вероятно, связано с расцветом Тюркского каганата, тогда как более поздние работы демонстрируют схематизацию и упрощение, отражающие кризисные процессы внутри общества.

Таким образом, наскальное искусство Горного Алтая представляет собой ценнейший источник для изучения социально-культурной и художественной эволюции древнетюркских сообществ. Оно не только фиксирует значимые исторические события, но и служит ключом к пониманию мировоззрения, эстетики и межкультурных связей региона.

Список использованных источников и литературы

Источники и архивные материалы:

1. Васютин А.С. Отчет о раскопках и разведке древнетюркских оградок в Горном Алтае в 1981 г. 105 л. // Архив ИА РАН. – Р-1. – №8571.
2. Геологическая карта СССР. Лист М-45-VII.
3. Геологическая карта СССР. Лист М-45-VIII.
4. Геологическая карта СССР. Лист М-45-XI.
5. Геологическая карта СССР. Лист М-45-XV.
6. Геологическая карта СССР. Лист М-45-XXIII.
7. Геологическая карта СССР. Лист М-45- XXIX.
8. Коллекции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина // Фонд НМРА. №10353/1-3.
9. Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2015 г. // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 47826.
10. Константинов Н.А. Отчет об аварийных раскопках на могильниках Курайка-2 и Талдура II и археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 52100.
11. Константинов Н.А. Отчет об археологических разведках в Улаганском и Кош-Агачском районах Республики Алтай в 2017 г. // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 57296.
12. Копия с местонахождения Калбак-Таш (Алтай) [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. – МЗТП КПОФ 7305. – ПФ 2313. – 2002. – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10764580> (дата обращения 29.11.2023).
13. Обкладка передней луки седла с резными изображениями [Электронный ресурс] // Архив Эрмитажного собрания. – 4150-126. –

Государственный Эрмитаж [сайт]. URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+archaeological+artifacts/3494403> (дата обращения 23.05.2024).

14. Окладников А.П. Отчет о наблюдениях над писаницами на Горном Алтае в 1961 г. // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 2239.

15. Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-ob-ektov-regionalnogo-znacheniya> (дата обращения: 21.11.2023).

16. Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации федерального значения, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2018 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-ob-ektov-federalnogo-znacheniya> (дата обращения: 21.11.2023).

17. Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенные на территории Республики Алтай (по состоянию на 01 января 2020 года) [Электронный ресурс] / Инспекция по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай [сайт]. URL: <http://okn-ra.ru/kulturnoe-nasledie/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/perechen-vyyavlennykh-ob-ektov-kulturnogo-naslediya> (дата обращения: 21.11.2023).

18. Соенов В.И. Отчет об археологической разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай в 2016 г. // Архив ИА РАН. – Ф-1. – Р-1. – № 52941.

19. Урбушев А.У. Отчет об археологических разведках в Усть-Канском районе Республики Алтай в 2021 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. – Ф.4. – Оп.1. – Д.489.

20. Урбушев А.У. Отчет об археологических разведках в Онгудайском и Улаганском районах Республики Алтай в 2023 году // НФ МА РТ ИА АН РТ. Ф.4. Оп.1. Д.490.

21. Урбушев А.У. Фотографии и прорисовки наскальных изображений Горного Алтая из экспедиций А.У. Урбушева в 2018-2023 годах // НФ МА РТ ИА АН РТ. – Ф.28. – Оп.1. – Д.2-34.

22. Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. – МЗТП КПОФ 4063. – ПФ 899. – 1992. – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984710> (дата обращения 29.11.2023).

23. Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. – МЗТП КПОФ 4062. – ПФ 898. – 1993. – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10984484> (дата обращения 29.11.2023).

24. Эстампаж с писаницы Бичикту-Бом [Электронный ресурс] // Архив КМЗТП. – МЗТП КПОФ 4705. – ПФ 925. – 1993. – Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [сайт]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=11026312> (дата обращения 29.11.2023).

Литература:

25. Аболонкова И.В. Наскальные изображения Тепсейского археологического микрорайона в аспекте развития методики исследования:

дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. Наук; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2019. – 243 с.

26. Агеева Э.Н., Дэвлет Е.Г., Ребрикова Н.Л. Результаты обследования, перспективы сохранения и использования памятников наскального искусства озера Байкал // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск, 1996. – Вып. 1. – С. 111-115.

27. Агеева Э.Н., Кочанович А.В. Исследования и консервация памятников наскального искусства. Современный подход // Исследования и консервация культурного наследия. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2005. – Вып. 1. – С. 15-20.

28. Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. – СПб, 2010. – 60 с.

29. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. I. – 382 с.

30. Богданов Е.С., Мураками Я., Соловьев А.И., Гришин А.Е., Соловьева Е.А., Гнездилова И.С. Исследование сырдутных печей около села Балыктуюль (Республика Алтай) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 224-228.

31. Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 годов: в 3 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 1. – 168 с.

32. Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 годов: в 3 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 3. – 368 с.

33. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.-Л.: Наука, 1965. – 144 с.
34. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003. – 174 с.
35. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2006. – 232 с.
36. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // Археологический сборник № 13. Материалы и исследования по археологии СССР. – Л.: «Аврора». 1971. – С. 94-106.
37. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.
38. Брецинский М.А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1881. – Кн. 3. – 30 с.
39. Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках горного Алтая // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 107–114.
40. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 120 с.
41. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Мыльников В.П. Святилище с наскальными таблунками БаянлигХад в Монголии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – 224 с.
42. Досымбаева А.М. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. – Алматы: Seuvic Press, 2013. – 250 с.
43. Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Документирование ландшафтного контекста и изобразительных особенностей дальневосточных памятников наскального искусства // Труды V (XXI)

Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. – Барнаул: АГУ, 2017. – Том III. – С. 93-100.

44. Дэвлет М.А. Большая Боярская писаница. – М: «Научный мир», 1976. – 36 с.

45. Евтюхова Л.А. К вопросу о писаницах Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 189-190.

46. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. – Москва: ИА РАН, 1941. – Вып. XVI. – с. 75-117.

47. Елин В.Н. Исследования на петроглифических памятниках Курман-Тау и Бураты // Altaica. – Новосибирск: Алтайский международный центр гуманитарных и биосферных исследований, 1993. – №2. – С. 52-55.

48. Елин В.Н., Тамимов А.М. Граффити Жалгыс-Тобе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1992. – С. 77-78.

49. Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 116-122.

50. Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 88-97.

51. Заика А.Л., Кузнецов А.Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. – 76 с.

52. Зайцев А.М. По верхнему и частью среднему Чарышу, его притокам и по р. Коксу, притоку Катуня: (экскурсия на Алтай 1905 года). – Томск: Паровая типолитогрфия П.И. Макушина, 1907. – 36 с.

53. Зедльмайр Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства. – СПб., 2000. – 272 с.
54. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987–1988 гг. // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С. 137-150.
55. История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А. А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. – 392 с.
56. Каган М.С. Лекции по эстетике. – Л., 1971. – 297 с.
57. Ковтун И.В. Начало российской петроглифики: пролог // Материалы исследований древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. – Томск, 2010. – Т. III. – Вып. 1. – С. 135-146.
58. Киндигов Б.М., Киндигов И.Б. Древние письмена Онгудайского района. – Горно-Алтайск, 2018. – 128 с.
59. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
60. Константинов Н.А., Соенов В.И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор, 2012. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 374-381.
61. Константинов Н.А., Вавулин М.В., Зайцева О.В., Урбушев А.У. Обследование археологических памятников долины реки Большой Улаган (Восточный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии: сборник науч. трудов / отв. ред. В.И. Соенов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. – № 9(21). – С. 17-33.
62. Константинов Н.А., А.У. Урбушев Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем

евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 270–272.

63. Константинов Н.А., Константинова Е.А., Урбушев А.У. Гравировки Дялбака (Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Том 48. – №3. – С. 59-69.

64. Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 1. – С. 19-33.

65. Константинов Н.А., Плетц Г., Урбушев А.У., Такпаева В.И. Поселение Кожолу-1 в Центральном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2021. – С. 219-223.

66. Константинов Н.А., Серегин Н.Н. Погребально-поминальный комплекс Курайка-2 (Юго-Восточный Алтай): новые материалы к истории тюрок в эпоху Уйгурского каганата // Сибирские исторические исследования. – 2021. – №4. – С. 229-248.

67. Константинов Н.А., Урбушев А.У. Изображение птицы на плитке с поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2023. – №2. – С. 95-109.

68. Король Г.Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюретике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая. Мироззрение населения Южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2015. – Вып. VIII. – С. 47-63.

69. Кочеев В.А. Раскопки Горно-Алтайского краеведческого музея на могильниках Усть-Кожолу в 1989 году // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12. – С. 58–70.

70. Кубарев В.Д. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1975 года. – Москва: Наука, 1976. – С. 251-255.

71. Кубарев В.Д., Кадиков Б.Х., Чевалков Л.М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус // Археологические открытия 1978 года. – Москва: Наука, 1979. – С. 237-239.
72. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.
73. Кубарев В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – Москва: Наука, 1990. – С. 154-157.
74. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии, Ком. по экологии и природ. ресурсам Респ. Алтай. Госзаповедник "Катунский", 1992. – 123 с.
75. Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1992. – с. 94-97.
76. Кубарев В.Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. – С. 186-201.
77. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 95-107.
78. Кубарев В.Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово, 2001. – Вып. 4. – С. 8-11.
79. Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. – №11. – С. 12-27.
80. Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 65-81.

81. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 640 с.

82. Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авифауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – 2(26). – С. 87-103.

83. Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 420 с.

84. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 444 с.

85. Кубарев В.Д. История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского государственного университета, 2010. – Вып. 3. – С. 43-58.

86. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс... канд. ист. Наук; Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997. – 20 с.

87. Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрок Алтая // Древности Алтая (известия лаборатории археологии №3). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – С. 190-197.

88. Кубарев Г.В., Кляшторный С.Г. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. С. В. Алкин. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 78-82.

89. Кубарев Г.В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в эпоху Средневековья. – Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 242-246.
90. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.
91. Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 75-84.
92. Кубарев Г.В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 195-200.
93. Кубарев Г.В. Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2013. – Вып. XVIII–XIX. – С. 340-345.
94. Кубарев Г.В. Граффити местонахождения петроглифов Калбак-Таш II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Глав. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 198-201.
95. Кубарев Г.В. Исследования на Калбак-Таше II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / Глав. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 289-292.
96. Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 4 (16). – С. 92-101.
97. Кубарев Г.В. Древнетюркские петроглифы Елангаша (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии

Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 319-322.

98. Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния из Апшиякты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 1 (45). – С. 93-103.

99. Кубарев Г.В. Изображение женщины в трехрогом головном уборе из Апшиякты и его историко-культурный контекст // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово: Изд-во КРИПКИПРО, 2021. – С. 170-179.

100. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Ч. 1. Памятники енисейского письма. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – 162 с.

101. Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирование сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 2(60). – С. 244-255.

102. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

103. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. – 116 с.

104. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.

105. Мальцев Р.К. К вопросу о деятельности Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 114-117.

106. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая: Учебное пособие по спецкурсу. – Барнаул: БГПИ, 1987. – 110 с.
107. Мартынов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичикту-Бом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1995. – С. 178-185.
108. Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М.: Высшая школа, 2002. – 240 с.
109. Мартынов А.И., Елин В.Н., Еркинова Р.М. Бичикту-Бом – святилище Горного Алтая. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. – 346 с.
110. Мартынов А.И., Базайченко А.В., Дворников Э.П., Мамыева Н.А., Штанов Е.С. Священные горы Каракольской долины. – Кемерово, 2013. – 239 с.
111. Маточкин Е.П. Петроглифы Чёрной речки // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – Москва: Наука, 1990. – с. 156-161.
112. Маточкин Е.П. Художественное наследие и проблемы в изобразительном искусстве Горного Алтая: дис. на соиск. учен. степ. доктора искусствоведения; Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2011. – 355 с.
113. Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. – Иркутск, 2011. – Т. 1. – 426 с.
114. Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устью-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири / Отв. ред. В.В. Бобров, И.Д. Русакова. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84-91.
115. Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 219–235.
116. Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование петроглифов горы Торгун в Онгудайском районе Республики Алтай // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 229-233.

117. Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства / Ред. В.В. Бобров, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич. – Кемерово: «Кузбассвуиздат», 2011. – Вып. VII. – С. 233-246.

118. Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии (Труды САИПИ. Вып. IX) / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 157–202.

119. Миклашевич Е.А. К методике документирования наскальных рисунков, выполненных в технике гравировки (на примере композиции памятника Улан-Байтог) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2. – С. 166-175.

120. Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012-2014 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово: ООО «Азия-Принт», 2015. – С. 29-52.

121. Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Новые материалы по древнейшим наскальным изображениям Курман-Тау (Юго-Восточный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – Вып. XXVI. – С. 101-107.

122. Миллер Г.Ф. История Сибири. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1937. – Т. 1. – 664 с.

123. Минорский А.И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 184-188.

124. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. – Москва: Наука, 1980. – С. 180-191.

125. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Москва: Наука, 1981. – С. 29-43.

126. Мухарева А.Н. Основные образы и сюжеты в изобразительном искусстве народов Центральной Азии в раннее средневековье // Материалы XLII международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. – Новосибирск: НГУ, 2004. – С. 44-46.

127. Мухарева А.Н. Сюжетные композиции эпохи раннего Средневековья в изобразительном искусстве Саяно-Алтая: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. – Кемерово, 2007. – 289 с.

128. Мухарева А.Н. Изобразительные традиции первой половины I тыс. н.э. в наскальном искусстве Саяно-Алтая // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб., М., Великий Новгород, 2011. – Т. II. – С. 73.

129. Мухарева А.Н., Советова О.С. О Некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии (Труды САИПИ. Вып. IX). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 67-75.

130. Мухарева А.Н. О некоторых возможностях хронологической атрибуции наскальных изображений Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2014. – С. 330-333.

131. Мухарева А.Н., Миклашевич Е.А., Серегин Н.Н. Изображения на стеле из погребально-поминального комплекса Нижняя Соору (Горный Алтай) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2021. – №2 (72). – С. – 188-210.
132. Молодин В.И. Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 91-93.
133. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.
134. Обручев В.А. К орографии и геологии Калбинского хребта: (с картой). – Томск: тип. Дома Трудолюбия, 1912. – 20 с.
135. Окладников А.П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник / Отв. ред. А.Н. Кононов. – М. Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. 1. – С. 143-154.
136. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 255 с.
137. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 140 с.
138. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 136 с.
139. Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд-Сомон (гора Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
140. Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Известия СО РАН СССР. Серия общественных наук. – 1981. – №11. – Вып. 3. – С. 61-64.
141. Окладникова Е.А. Петроглифы г. Жалгыс-Тепе // Полевые исследования Института этнографии. 1982 г. – М.: Наука, 1986. – С.183-190.
142. Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) //

Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – Вып. XLII. – С. 140-158.

143. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации [Электронный ресурс] URL: https://archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2023_25012024.pdf (дата обращения: 02.05.2024).

144. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. – М.: Типография А.И. Мамонтов и Ко, 1869. – 554 с.

145. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. 2-е издание. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

146. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

147. Рогожинский А.Е. Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ / Отв. Ред. Е.Ж. Жанпеис. – Алматы, 2011. С. 28-46.

148. Рогожинский А.Е. Флаги на скалах (изображения знамён в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е.Г. Дэвлет. / Отв. ред. М.А. Дэвлет. – Кемерово, 2019. – С. 275-290.

149. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Ленинград: Издание Государственного Русского музея, 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37-52.

150. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – 402 с.

151. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – 360 с.

152. Савинов Д.Г. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (Некоторые общие вопросы изучения) // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия истории, языка и литературы. – Ленинград: ЛГУ, 1964. – С. 139-145.

153. Савинов Д.Г. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии // Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7-10 июня 1967 г.). – Ленинград: Наука, 1967. – С. 69-70.

154. Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // Археологические открытия 1971 года. – Москва: Наука, 1972. – С. 286-287.

155. Савинов Д.Г. Работы на Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. – Москва: Наука, 1973. – С. 235-236.

156. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102-122.

157. Савинов Д.Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: КемГУ, 1994. – С. 6-10.

158. Самашев З.С. Берель. – Алматы: Издательский дом «Таймас», 2011. – 236 с.

159. Самашев З.С., А.К. Айткали, Толегенов Е. К вопросу о сакрализации образа кагана // Поволжская археология. – 2022. – №2 (40). – С. 21-34.

160. Сансоне В. Камни, которые надо спасти. – М.: Мысль, 1986. – 236 с.

161. Серегин Н.Н., Васютин А.С. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 296 с.

162. Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири / Под ред. Л.Ю. Китовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – Вып. 23. – С. 92-105.

163. Советова О.С., Аболонкова И.В. Изобразительные традиции наскального искусства в контексте археологического материала Тепсейского микрорайона // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. - №3 (55). – С. 68-75.

164. Советова О.С., Аболонкова И.В., Шишкина О.О. Некоторые результаты мониторинга состояния затопленных петроглифов горы Тепсей в 2021 году // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии. – Кемерово: Издательство «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», 2021. – С. 260-270.

165. Соенов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. - №6. – С. 138-141.

166. Соенов В.И., Константинов Н.А. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – 309 с.

167. Солодейников А.К. Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы международной конференции. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. – С. 200-210.

168. Сорокин С.С. Чумакаев В.Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1971. – Вып. X. – С. 140-146.

169. Спасский Г.И. Азиатский вестник. Январь – июнь. – СПб: Типография Медицинского департамента МВД, 1825. – 484 с.

170. Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. – 514 с.

171. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая / Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. - №9. – С. 82-91.

172. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина v – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. – 2011. – №6. – С. 14-32.

173. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860-1930-е годы). – Барнаул: Азбука, 2010. – 288с.

174. Тоцакова Е.М. Изучение петроглифов Горного Алтая // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. – Новосибирск: СО АН СССР, 1970. – Вып. 3. – №11. – С. 119-120.

175. Урбушев А.У. Проблемы сохранения и использования памятников археологии на примере комплекса Калбак-Таш // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов № 12. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. – С. 98-99.

176. Урбушев А.У. Петроглифы на склоне южных окраин Пазырыка // Вестник молодых ученых: сборник научных трудов №14. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. – С. 158-161.

177. Урбушев А.У. Антропоморфные изображения на памятнике наскального искусства Дялбак // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 25-27 апреля 2018 г.) / отв. ред. М.Л. Бережнова, И.В. Толпеко. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. – С. 183-185.

178. Урбушев А.У. Петроглифы Дялбака и Сары-Кобы // Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2018:

Археология / Новосиб. Гос. Ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018б. – С. 87-88.

179. Урбушев А.У., Трифанова С.В. Разведки на памятнике наскального искусства Айаткан (Западный Алтай) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2018 г.: Вып. 13: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22-23 мая 2019 г. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – С. 149-155.

180. Урбушев А.У. О датировании наскальных изображений Сары-Кобы (Центральный Алтай) // Материалы LXI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск, 2021. – С. 146-147.

181. Урбушев А.У., Константинов Н.А. Изображения средневековых жилищ на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: материалы XI Международной научной конференции. – Абакан, 2021. – С. 243-248.

182. Урбушев А.У., Константинов Н.А. Каменная плитка со сценами охоты из Урочища Ак-Кая (Центральный Алтай) // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии (к 300-летию научного открытия Томской писаницы): материалы Международной научной конференции. – Кемерово, 2021. – С. 303-309.

183. Урбушев А.У., Константинов Н.А., Макарова А.С., Лобзова Р.В. Опыт удаления лишайников на памятнике наскального искусства Дялбак (Восточный Алтай) // Археология Евразийский степей. – 2021. – №6. – С. 325-337.

184. Урбушев А.У. Наскальные изображения Сетерлю-1 (Центральный Алтай) // Археология Евразийский степей. – 2022. – №6. – С. 218-226.

185. Урбушев А.У. Новые местонахождения наскальных изображений в долине реки Каракол (Центральный Алтай): к вопросу о

редокументирования памятников наскального искусства // Поволжская археология. – 2025. – №2 (52). *в печати*.

186. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпох камня и бронзы на территории СССР. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

187. Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2 (18). – С. 57-78.

188. Хороших П.П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1947. – Вып. XIV. – С. 26-34.

189. Хороших П.П. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи) // КСИИМК. – М.Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – Вып. XXXVI. – С. 191-195.

190. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане // Российская археология. – 1997. – №3. – С. 142-148.

191. Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – Москва: Наука, 1990. – С. 162-165.

192. Черемисин Д.В. Исследование наскальных изображений реки Чаганка (Алтай) в 2001 г. // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово, 2001. – Вып. 4. – С. 12-16.

193. Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004. – № 1 (17). – С. 40-51.

194. Черемисин Д.В., Плетс Г. Исследование петроглифических памятников в долине р. Елангаш и Чаган на юго-востоке Российского Алтая //

Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 289-293.

195. Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений юго-восточного и центрального Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369-373.

196. Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Том XIX. – С. 362–368.

197. Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов памятника Соок-Тыт (Юго-Восточный Алтай) в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – Том XXI. – С. 451–455.

198. Черемисин Д.В. Исследование петроглифов в долине реки Чаган (Южный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 258-261.

199. Черемисин Д.В. Птицы на скалах (еще раз об изображениях птиц в петроглифах Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 795-799.

200. Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. – 360 с.

201. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. – 328 с.

202. Шикина А.Н. Об интерпретации понятия «художественный стиль» // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – №2. – С. 235-238.
203. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 336 с.
204. Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. – Тюркологический сборник. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 54-63.
205. Ядринцев Н.М. Древние памятники и письма в Сибири. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1885. – 21 с.
206. Ямаева Е.Е. Петроглифы долины Каракол. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. – 75 с.
207. Anati E. The State of Research in Rock Art. A world report presented to UNESCO // *Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici*. – Vol. 21. – P. 13-56.
208. Cheremisin D. The study of the Djalghyz-tobe petroglyphs // *International Newsletter On Rock Art*. – 2002. - № 32. – P. 20-25.
209. Gheyle W. Highlands and Steppes. An analysis of the Changing Archeological Landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period: PhD dissertation; Gent university. – Gent, 2009. – 380 p.
210. Gmelin, J.G. *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. – Göttingen, 1751. – Bd. I. – 652 s.
211. Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. *Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Bagaa Oigor // Répertoire des Péroglyphes d'Asie Centrale*. – P.: De Boccard, 2001. – Vol. 6. – N 6. – 481 p.
212. Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early middle ages in Altai // *Rock Art Research*. – 2016. – Vol. 33. – №1. – P. 8-18.

213. Martynov A.I., Miklashevich E.A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // *International Newsletter On Rock Art*. – 1995. – №10. – P. 15-17.
214. Messerschmidt, D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. Tagebuchaufzeichnungen. – Berlin, 1962. – Teile I. – 379 s.
215. Sher J., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Sibérie du sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie) // *Repertoire des Petroglyphes D`Asie Centrale*. – Paris, 1994. – Fasc. № 1. – 156 p.
216. Tratebas A. Biodeterioration of prehistoric rock art and issues in site preservation // *Biodeterioration of stone surfaces*. – Netherlands, 2004. – P. 195-228.

Список сокращений

АлтГПУ - Алтайский государственный педагогический университет

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик

БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет

ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИРННТУ – Иркутский научно-исследовательский технический университет

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КемГУ – Кемеровский государственный университет

КМЗТП – Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИПИ ПМК – Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры

НМРА – Национальный музей Республики Алтай

НФ МА РТ ИА АН РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

СЭ – Советская этнография

ТГУ – Томский государственный университет

ХГУ – Хакасский государственный университет

AURA - Australian Rock Art Research Association

RSSDA – Remote Sensing and Spatial Data Analysis»

Таблицы

Памятник	Количество изображений	Техника выполнения	Охотничьи сцены	Батальные сцены	Ритуальные сцены
I. Юго-Восточный Алтай					
1. Елангаш	67	Выбивка, гравировка	3	-	-
2. Чаганка	87	Гравировка	7	7	1
3. Жалгыз-Тобе	14	Гравировка	2	1	-
4. Кургак	6	Гравировка	1	-	-
Итого:	176		13	8	1
II. Восточный Алтай					
5. Кудыргэ	18	Гравировка	2	-	1
6. Дялбак	50	Гравировка	2	2	-
Итого:	68		4	2	1
III. Центральный Алтай					
7. Калбак-Таш I	53	Гравировка	3	-	-
8. Калбак-Таш II	13	Гравировка	1	-	-
9. Апшиякта	25	Гравировка	1	-	-
10. Ак-Кая	9	Гравировка	2	-	-
11. Бичикту-Бом	18	Гравировка	2	-	-
12. Дьяан-Кобы	71	Гравировка	4	1	-
13. Торгун	27	Гравировка	3	-	-
14. Сетерлю-1	21	Гравировка	1	2	2

15.	Талда	16	Гравировка	1	-	-
16.	Тукта	14	Гравировка	1	-	-
Итого:		267		47	3	2
IV. Западный Алтай						
17.	Усть-Кан	18	Гравировка	1	-	-
Итого всего:		527		37	13	4

Табл. 1. Сводная таблица памятников наскального искусства Горного Алтая эпохи раннего средневековья.

Диаграммы

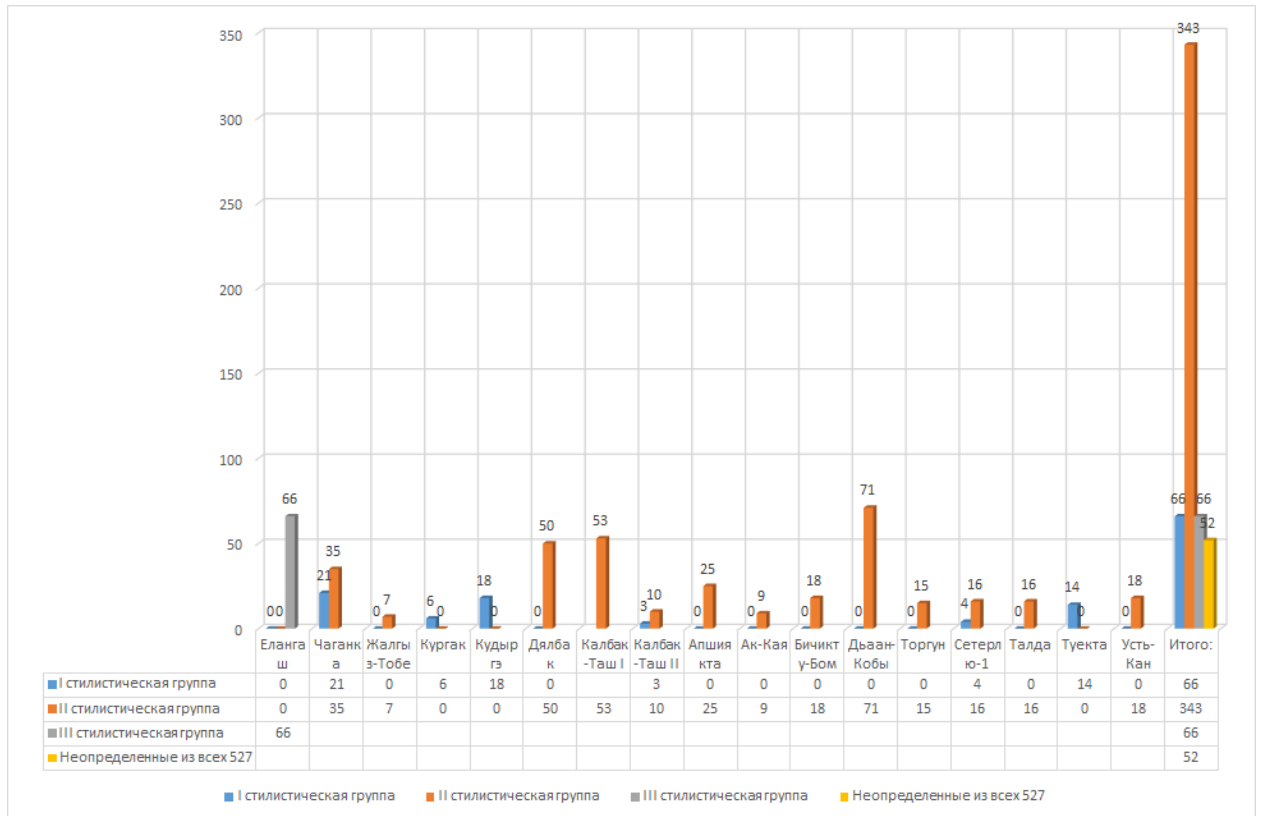

Диаграмма 1. Стилистические группы наскальных изображений Горного Алтая эпохи раннего средневековья.

Иллюстрации

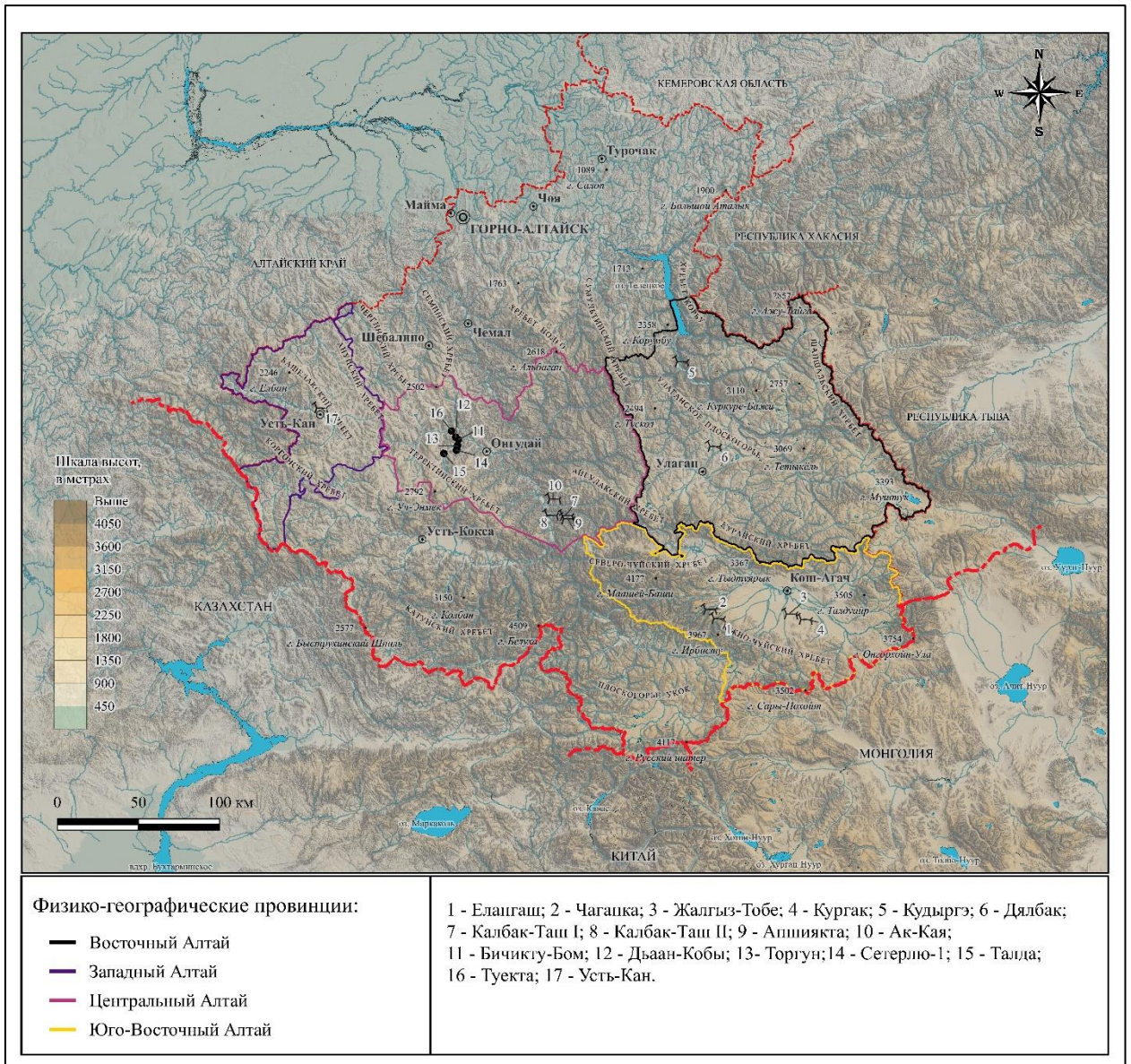

Рис. 1. Географические провинции на карте Республики Алтай с указанием памятников.

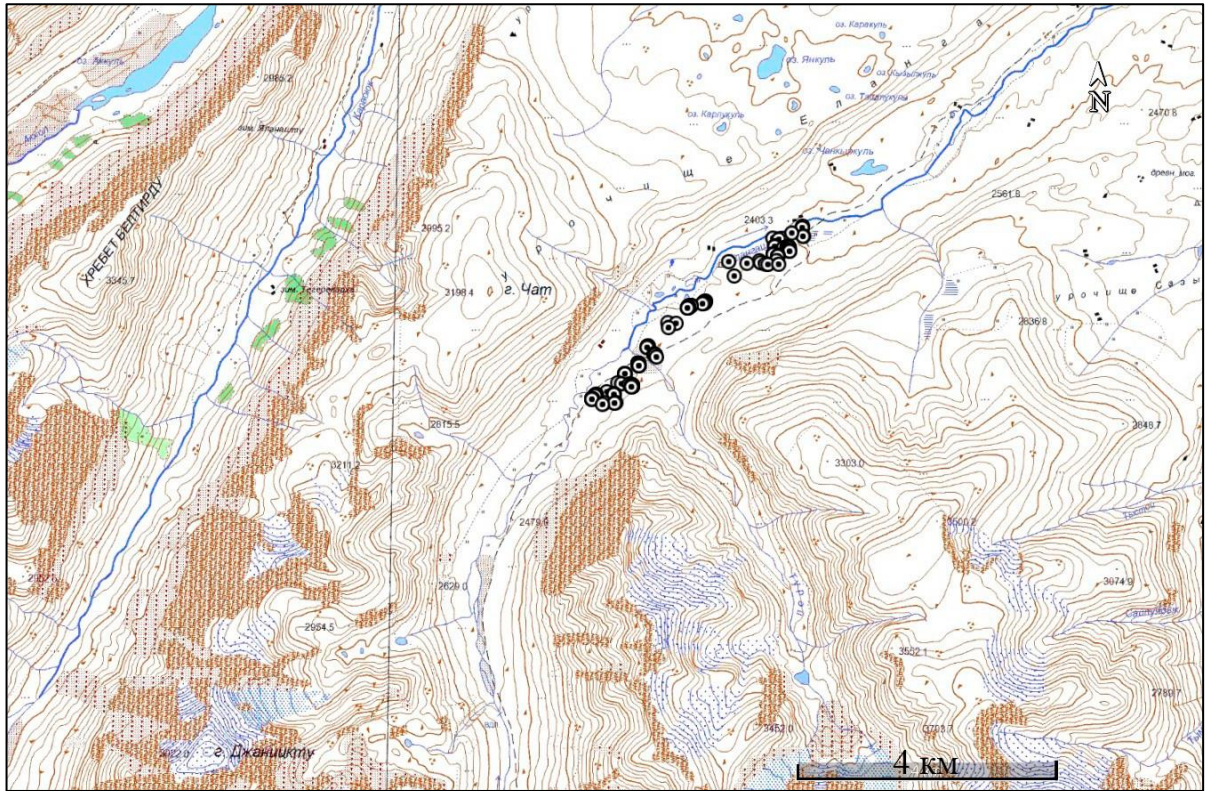

Рис. 2. Топографическая карта памятника Елангаш с указанием пунктов с петроглифами.

Рис. 3. Юго-западный пункт памятника Елангаш.

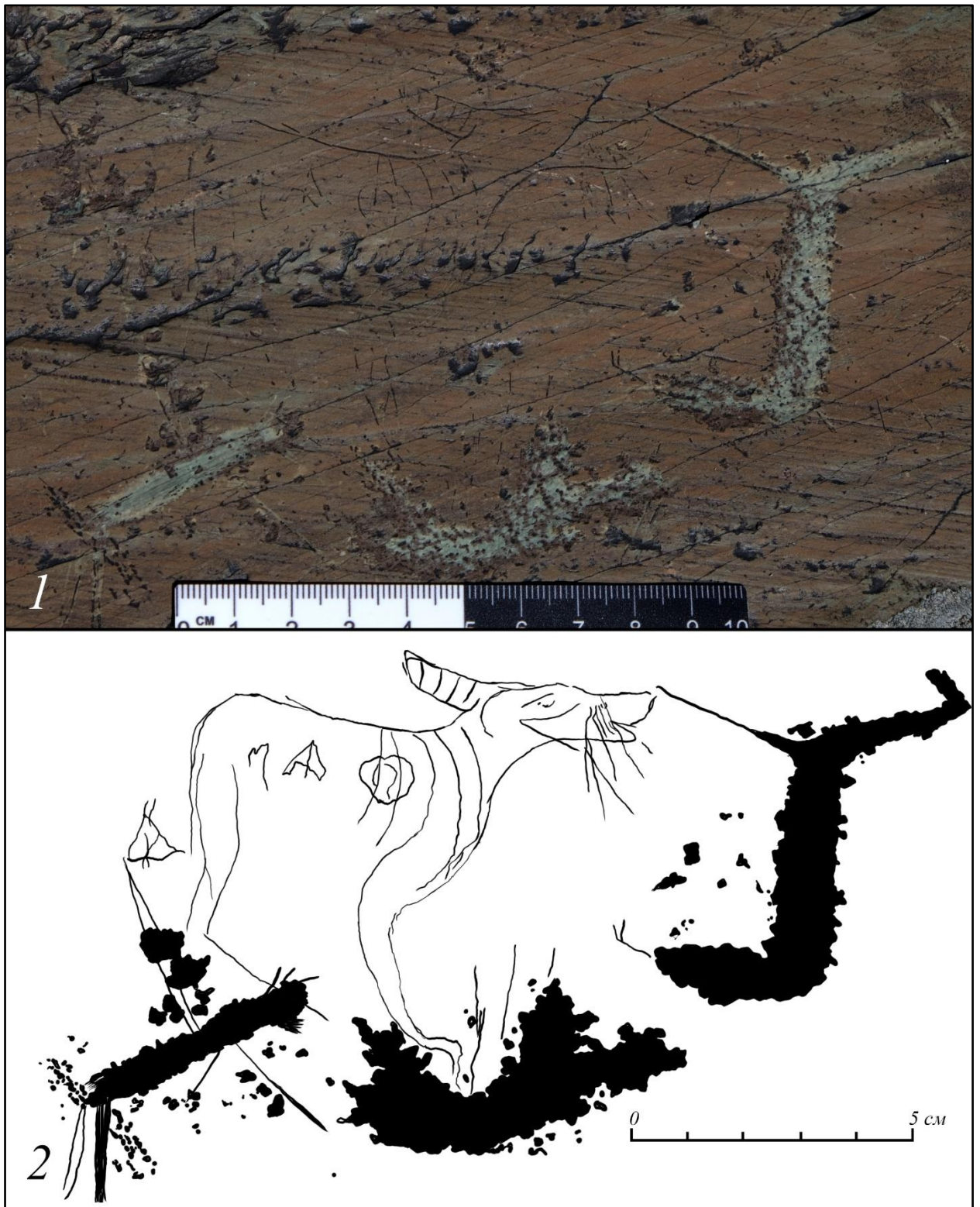

Рис. 4. Фото (1) и прорисовка (2) гравированного изображения древнетюркской эпохи на памятнике Елангаш.

Рис. 5. Северо-восточный пункт (Тамга-Таш) на памятнике Елангаш.

Рис. 6. Сцена охоты на памятнике Елангаш.

Рис. 7. Многофигурная композиция со сценой охоты на памятнике Елангаш.

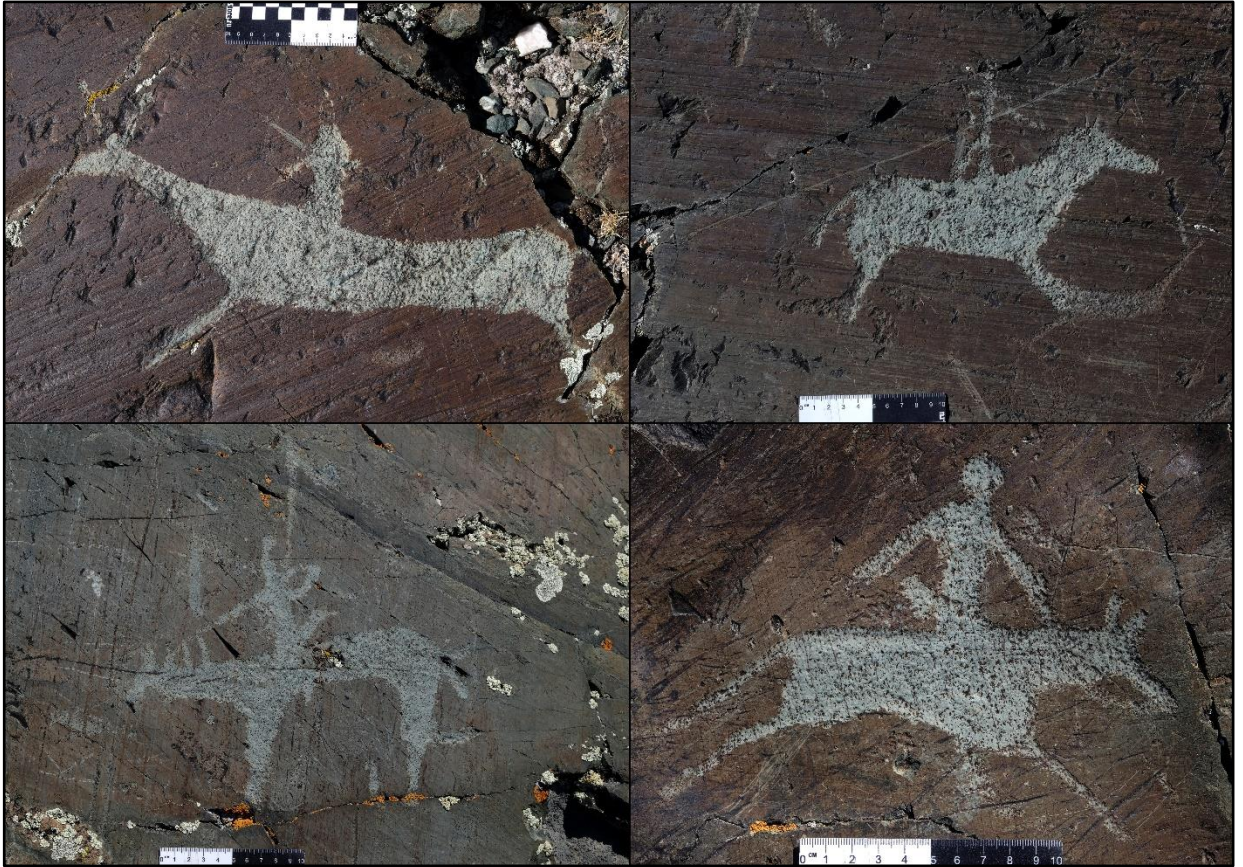

Рис. 8. Изображения одиночных всадников на памятнике Елангаш.

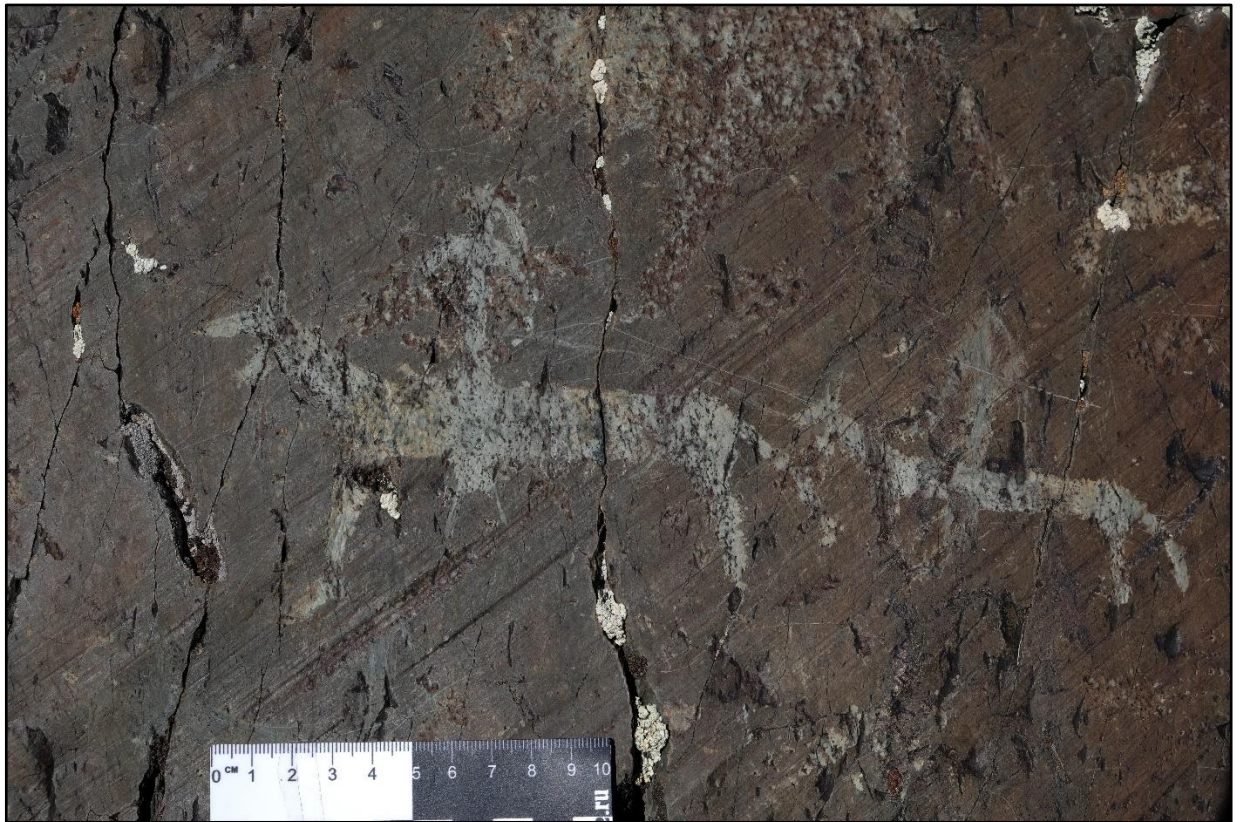

Рис. 9. Изображение двух всадников на памятнике Елангаш.

Рис. 10. Многофигурная композиция на памятнике Елангаш.

Рис. 11. Многофигурная композиция со сценой охоты на памятнике Елангаш.

Рис. 12. Цепочка курганов раннего железного века у озера Чанкыр-Коль.

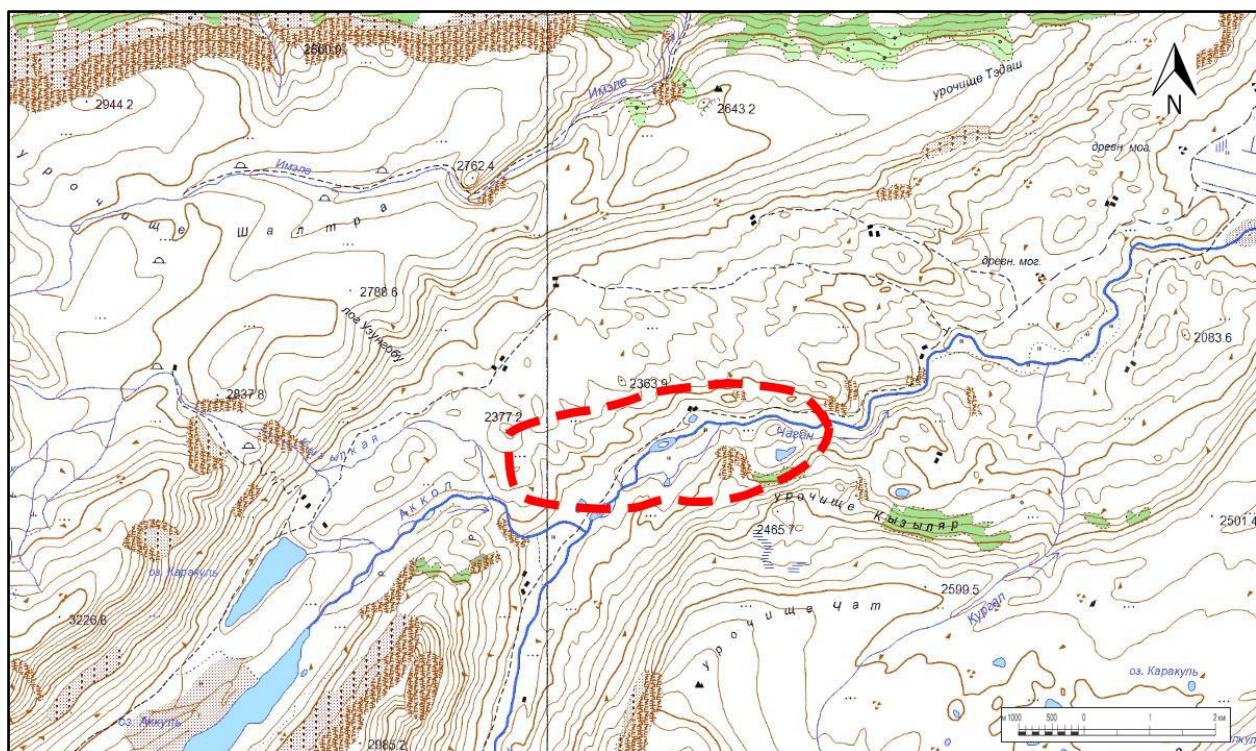

Рис. 13. Топографическая карта долины р. Чаганки. Пунктиром обозначена приблизительная область распространения петроглифов эпохи раннего средневековья.

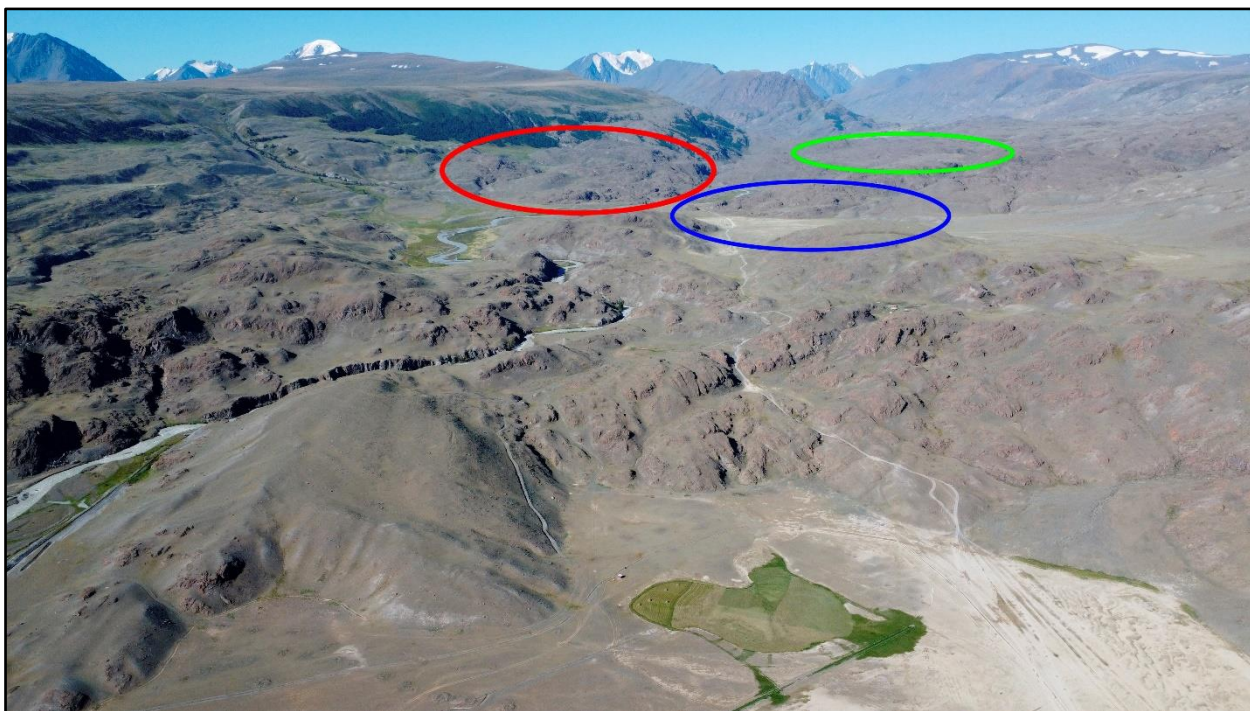

Рис. 14. Среднее и верхнее течение долины р. Чаганки. Фото с дрона. Красным обведено урочище Соок-Тыт, синим Шин-оозы, зеленым Абиджай.

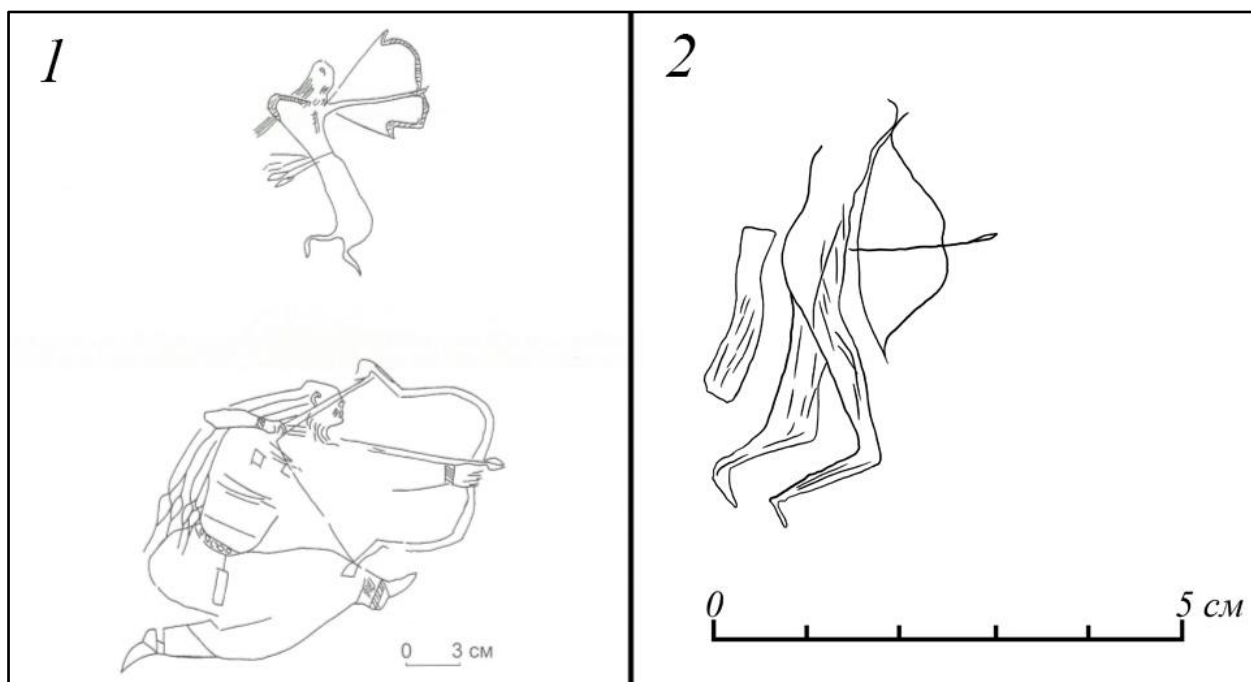

Рис. 15. Лучники из урочища Абиджай. Долина р. Чаганка. 1 – прорисовки Д.В. Черемисина (2004, рис. 19), 2 – прорисовка автора.

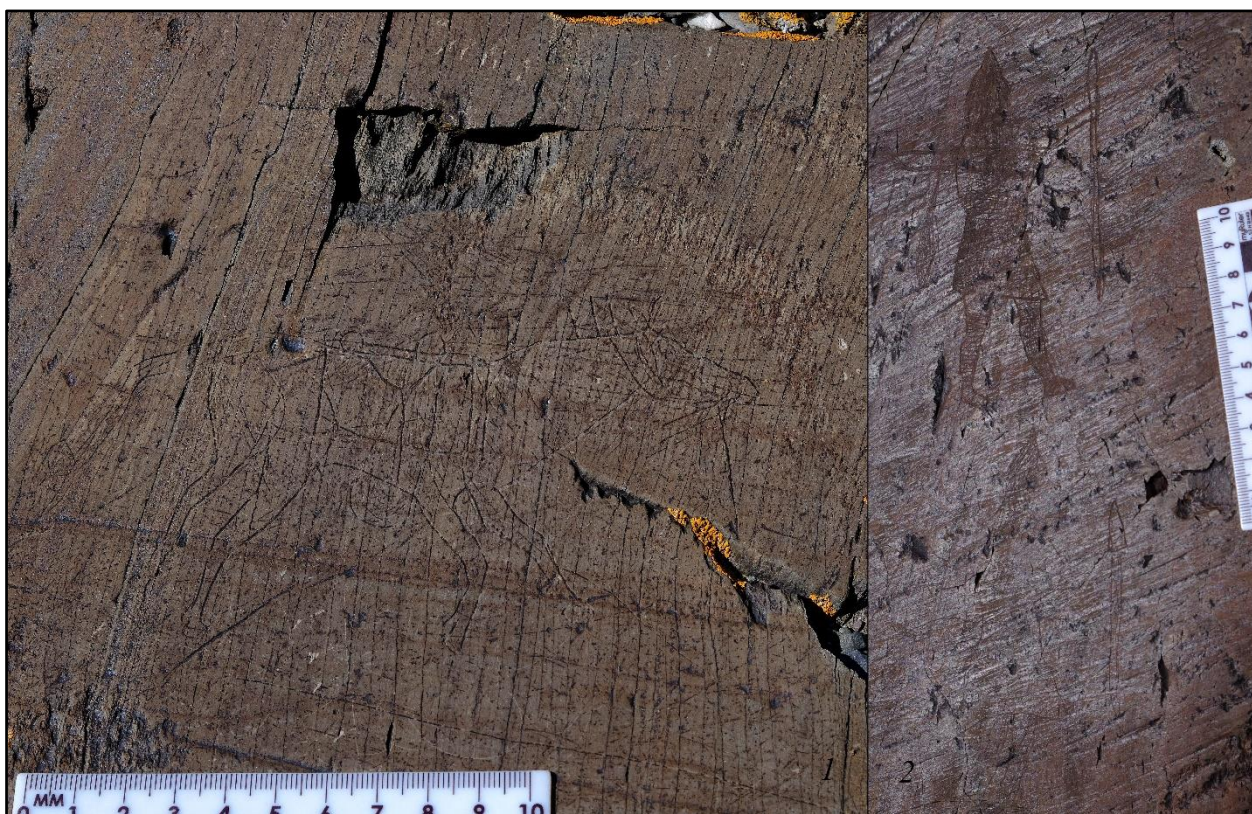

Рис. 16. 1 – изображение лошади из урочища Соок-Тыт, 2 – изображения воинов из урочища Абиджай.

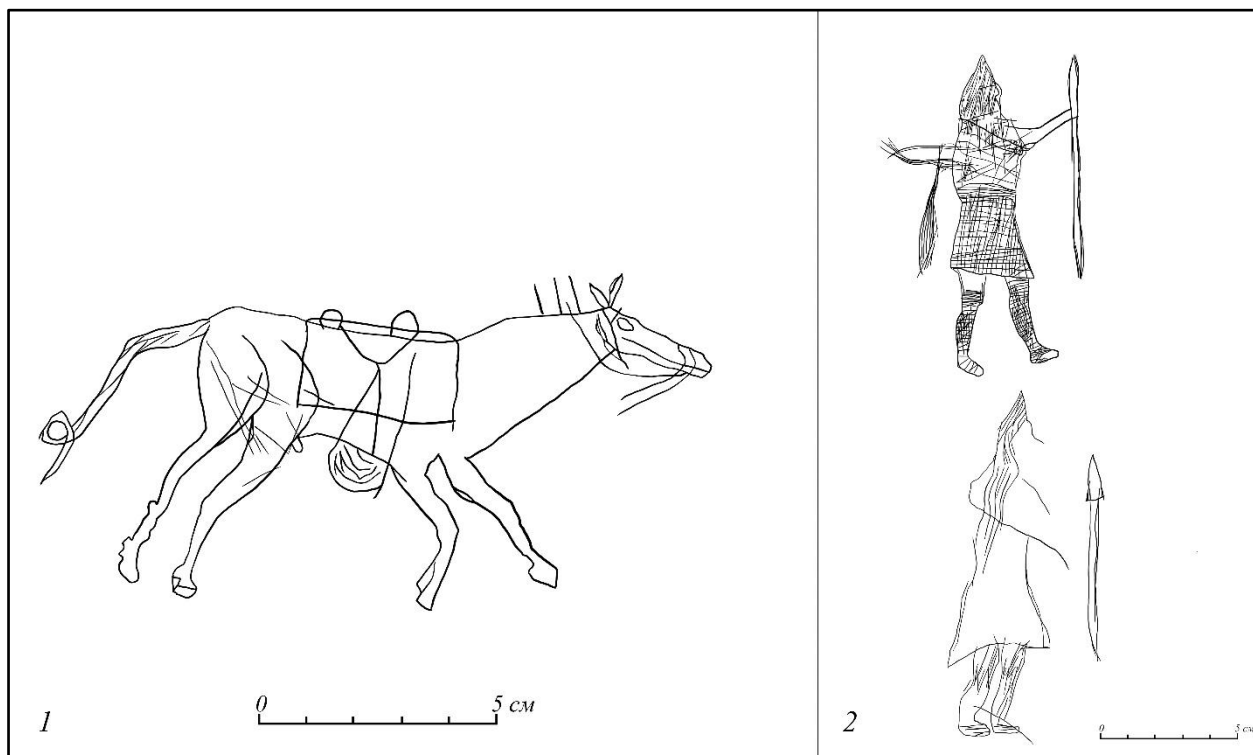

Рис. 17. 1 – прорисовка изображения лошади из урочища Соок-Тыт, 2 – прорисовка изображений воинов из урочища Абиджай.

Рис. 18. Фигуры катафрактариев из урочища Шин-Оозы.

Рис. 19. Сцена охоты из урочища Соок-Тыт. 1 – фото автора, 2 – прорисовка Д.В. Черемисина (2004, рис. 3).

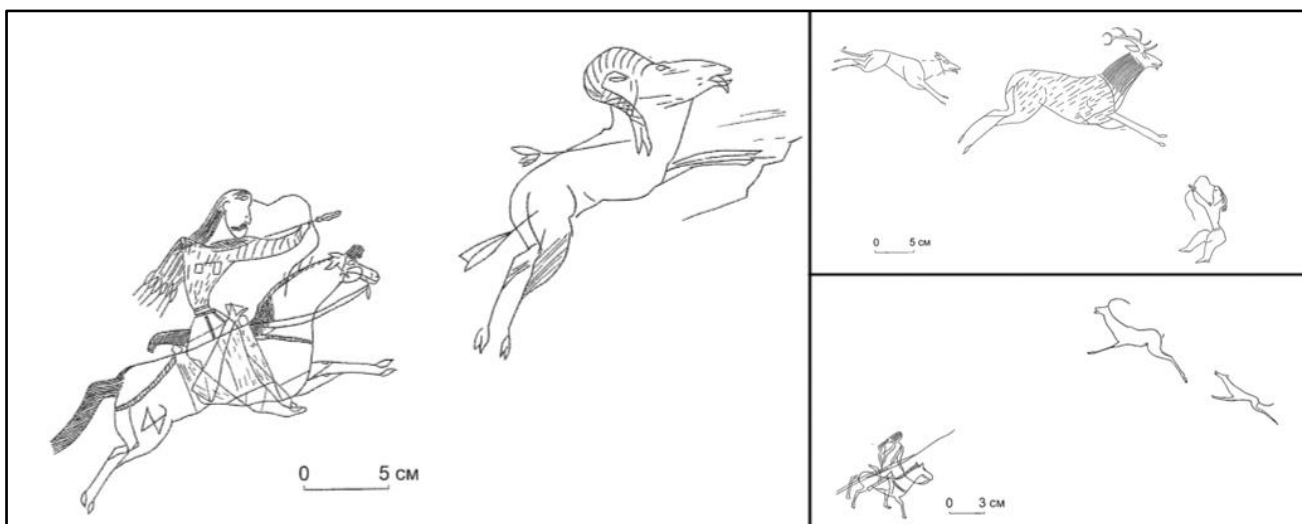

Рис. 20. Сцены охоты из долины р. Чаганки (по: Черемисин Д.В., 2004, рис. 7-9).

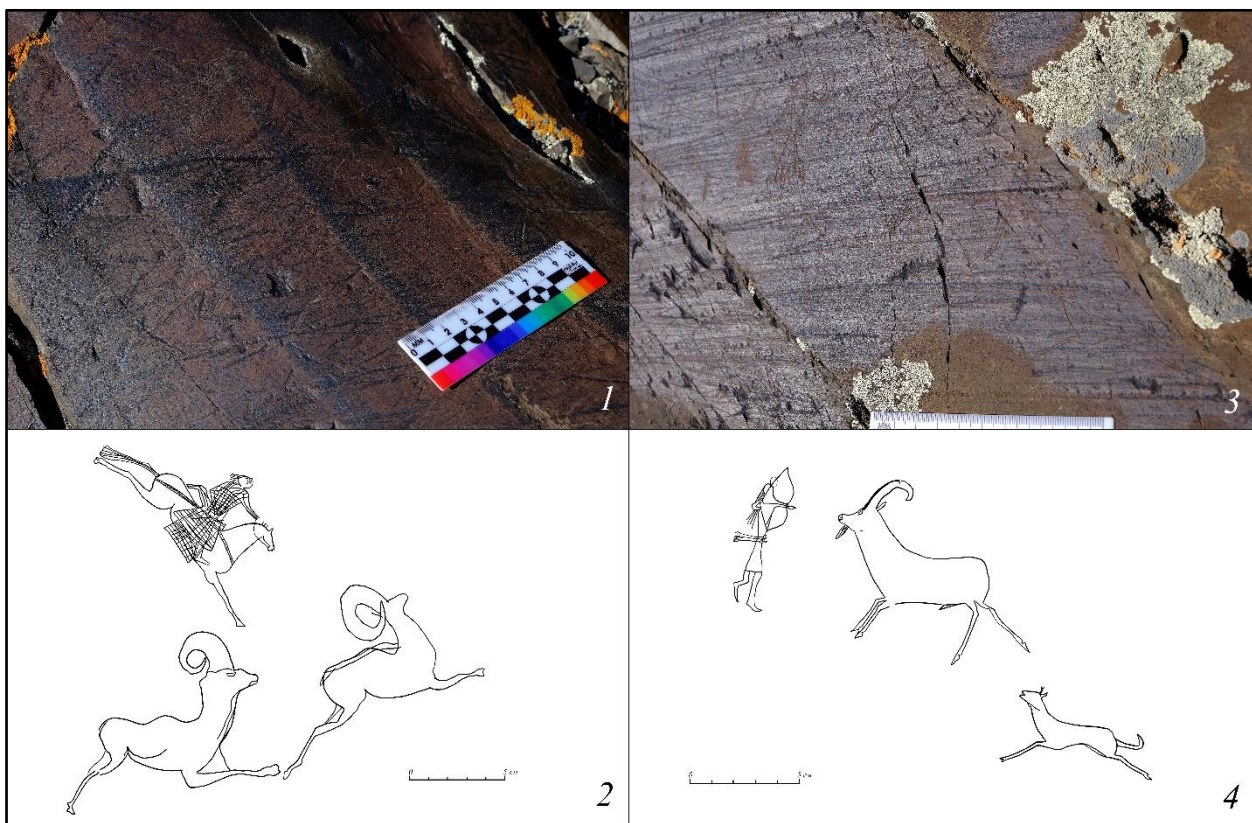

Рис. 21. Фотографии (1, 3) и прорисовки (2, 4) плоскостей со сценами охоты из урочища Соок-Тыт.

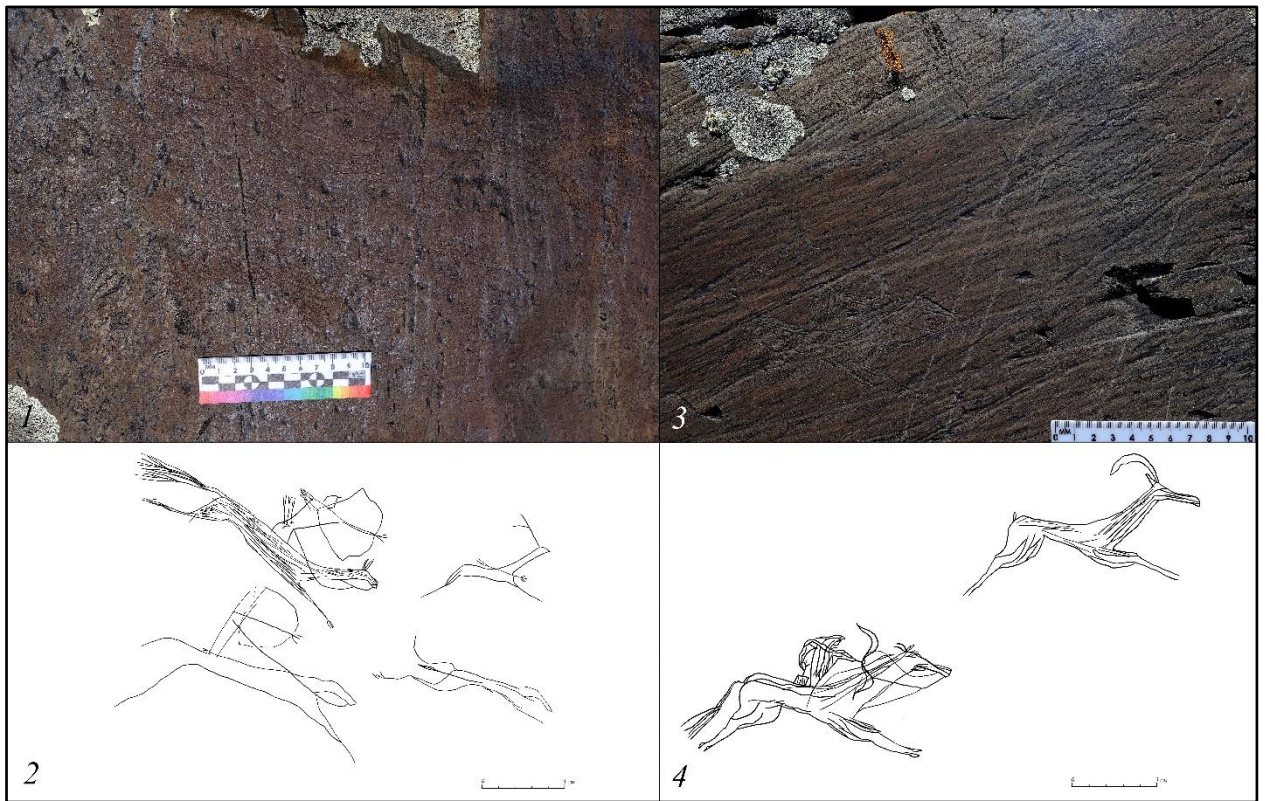

Рис. 22. Фотографии (1, 3) и прорисовки (2, 4) плоскостей со сценами охоты из урочища Соок-Тыт.

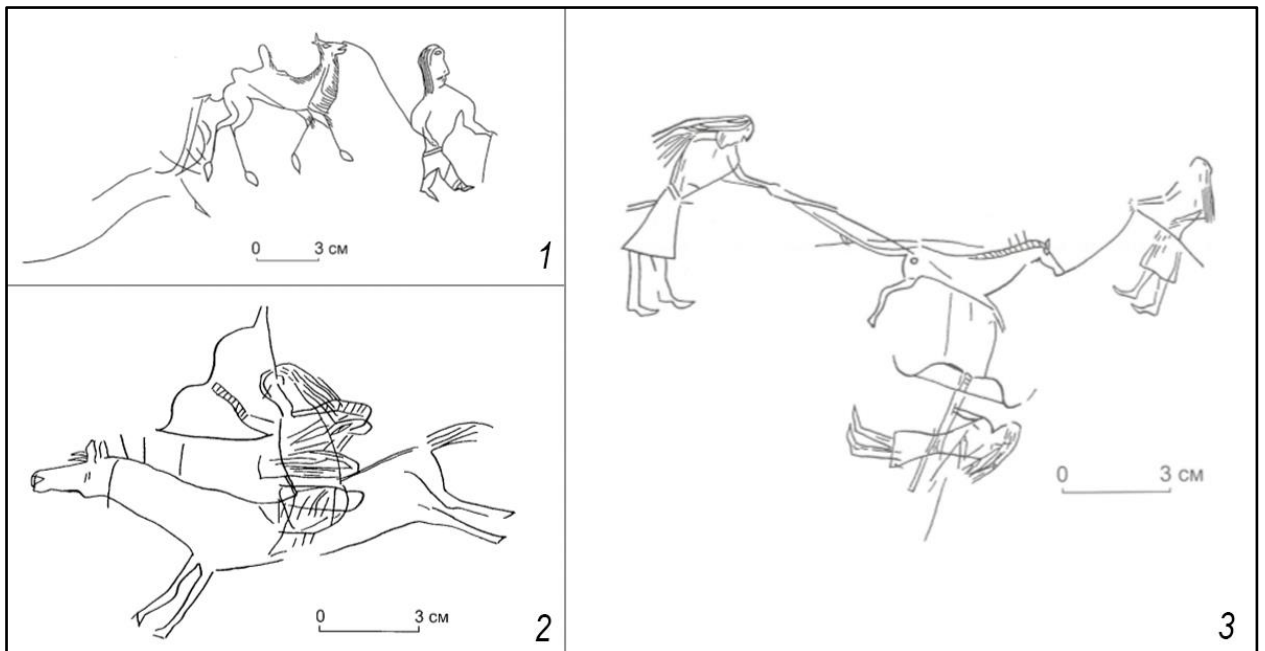

Рис. 23. Жанровая сцена (1), фигура лучника на коне (2) и сцена жертвоприношения(?) (3) из долины р. Чаганки (по: Черемисин Д.В., 2004, рис. 10, 11, 18).

Рис. 24. Сцены боя на трех, располагающихся на одном камне, плоскостях из урочища Соок-Тыт.

Рис. 25. Фото (1) и прорисовка (2) многофигурной сцены баталии на плоскости Соок-Тыга.

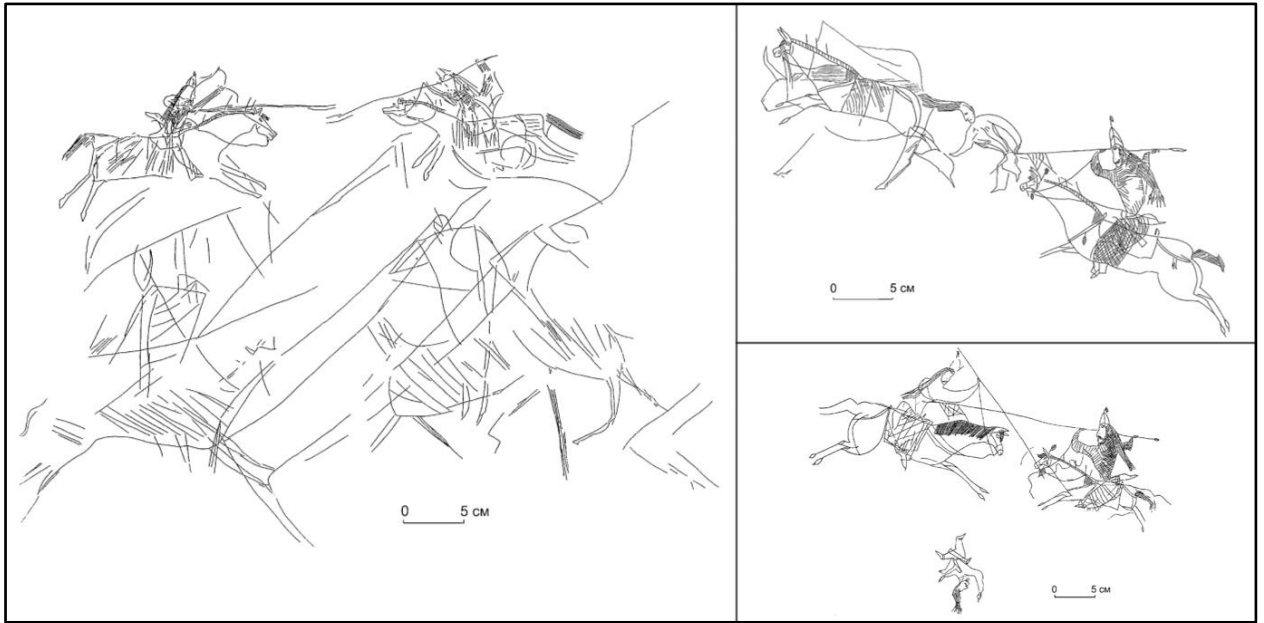

Рис. 26. Батальные сцены долины р. Чаганка (по: Черемисин Д.В., 2004, 12-14).

Рис. 27. Сцена нападения хищных птиц на копытных из урочища Абиджай.

1 – фото автора, 2- прорисовка Д.В. Черемисина (2022, рис. 5).

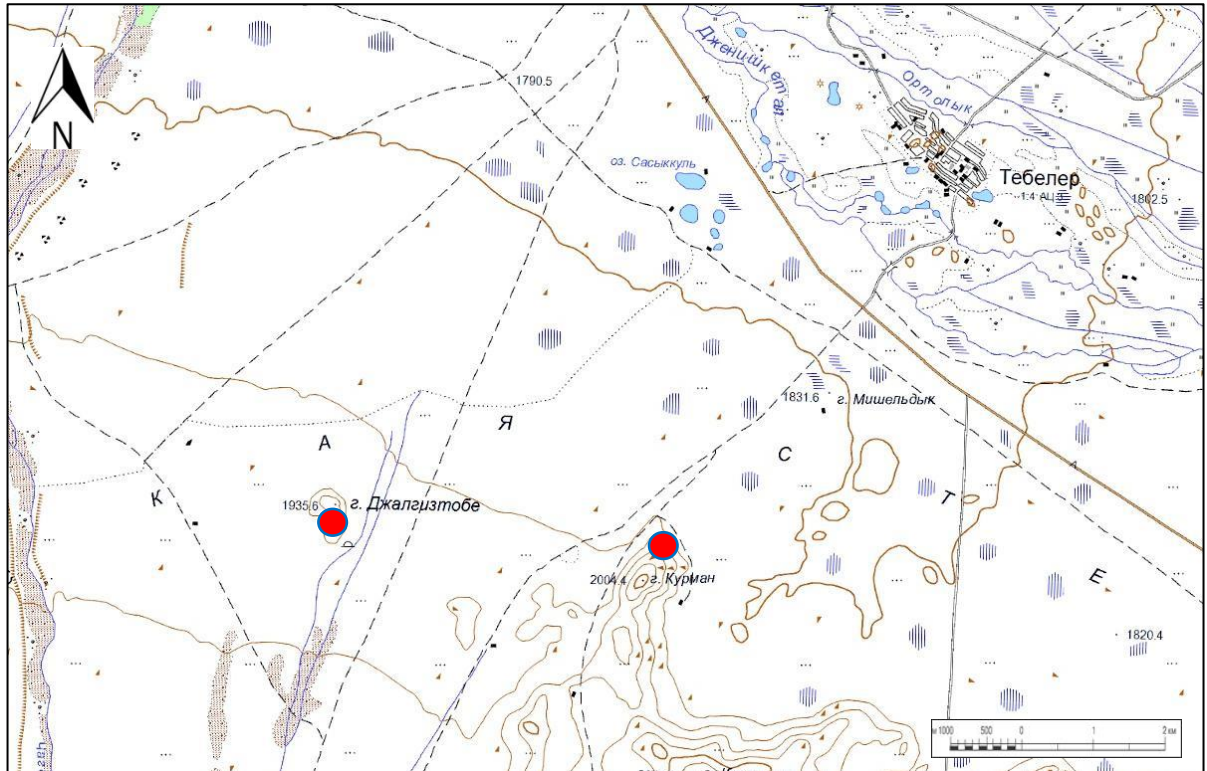

Рис. 28. Топографическая карта местности с памятниками Жалгыз-Тобе (слева) и Курман-Тау (справа).

Рис. 29. Вид на гору Жалгыз-Тобе с востока.

Рис. 30. Плоскость Жалгыз-Тобе с раннесредневековыми петроглифами.

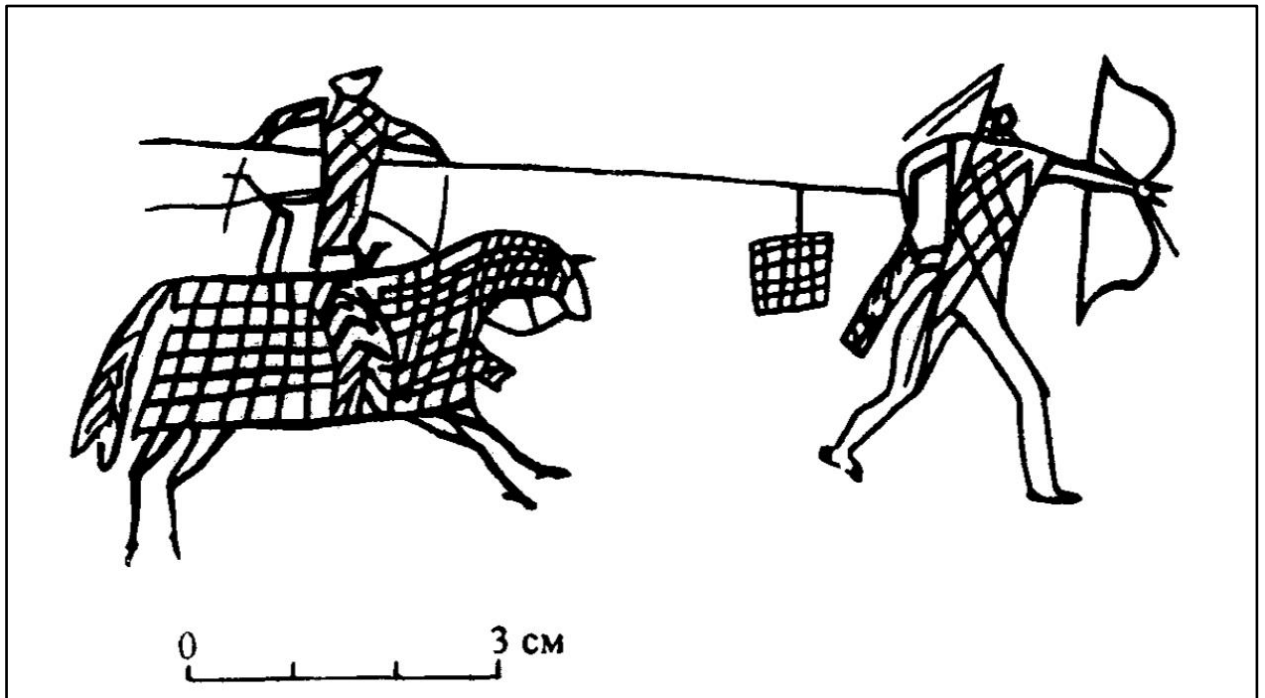

Рис. 31. Батальная сцена из Жалгыз-тобе (по: Кубарев, 1999, рис. 8-1).

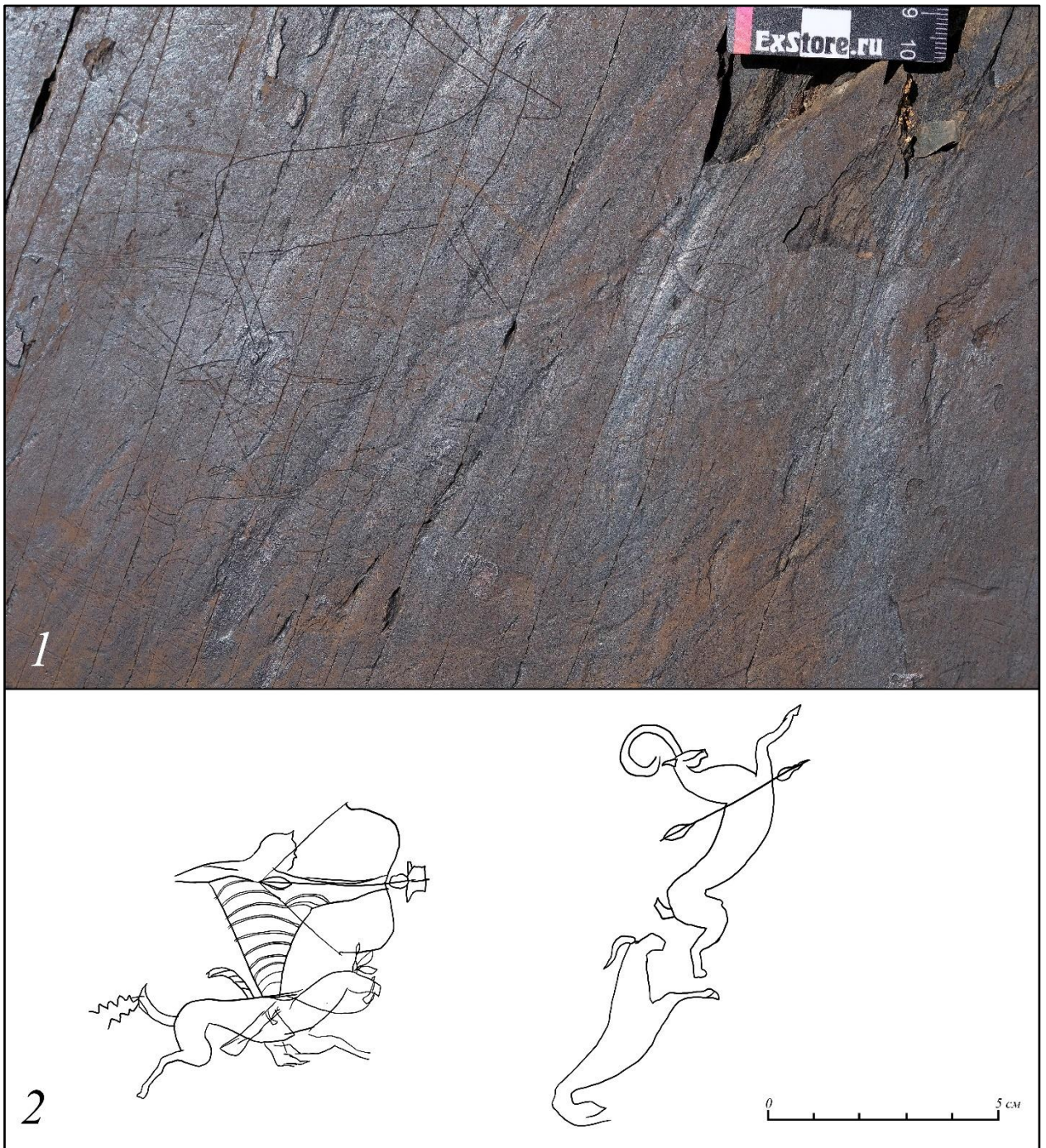

Рис. 32. Фото (1) и прорисовка (2) сцены охоты на плоскости Джалгыз-Тобе.

Рис. 33. Сцена охоты на плоскости Джалгыз-Тобе. 1 – фото автора, 2 – прорисовка Д.В. Черемисина (2002, fig. 6-3).

Рис. 34. Группа курганов на северо-западной части Жалгыз-Тобе эпохи палеометалла.

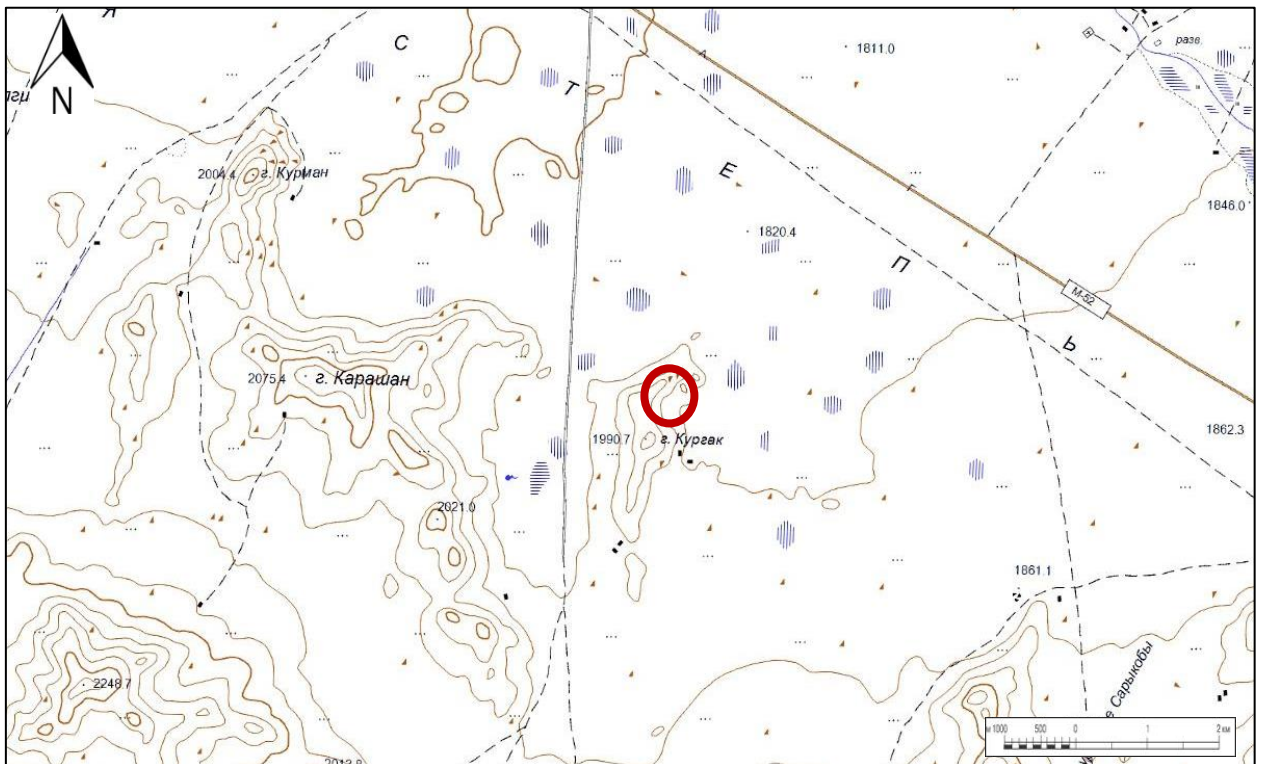

Рис. 35. Топографическая карта местности с памятником Кургак.

Рис. 36. Вид на северную оконечность горной гряды с востока. Фото с дрона. Стрелкой указана скальный выход с петроглифами Кургак.

Рис. 37. Вид с северо-востока на плоскости с раннесредневековыми гравировками Кургака.

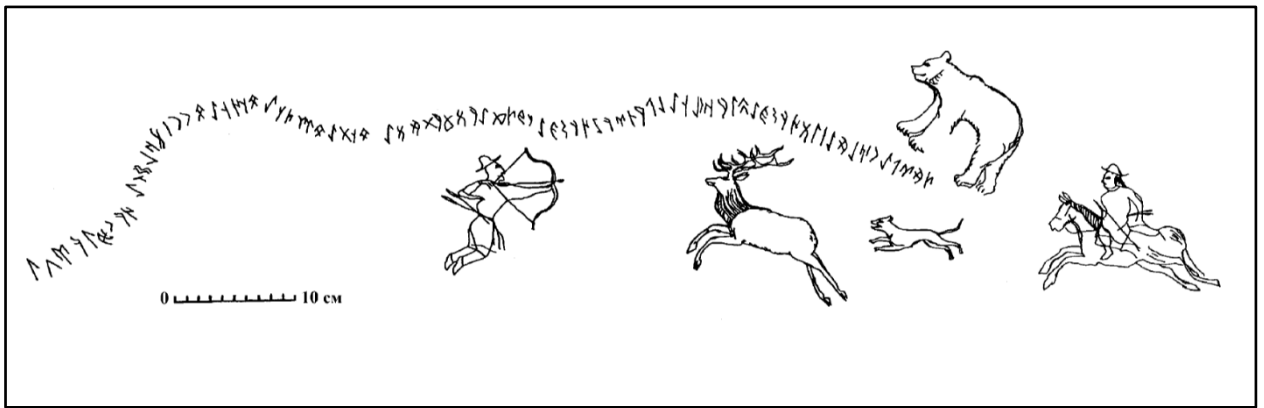

Рис. 38. Прорисовка сцены охоты Кургака В.Д. Кубарева (2001, рис. 3).

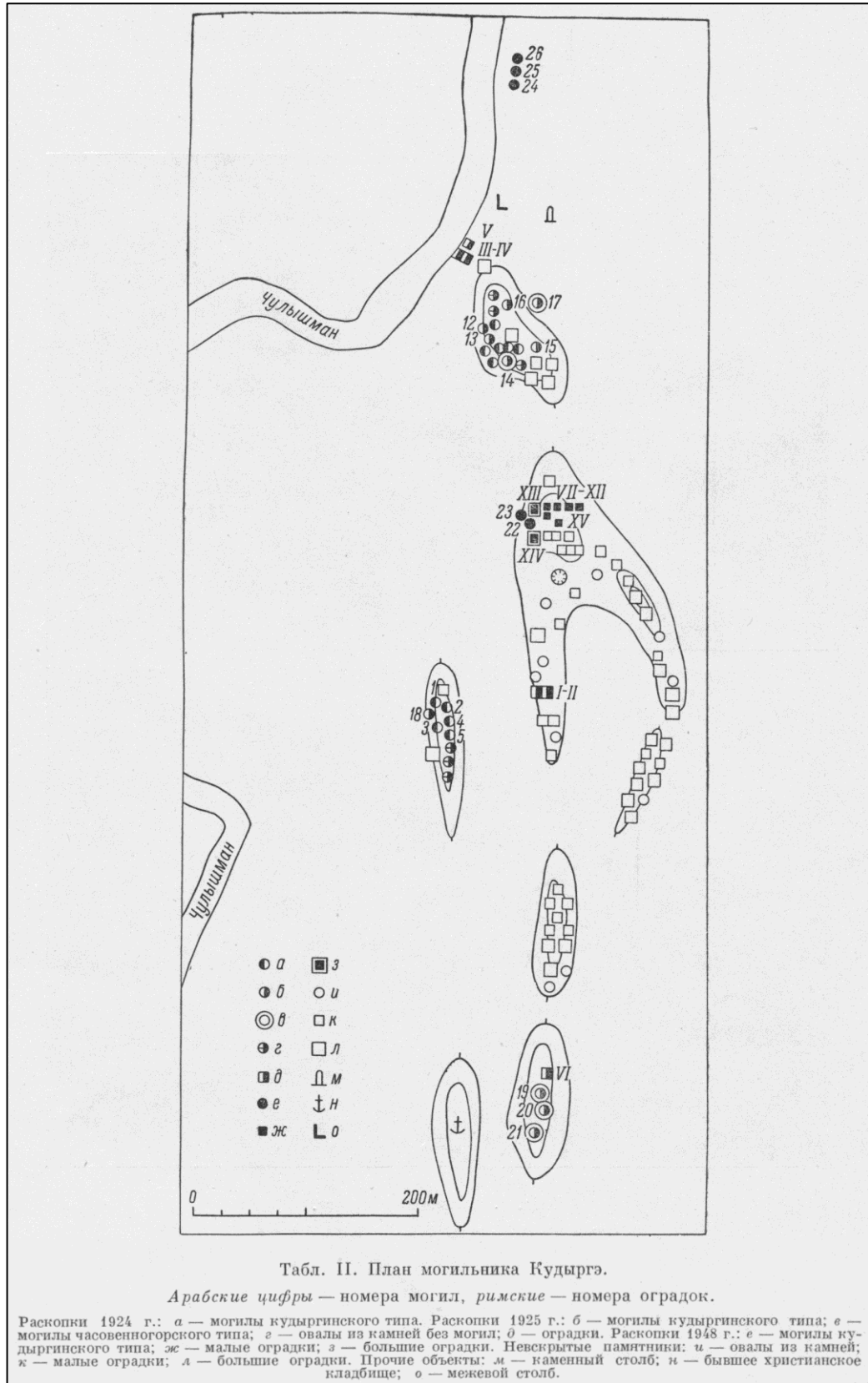

Рис. 39. План могильника Кудыргэ (по: Гаврилова, 1965, с. 114, табл II).

Рис. 40. Валун со сценой коленопреклонения из могильника Кудыргэ (по Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, рис. 18).

Рис. 41. Обкладка передней луки седла с изображениями из могильника
Кудыргэ. Собрание Государственного Эрмитажа: 4150-126.

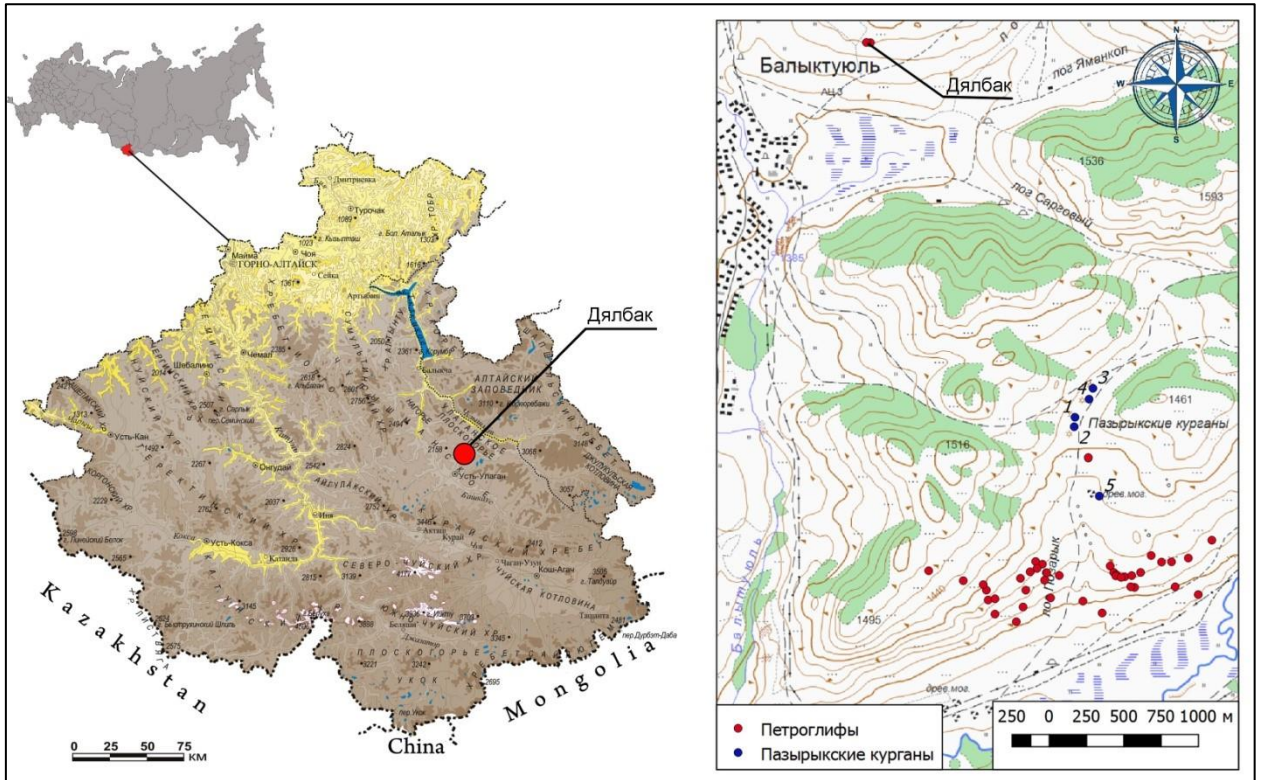

Рис. 42. Расположение петроглифов Дялбака на карте Республике Алтай.

Рис. 43. Общий вид на Дялбак с запада (окружностями выделены локализации петроглифов) [по: Константинов, 2018].

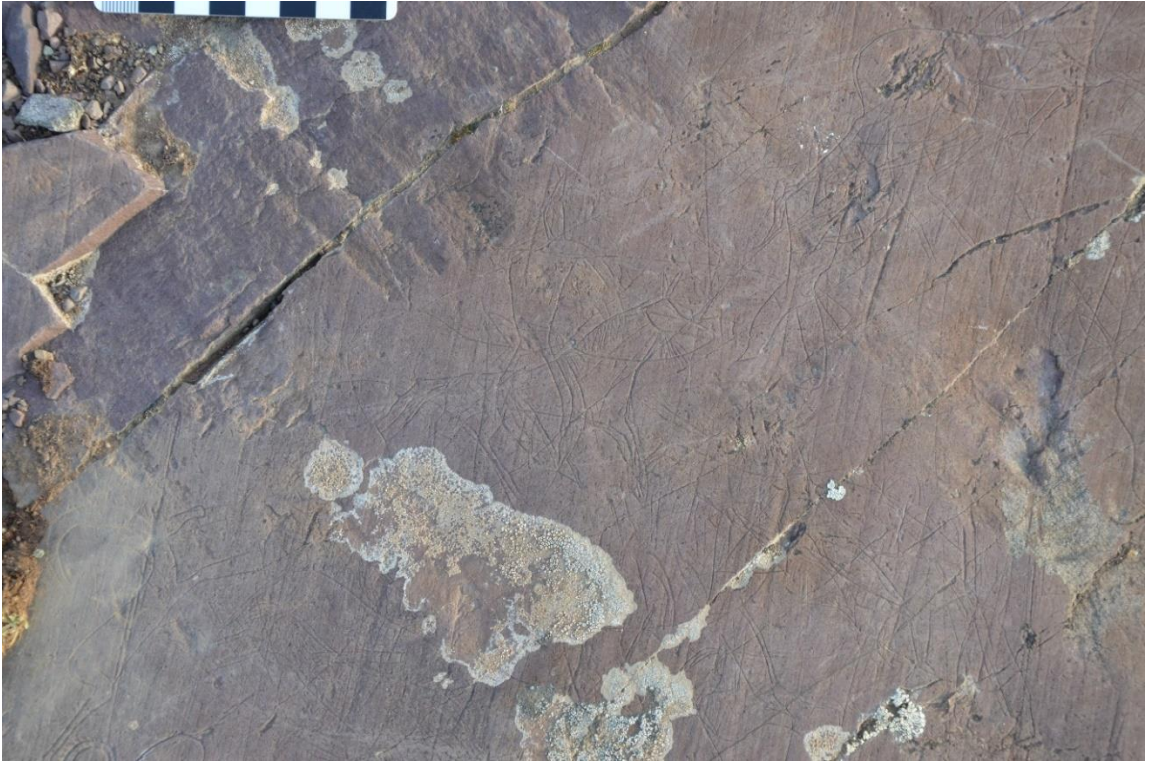

Рис. 44. Камень 1, плоскость 2 памятника Дялбак (по: Константинов и др., 2020).

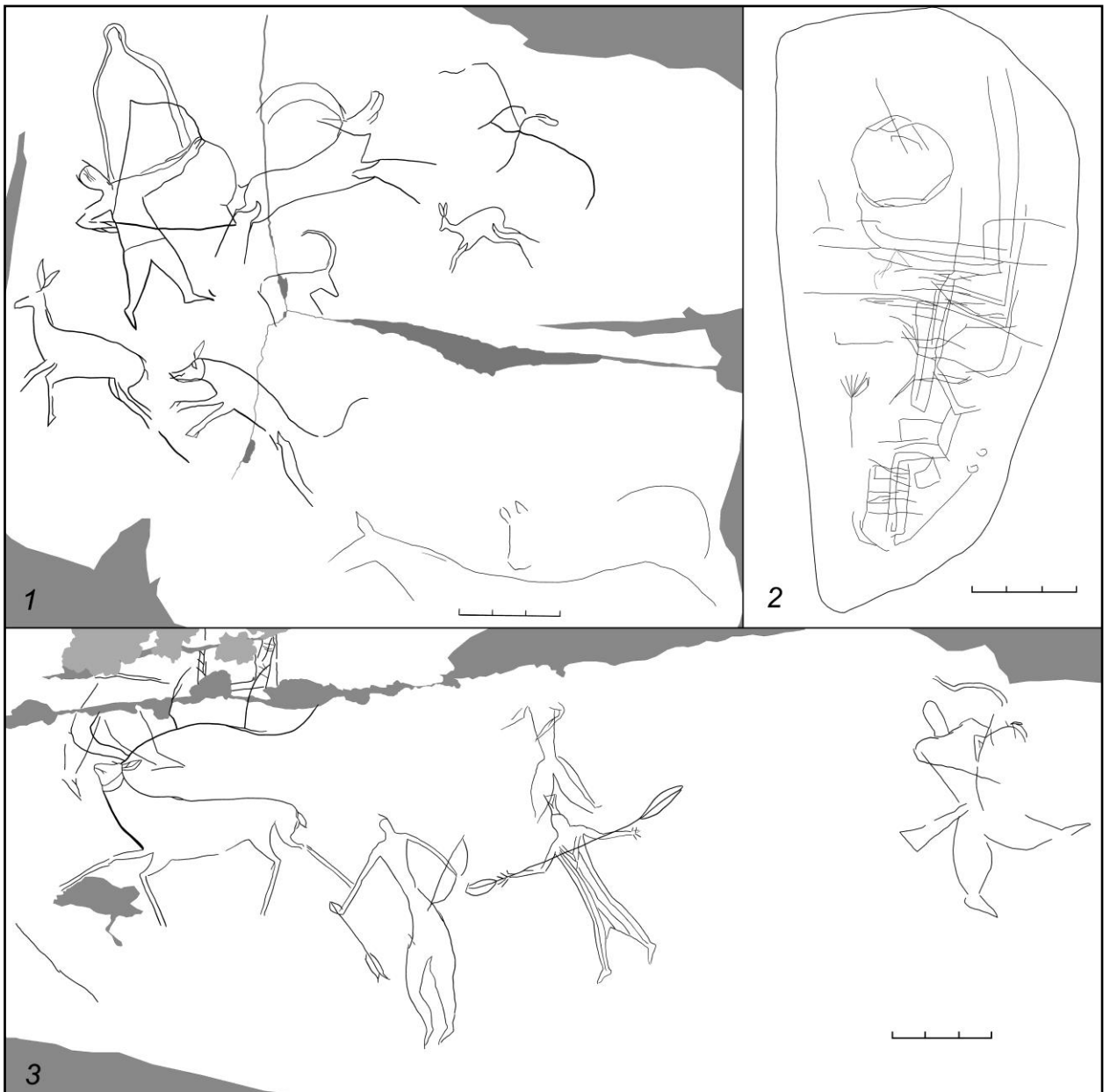

Рис. 45. Петроглифы Дялбака. а – камень 1, плоскость 1; б – камень 5; в – камень 2 (по: Константинов и др., 2020).

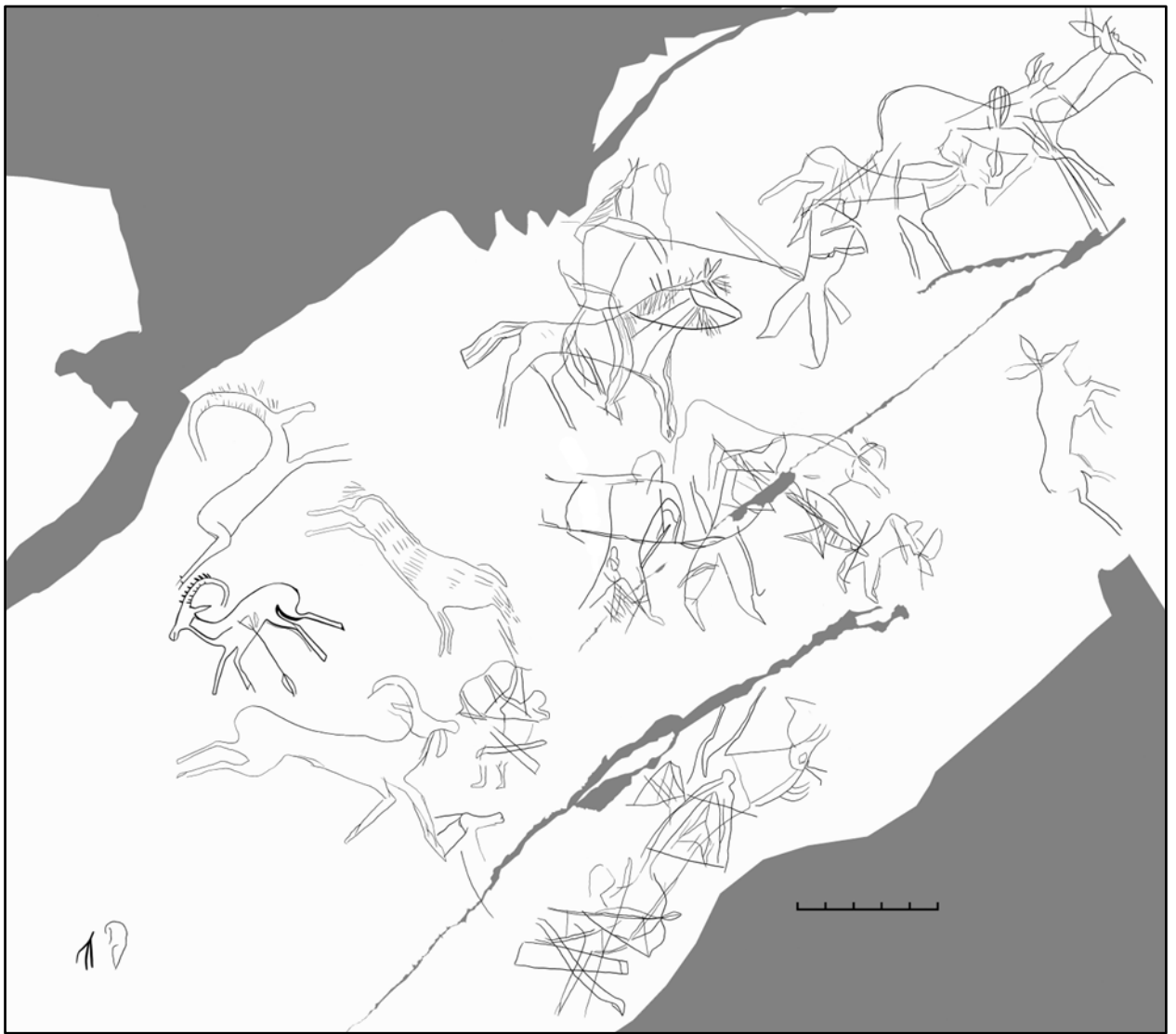

Рис. 46. Петроглифы Дялбака. Камень 1, плоскость 2 (по: Константинов и др., 2020).

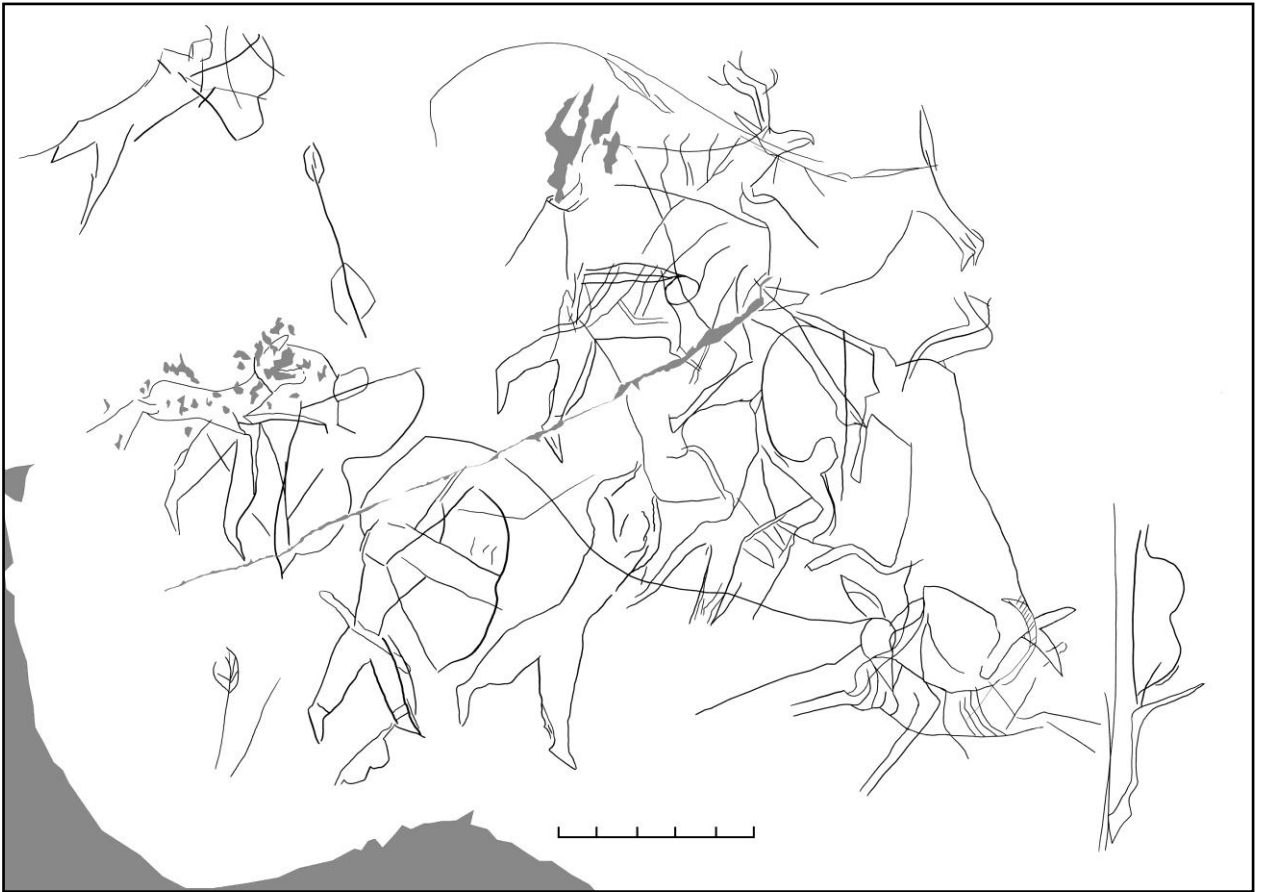

Рис. 47. Петроглифы Дялбака. Камень 1, плоскость 3 (по: Константинов и др., 2020).

Рис. 48. Петроглифы Дялбака. Камень 1, плоскость 5 (по: Константинов и др., 2020).

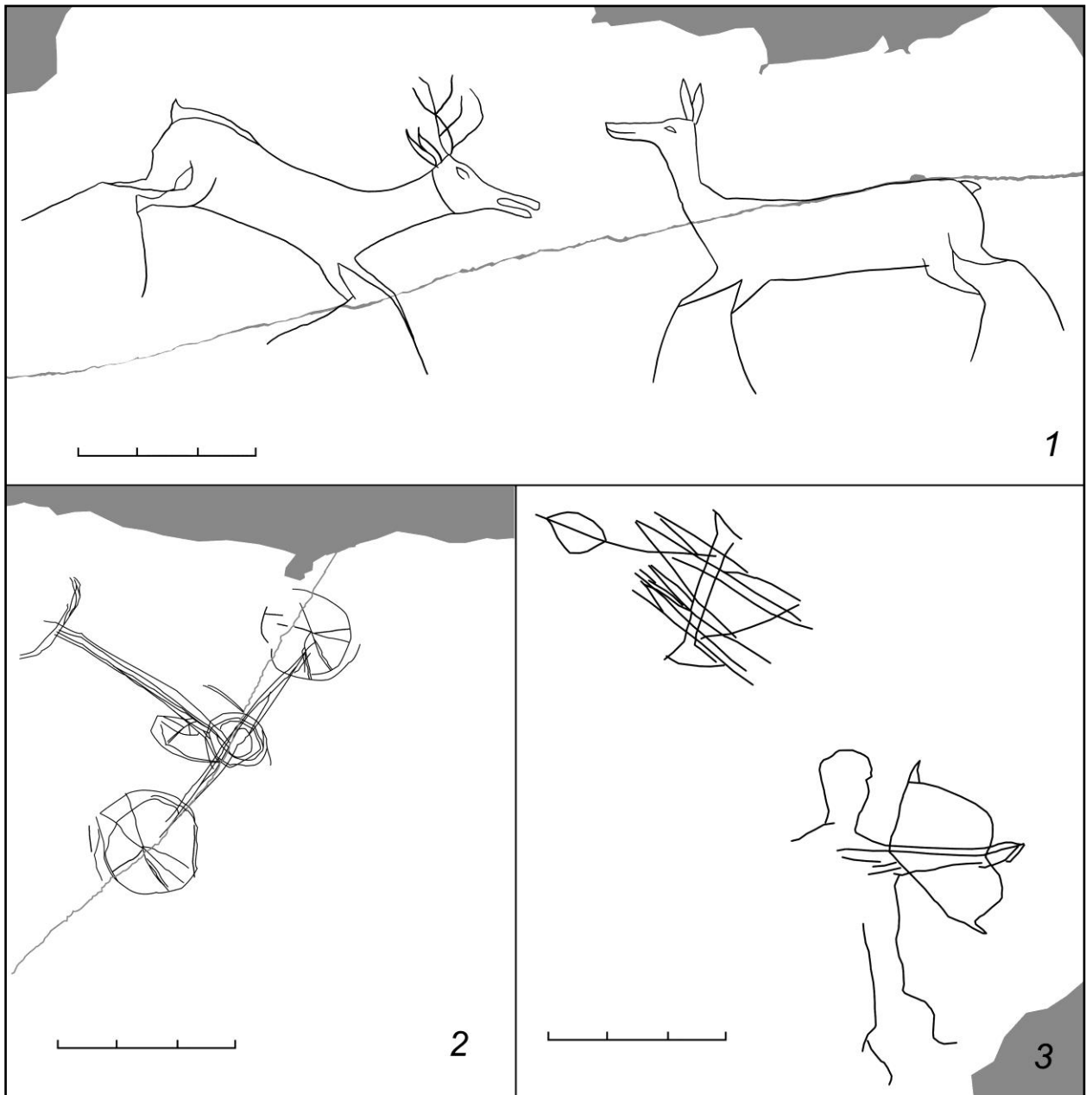

Рис. 49. Петроглифы Дялбака. Камень 4. 1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 3 (по: Константинов и др., 2020).

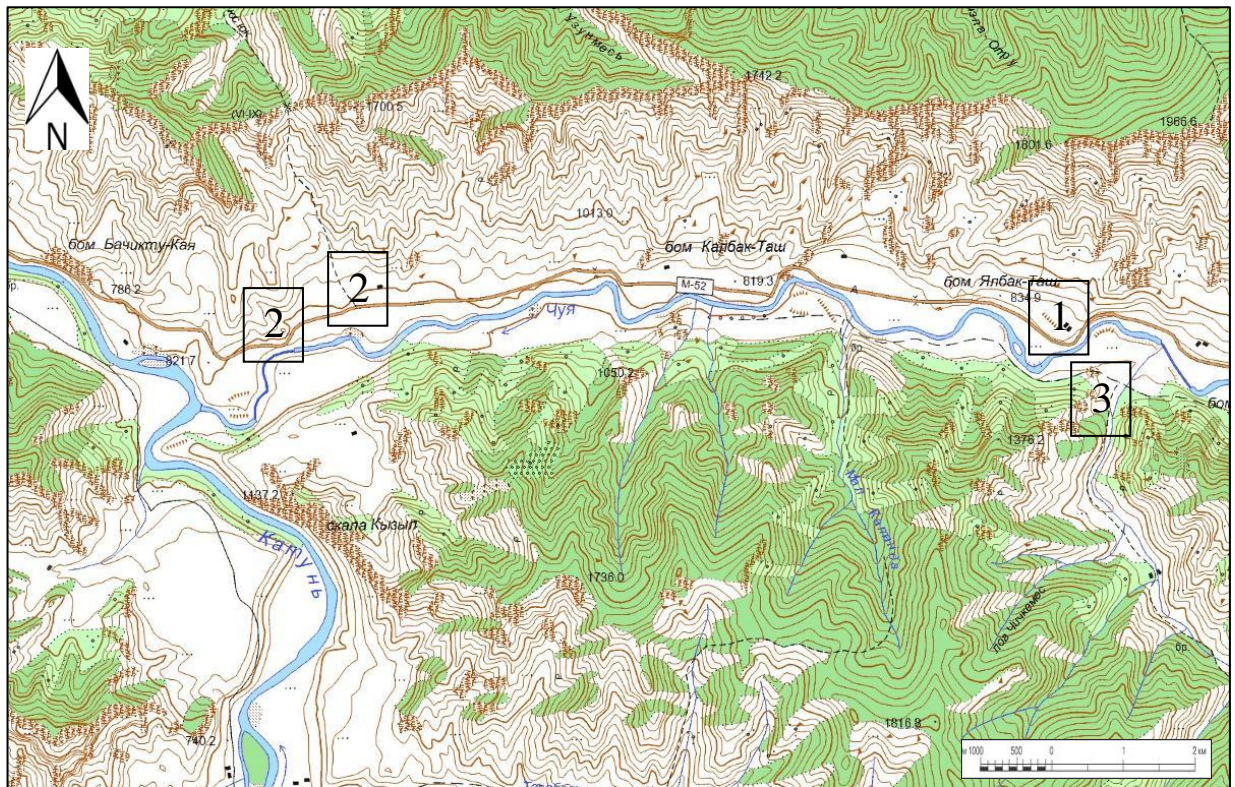

Рис. 50. Топографическая карта с указанием памятников Калбак-Таш-I (1), Калбак-Таш-II (2) и Апшиякта (3).

Рис. 51. Вид на Калбак-Таш-I с юго-востока.

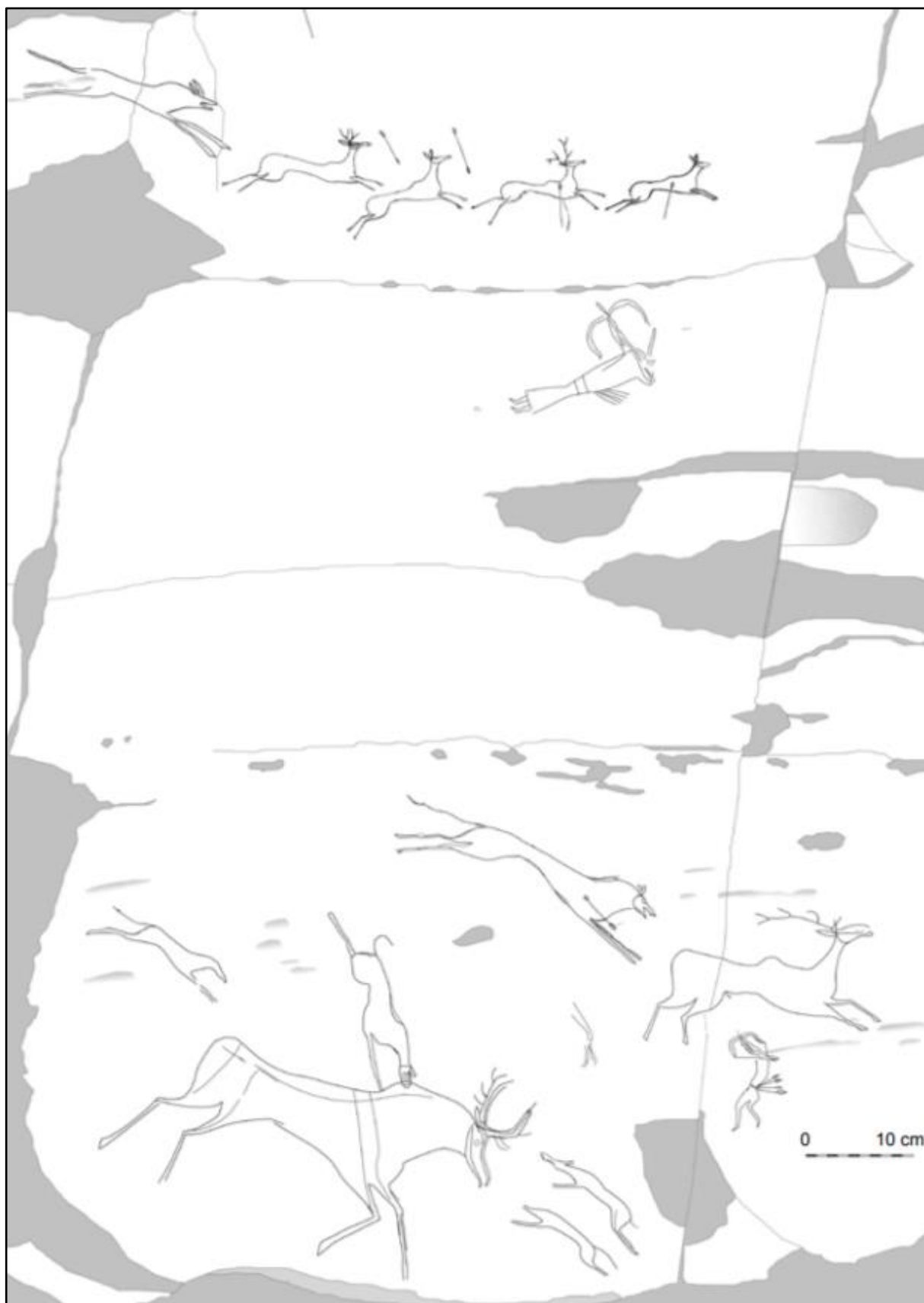

Рис. 52. Петроглифы Калбак-Таша I. Сцены охоты на скале VII (по: Миклашевич Е.А, Мухарева А.Н., 2011, рис. 2).

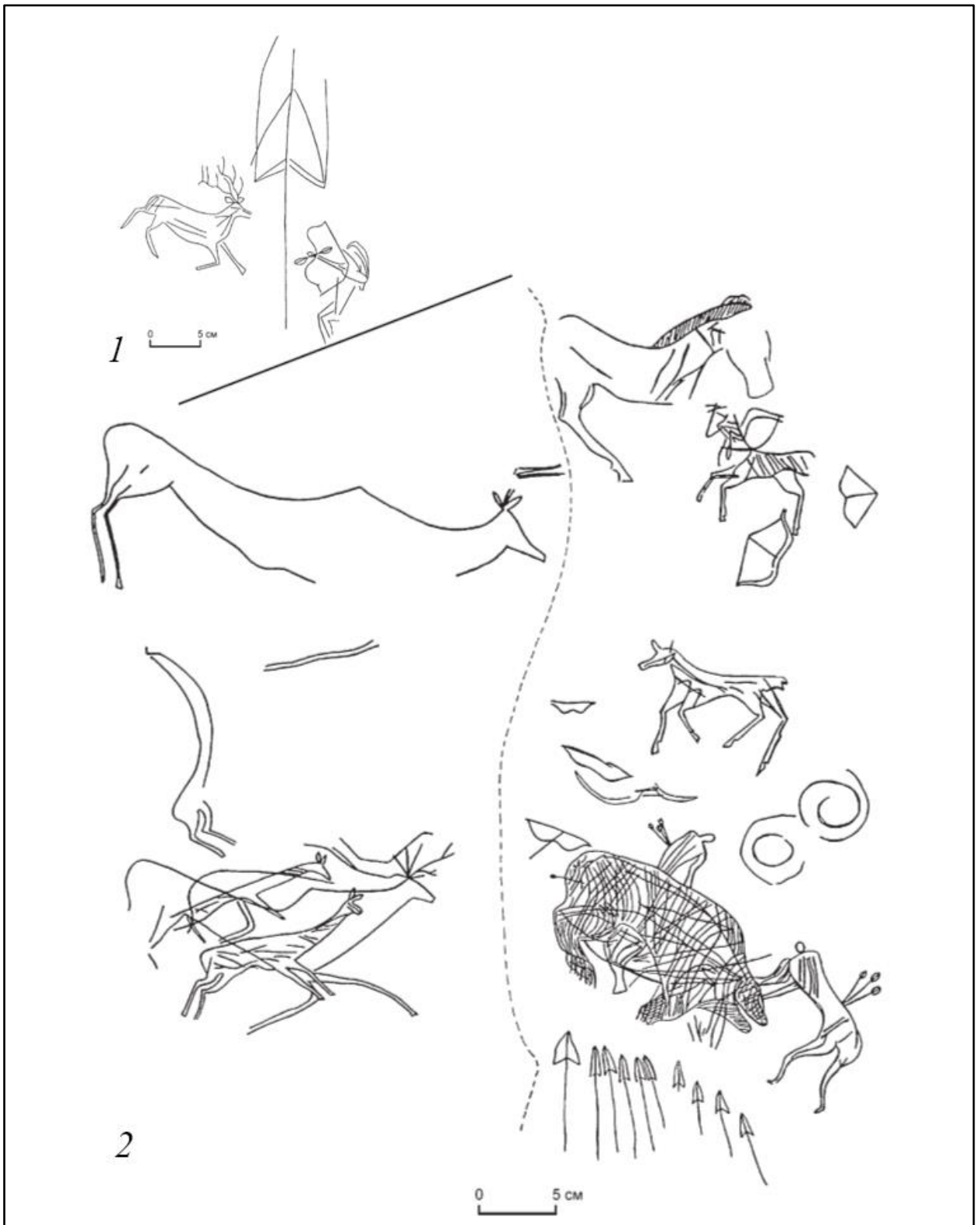

Рис. 53. Петроглифы Калбак-Таша I. Сцены охоты на скале VII (1) и XII (2)
(по: Кубарев В.Д., 2010, рис. 414, 598).

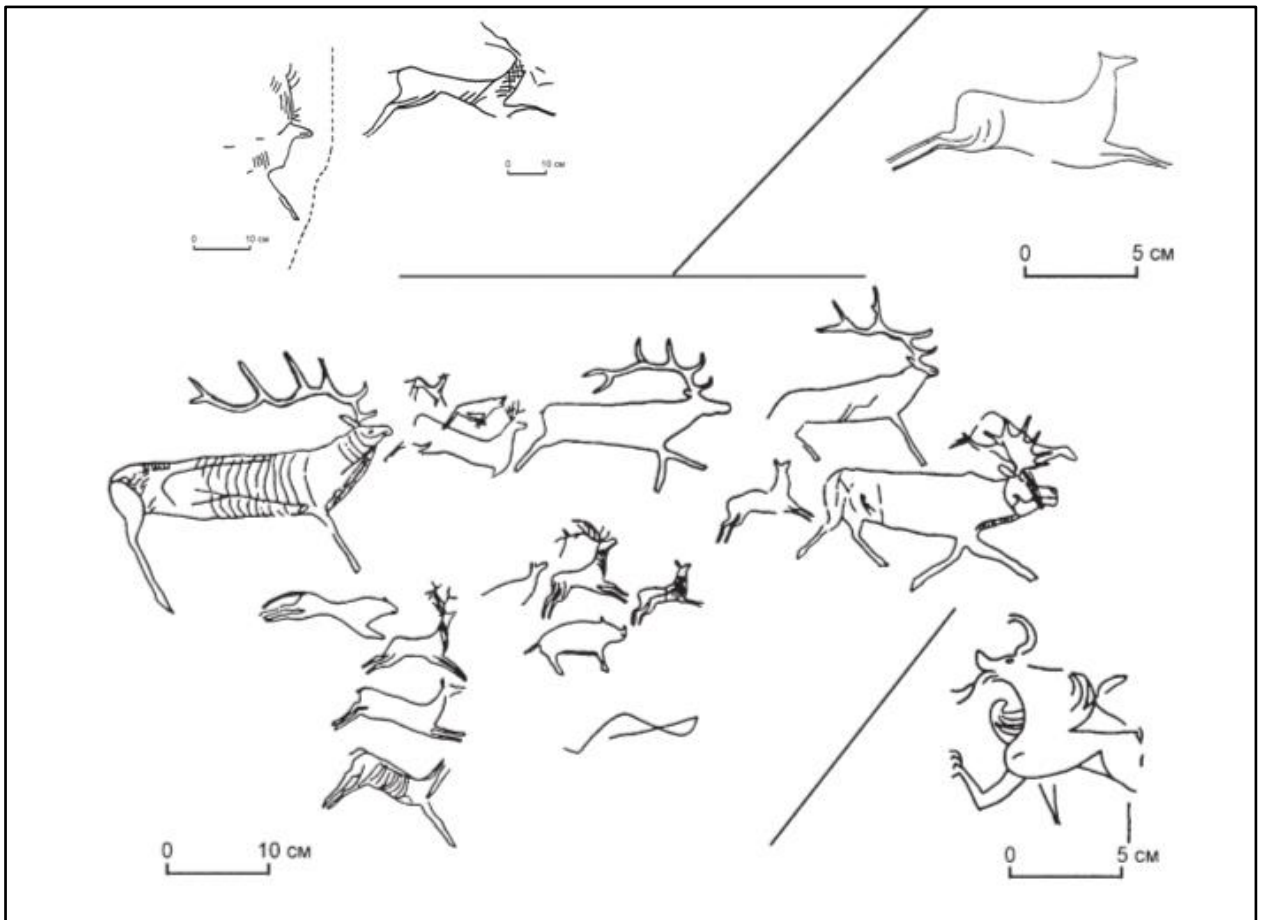

Рис. 54. Петроглифы Калбак-Таша I. Изображения животных и сенмурва на скале I (по: Кубарев В.Д., 2010, рис. 2-5).

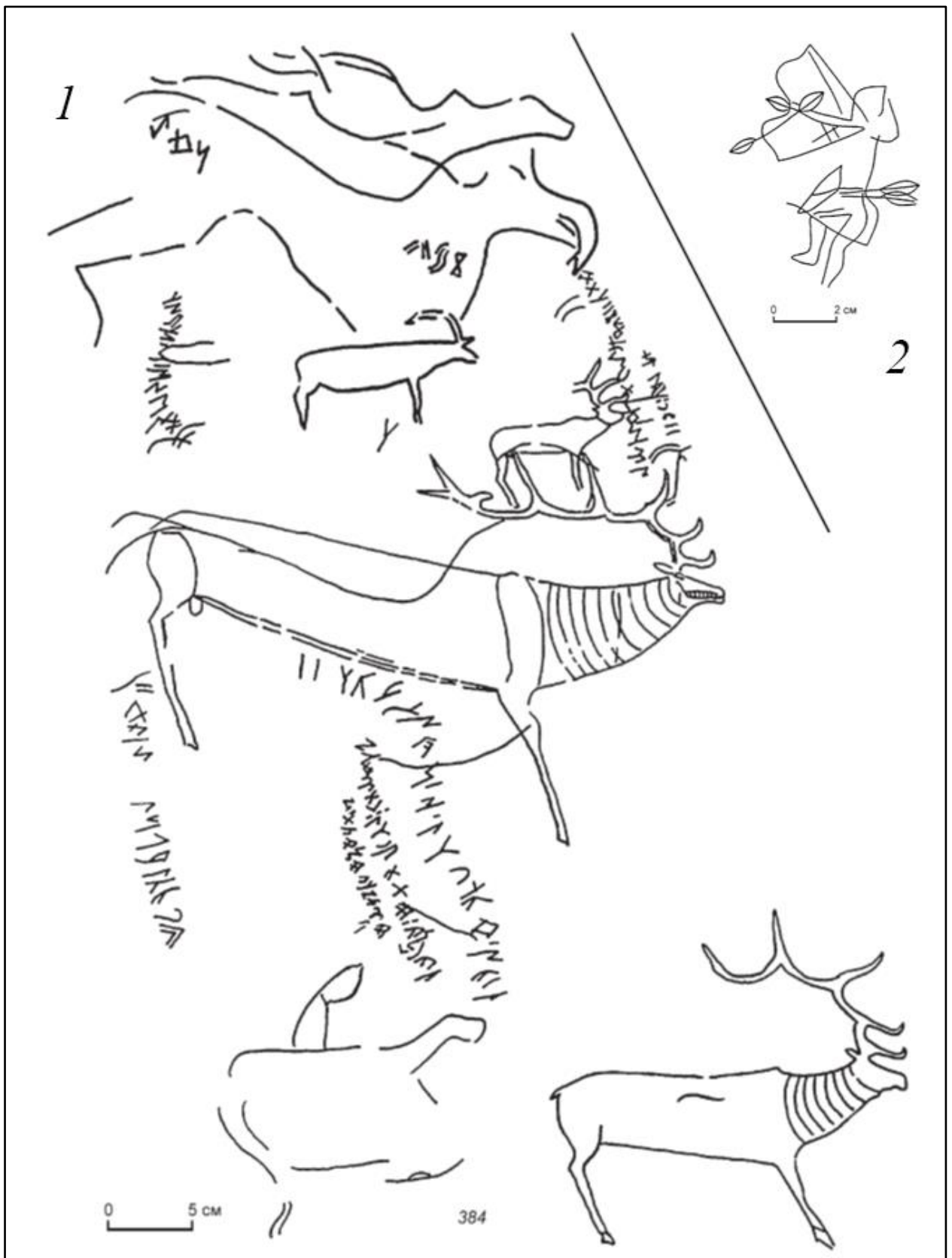

Рис. 55. Петроглифы Калбак-Таша I. Изображения животных на скале VI (1) и одиночного лучника на скале VIII (2) (по: Кубарев В.Д., 2010, рис. 384, 464).

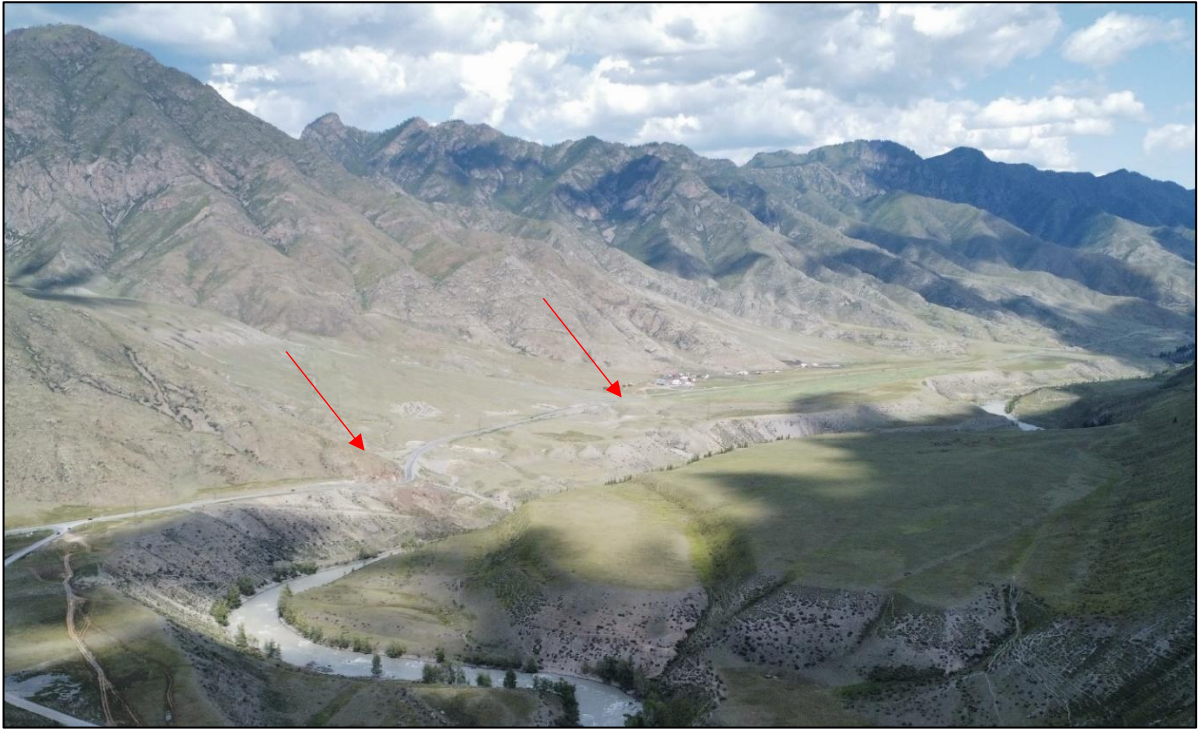

Рис. 56. Стрелками указаны области концентрации петроглифов памятника Калбак-Таш II. Вид с юго-запада.

Рис. 57. Вид на восточный пункт Калбак-Таша II с юго-востока.

Рис. 58. Вид на западный пункт Калбак-Таша II с юга.

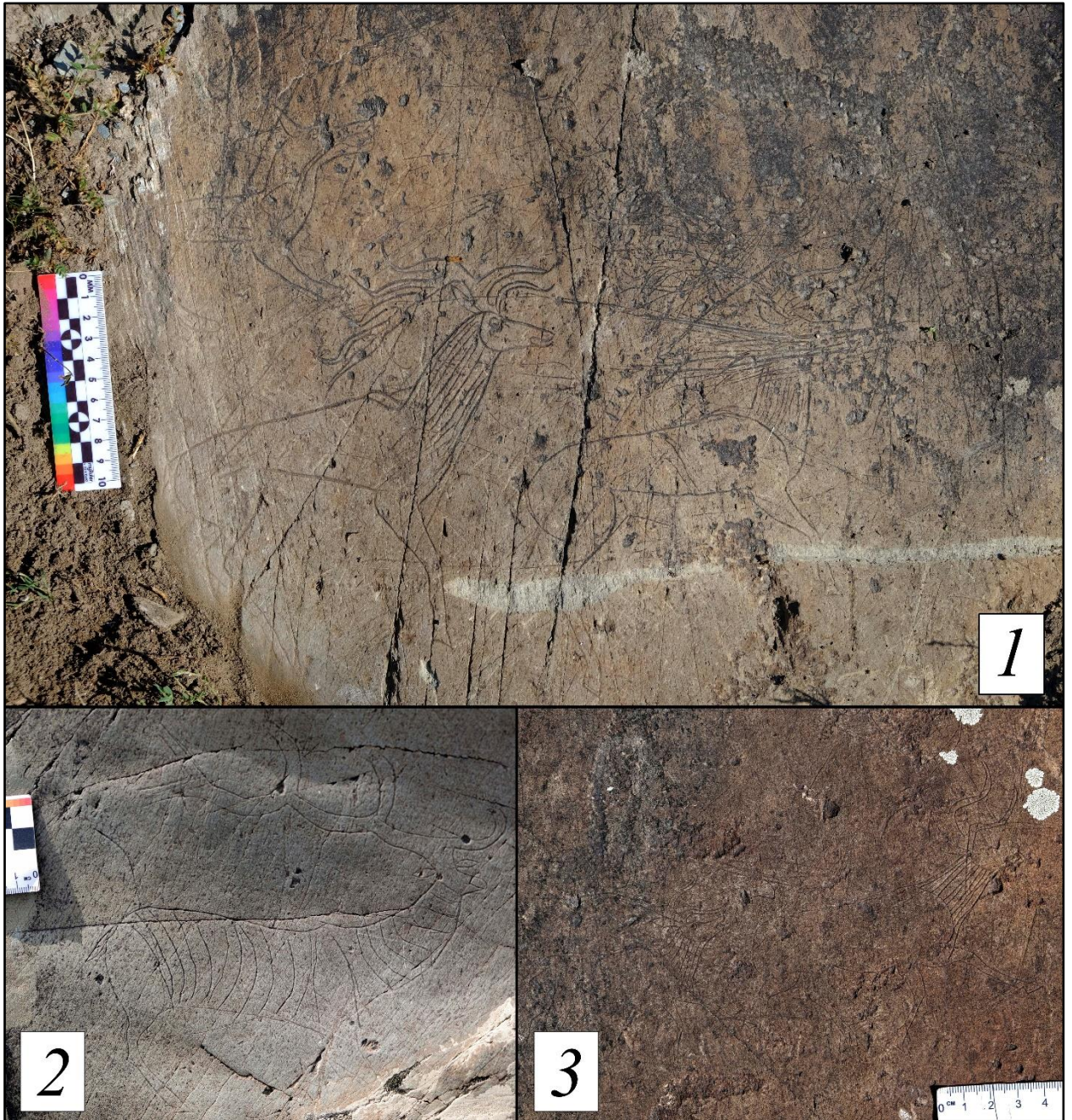

Рис. 59. Петроглифы Калбак-Таша II. Изображения волка (1) и маралов (1-3).

Рис. 60. Петроглифы Калбак-Таша II. Фото (1) и прорисовка (2) сцены охоты.

Рис. 61. Вид на памятник Апшиякты с севера. Фото с дрона. Стрелкой указана скала с петроглифами. Слева расположен погребально-поминальный комплекс.

Рис. 62. Фото (1) и прорисовка (2) изображений на плоскости Апшиякты.

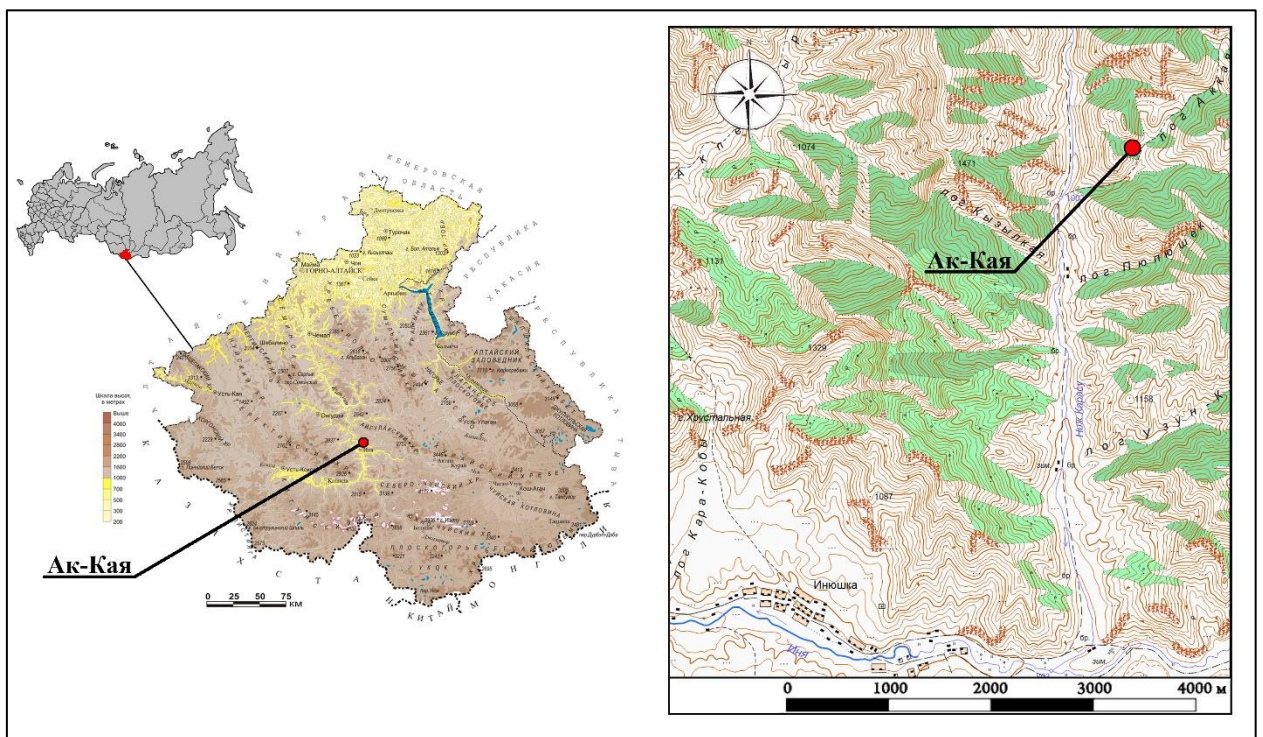

Рис. 63. Местонахождение каменной плитки с гравировками Ак-Кая на карте Республики Алтай.

Рис. 64. Вид на лог Ак-Кая с севера (стрелкой указано местонахождение плитки).

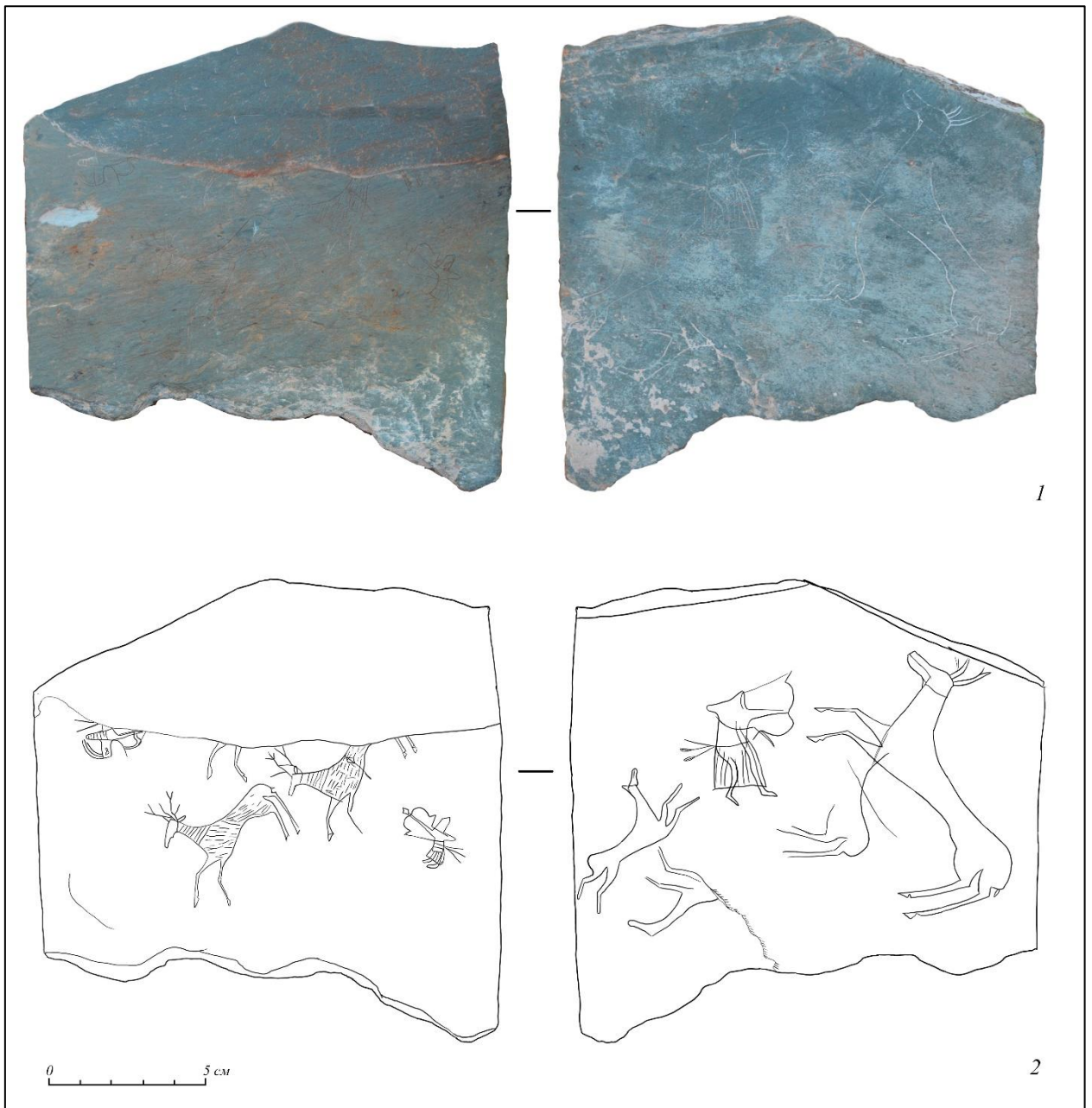

Рис. 65. Плитка с местонахождения Ак-Кая. 1- фото, 2 – прорисовка.

Рис. 66. Памятник Бичикту-Бом на топографической карте.

Рис. 67. Вид на долину р. Каракол с северо-востока. Фото дрона. Стрелкой указан склон отрога с петроглифами Бичикту-Бом.

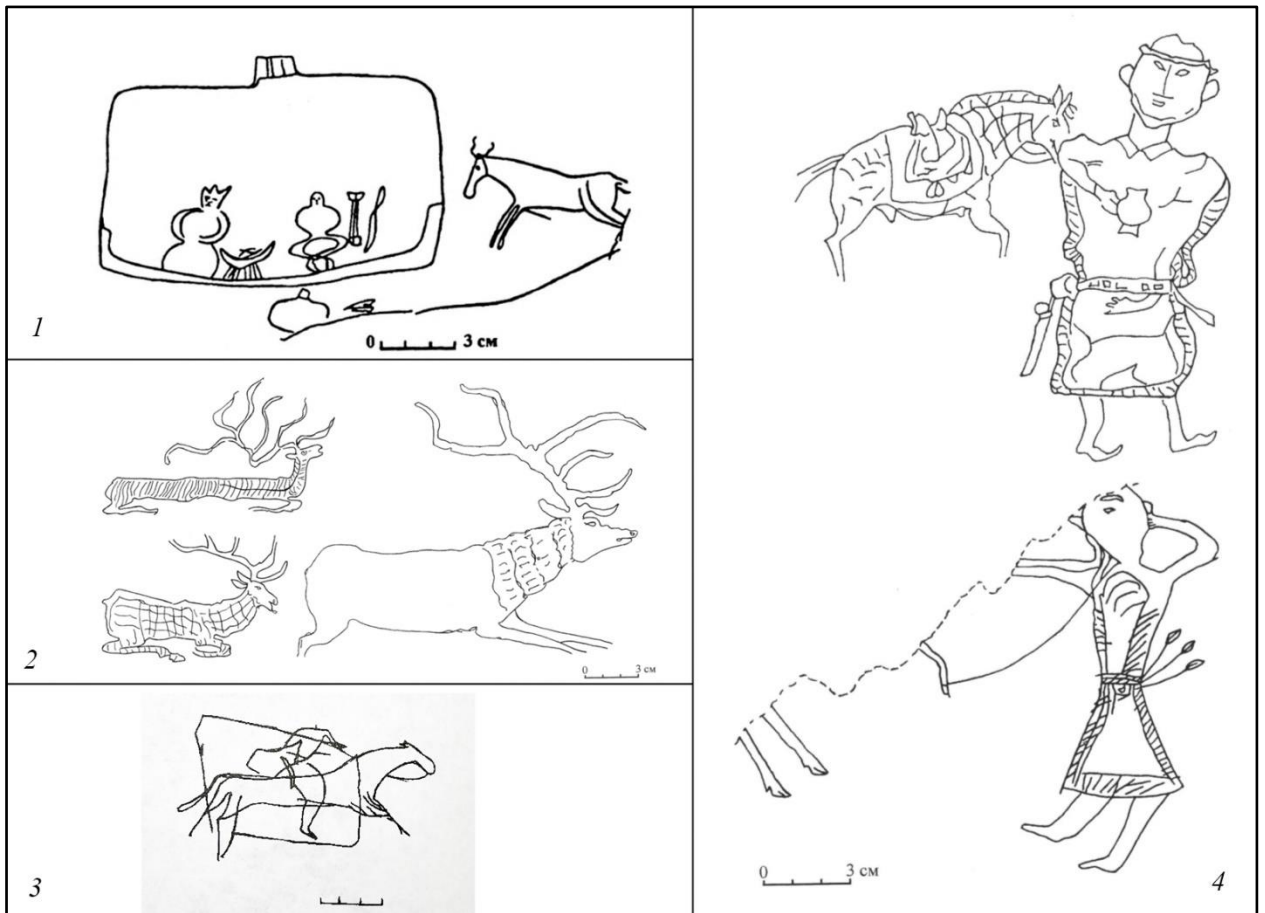

Рис. 68. Петроглифы Бичикту-Бома. 1 – жанровая сцена (по: Кубарев Г.В., 2003, рис. 1), 2, 4 – изображения маралов, древнего тюрка с конем и фрагмента сцены охоты (по: Еркинова Р.М., Кубарев Г.В., 2004, рис. 3, 4), 3 – изображение всадника (по: Мартынов А.И. и др., 2006, рис. 488).

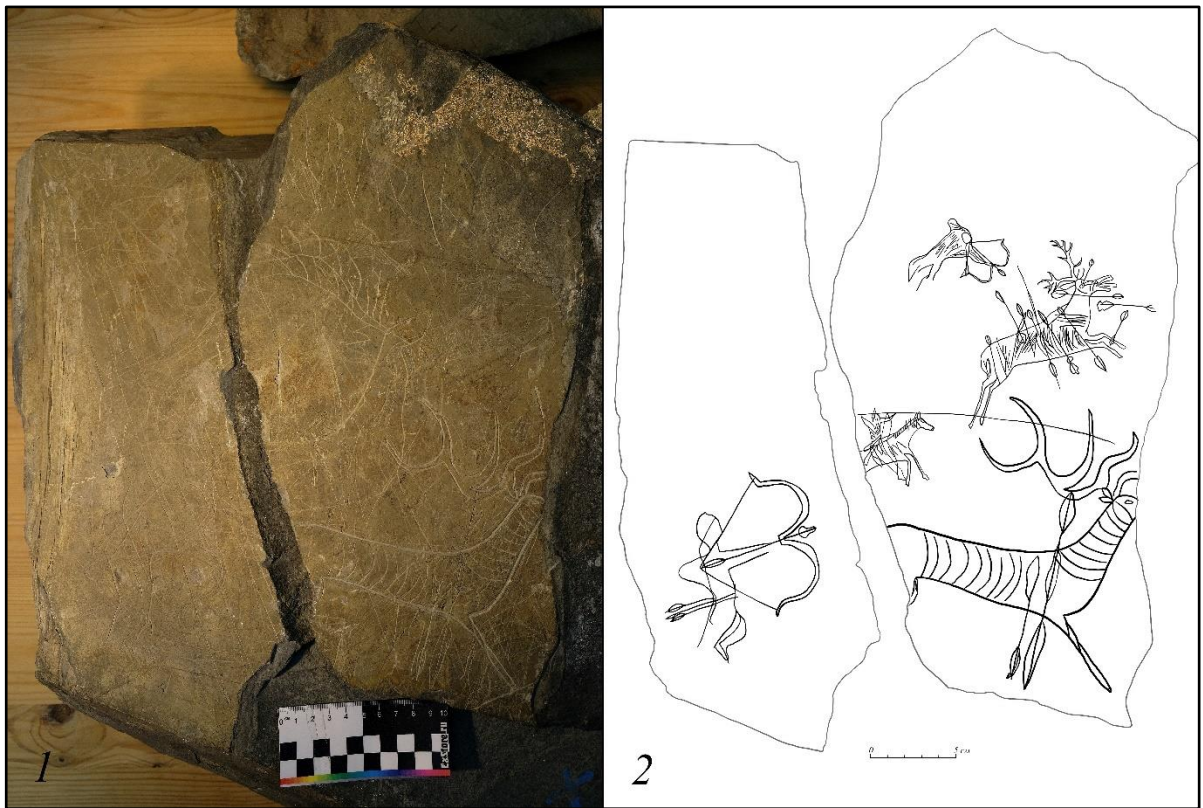

Рис. 69. Фото (1) и отрисовка (2) сцены охоты на каменных фрагментах с Бичикту-Бома.

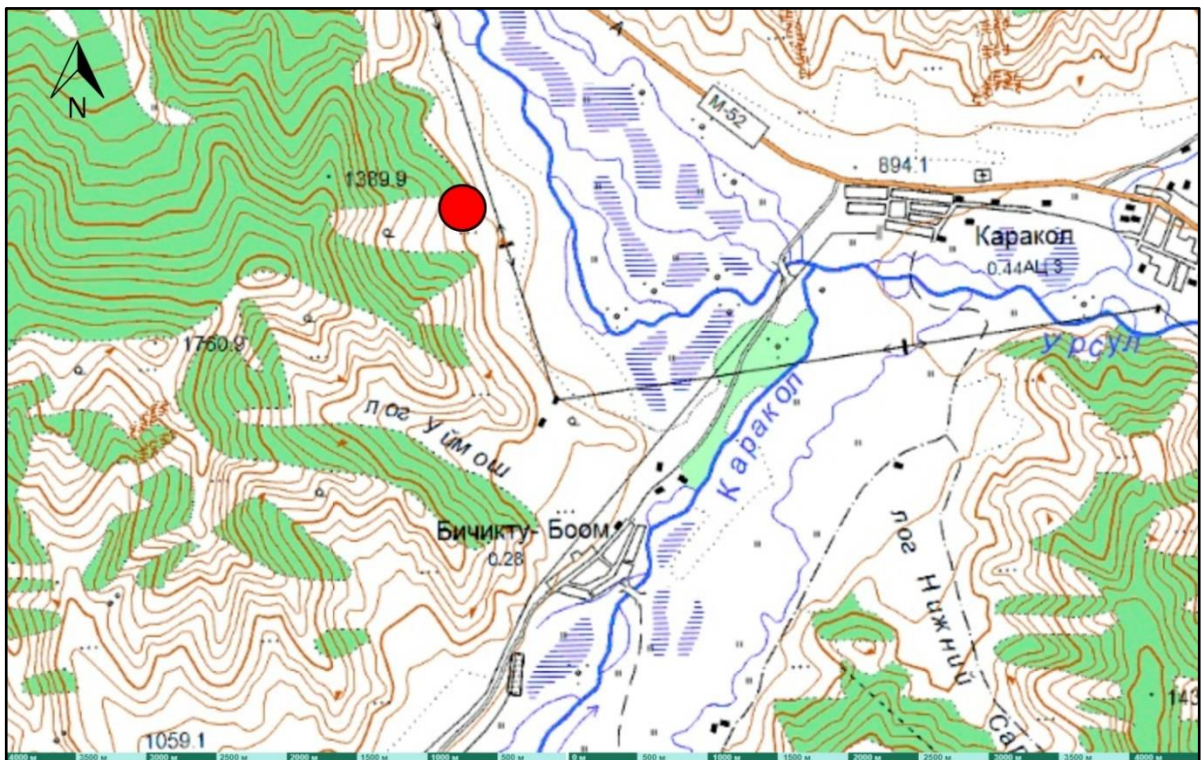

Рис. 70. Расположение петроглифов Дбаан-Кобы (выделено красным) на топографической карте.

Рис. 71. Вид на урочище Дьяан-Кобы с востока. Фото дрона. Стрелкой
указано местонахождение петроглифов.

Рис. 72. Площадки с петроглифами Дьяан-Кобы.

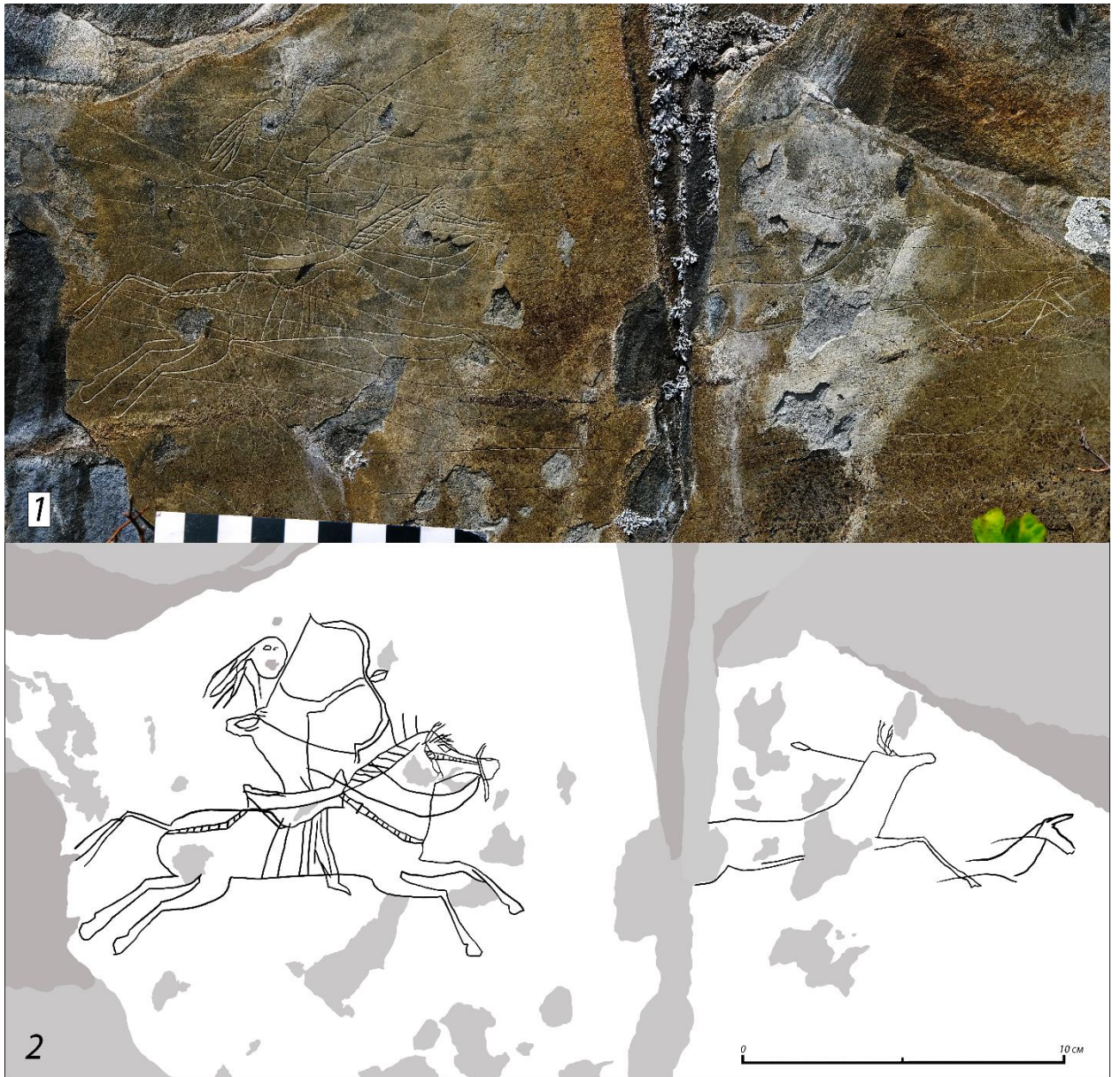

Рис. 73. Фото (1) и прорисовка (2) плоскости 1 с гравированными изображениями Дьяан-Кобы.

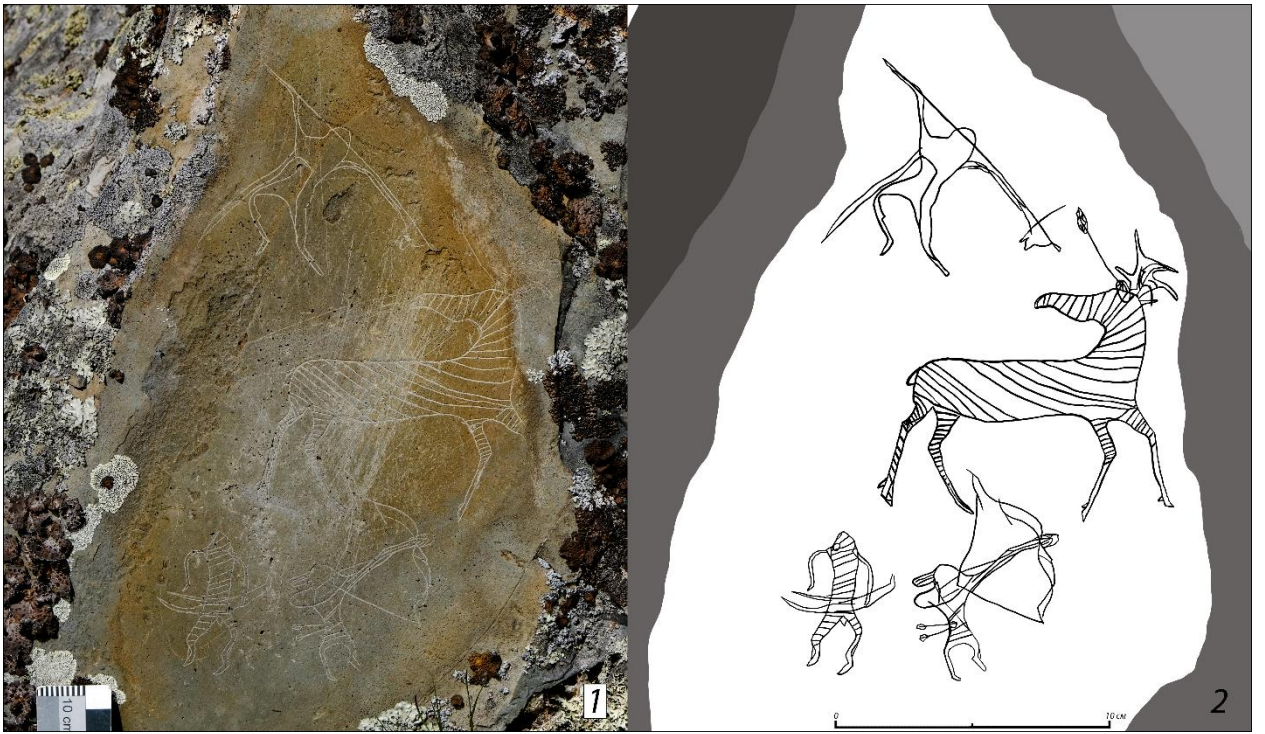

Рис. 74. Фото (1) и прорисовка (2) плоскости 2 с гравированными изображениями Дьяан-Кобы.

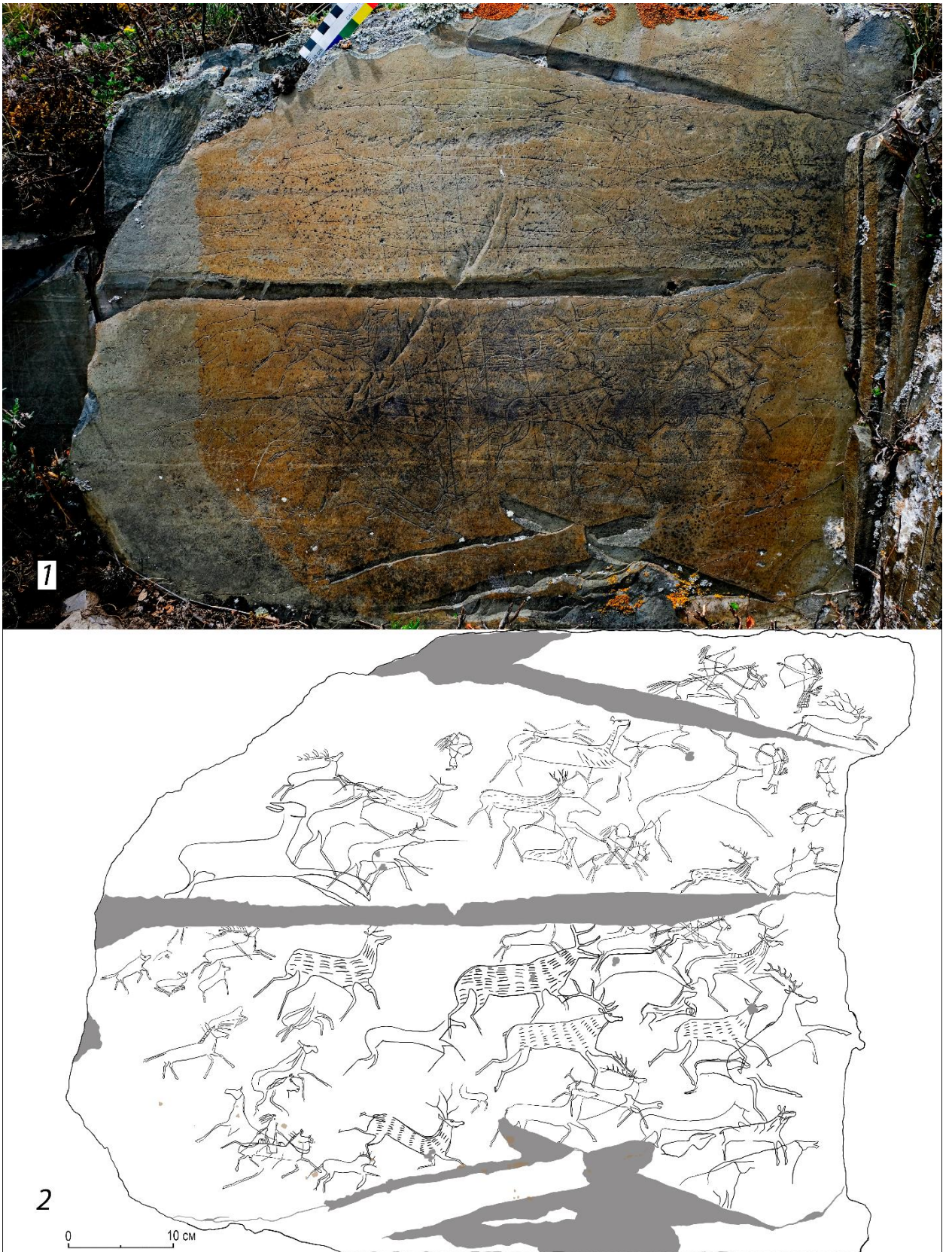

Рис. 75. Фото (1) и прорисовка (2) плоскости 3 с гравированными изображениями Дьяан-Кобы.

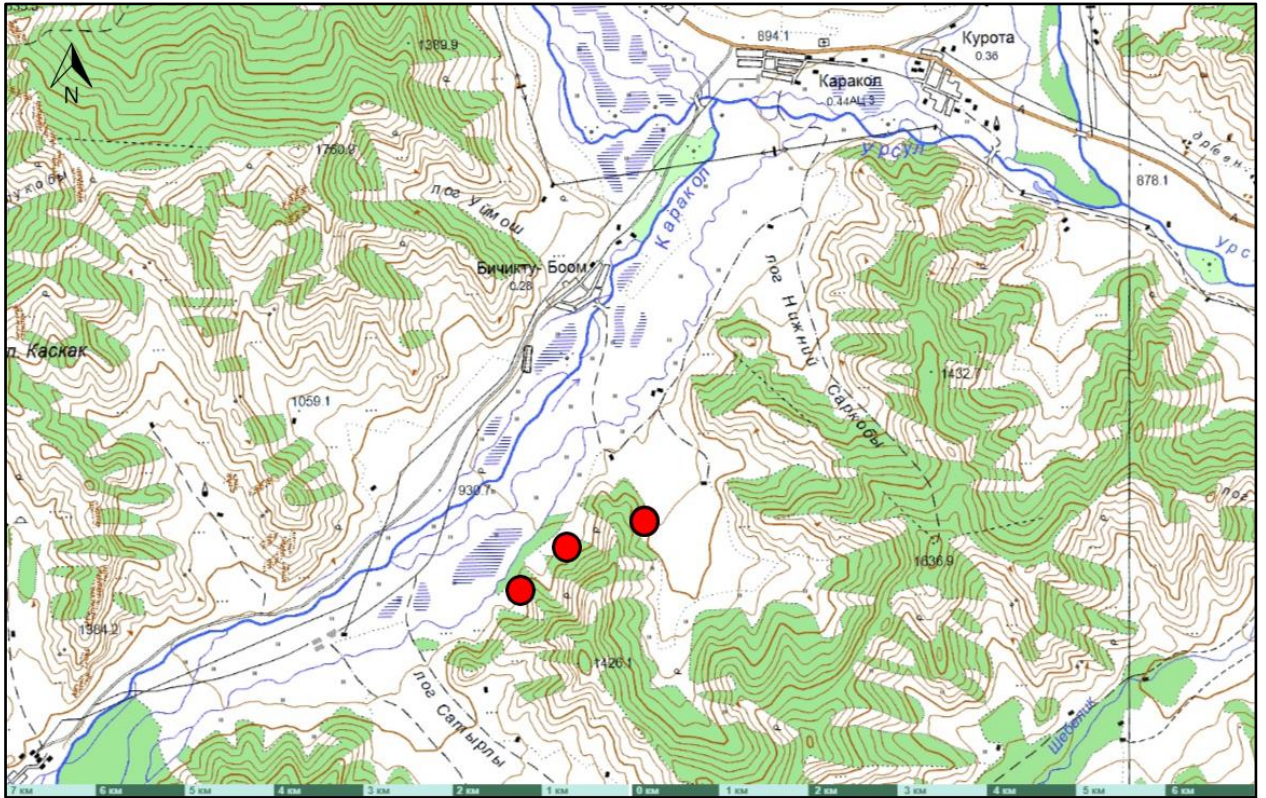

Рис. 76. Расположение петроглифов Торгуна (выделено красным) на топографической карте.

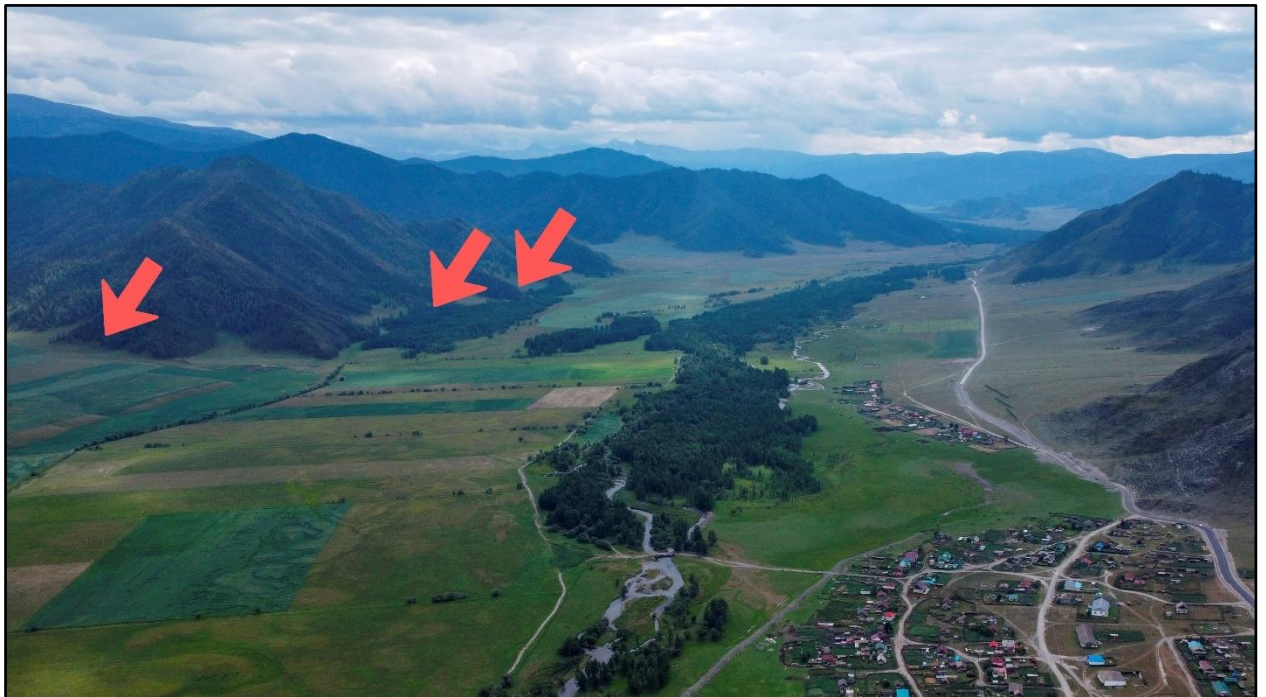

Рис. 77. Вид на долину р. Каракол с северо-востока. Фото дрона. Стрелкой указаны местонахождения петроглифов Торгуна.

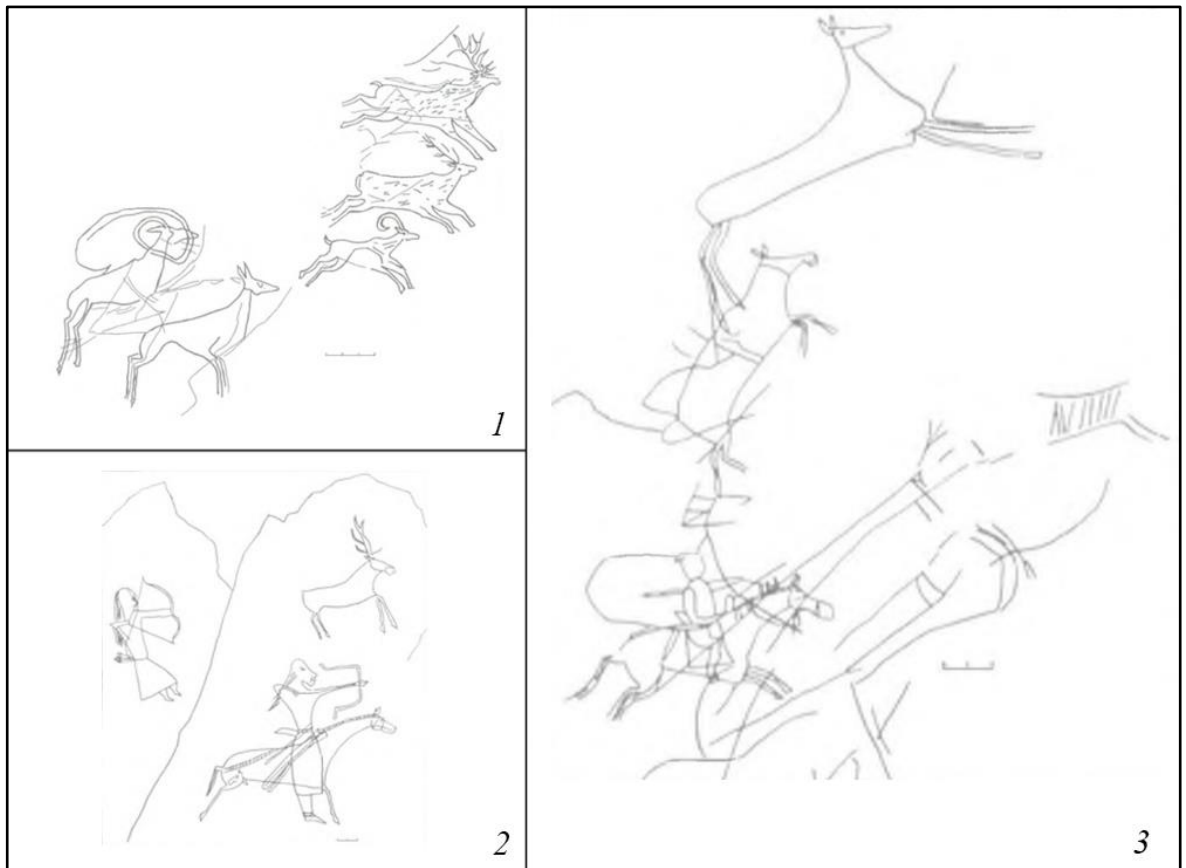

Рис. 78. Изображения козлов, оленей и сцен охоты в петроглифах Торгуна
(по: Миклашевич Е.А., 2003, рис. 6, 8, 9).

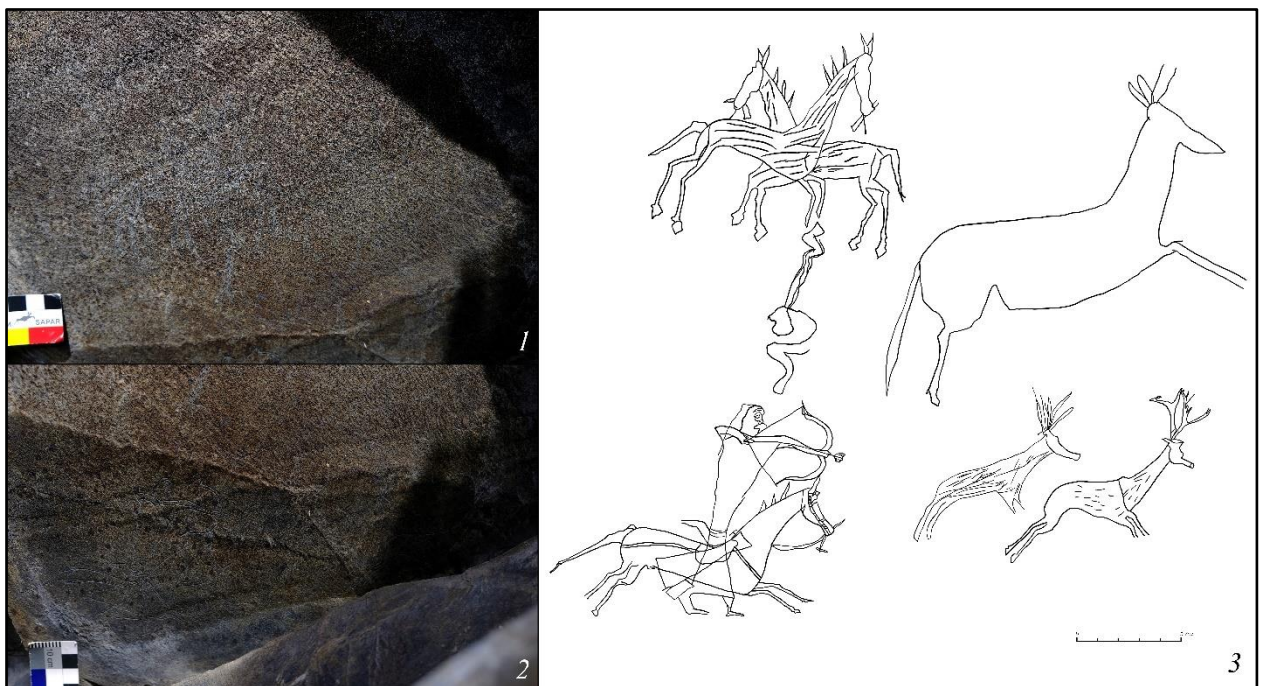

Рис. 79. Петроглифы Торгуна. Изображения лошадей и оленя на плоскости 1
(1), сцены охоты на смежной плоскости 2 (2) и их общая прорисовка (3).

Рис. 80. Фото (1) и прорисовка (2) сцены охоты на плоскости Торгуна.

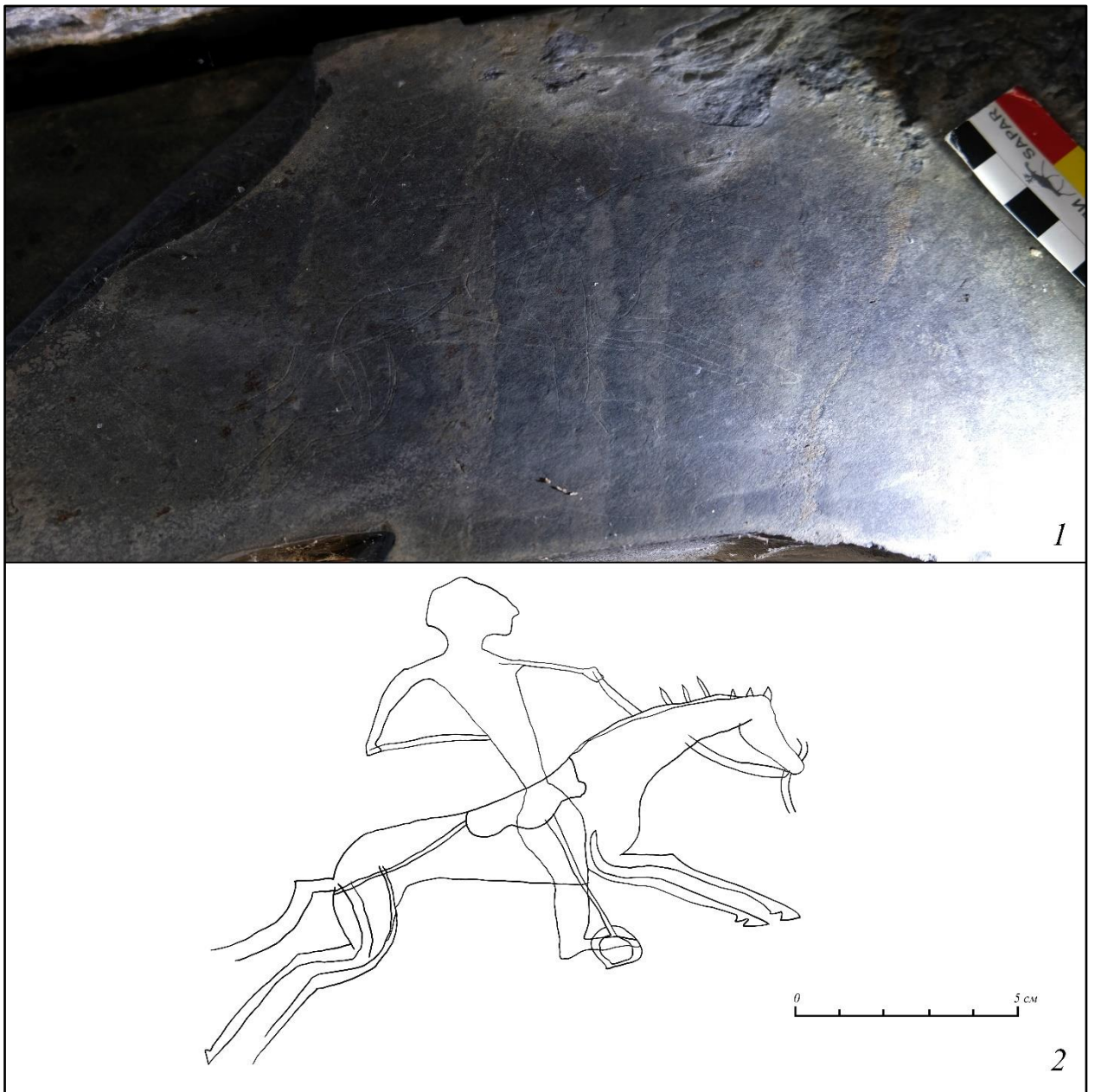

Рис. 81. Фото (1) и прорисовка (2) фигуры всадника Торгуна.

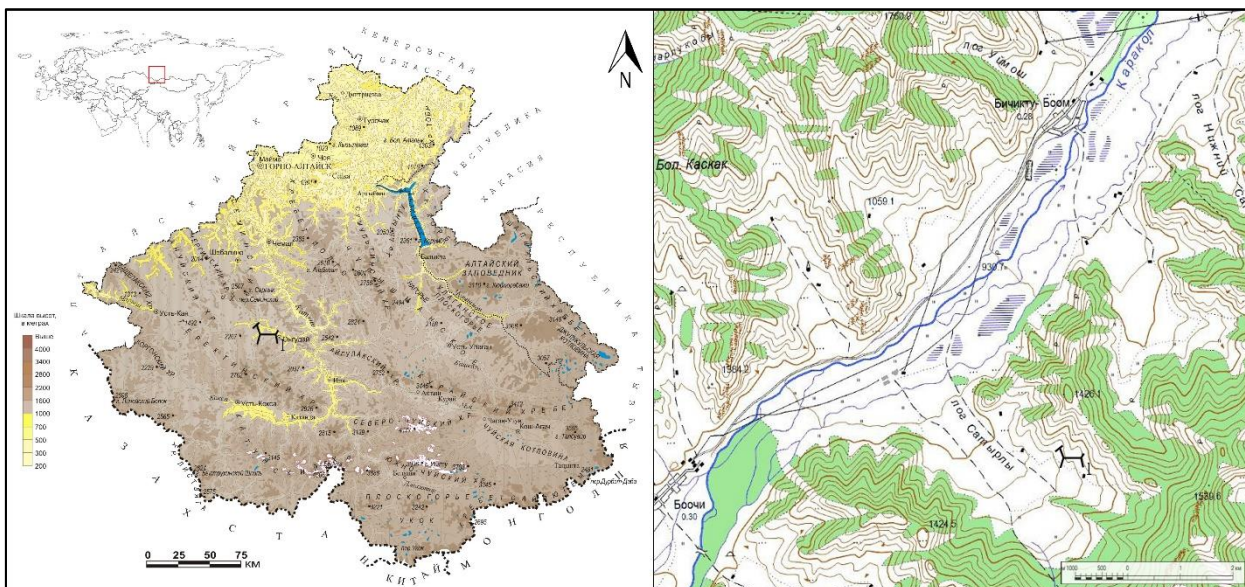

Рис. 82. Расположение петроглифов Сетерлю-1 на карте Республики Алтай.

Рис. 83. Памятник Сетерлю-1 (плоскости с петроглифами указаны стрелкой).

Вид с юго-запада.

Рис. 84. Площадки с петроглифами Сетерлю-1. Вид с юго-востока.

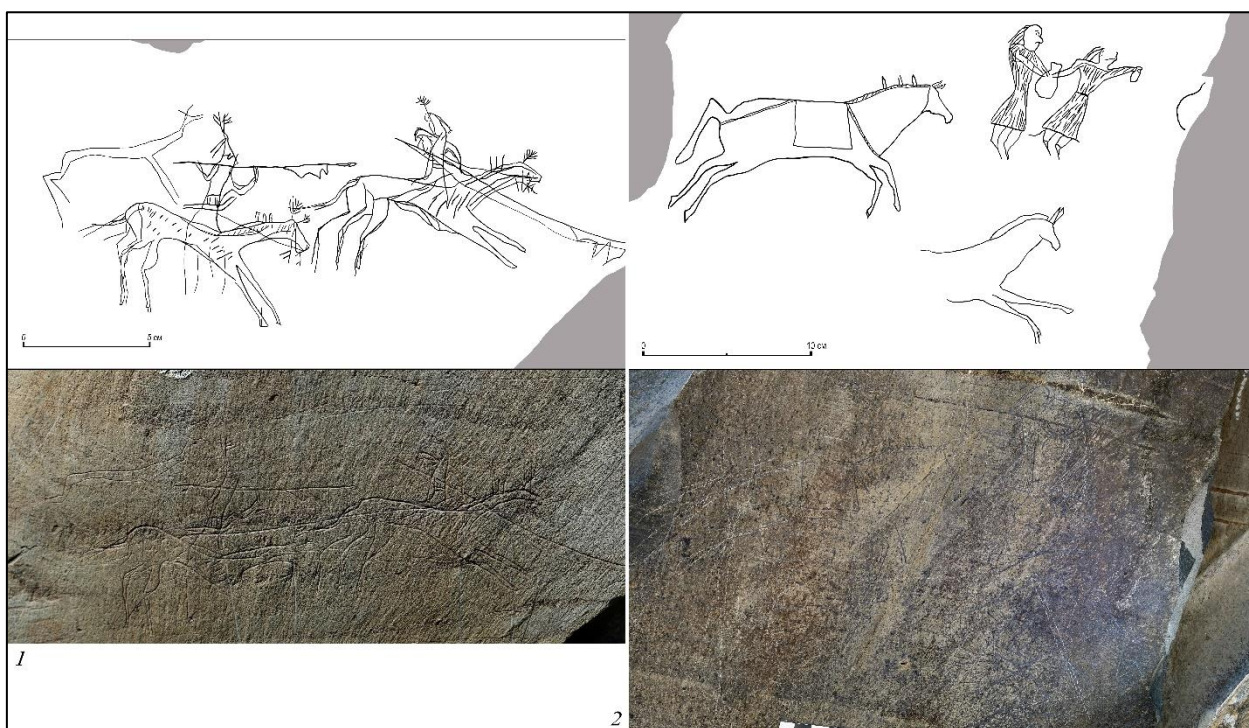

Рис. 85. Фотографии и отрисовки изображений Сетерлю-1. Площадка 1 (1) и площадка 3 (2)

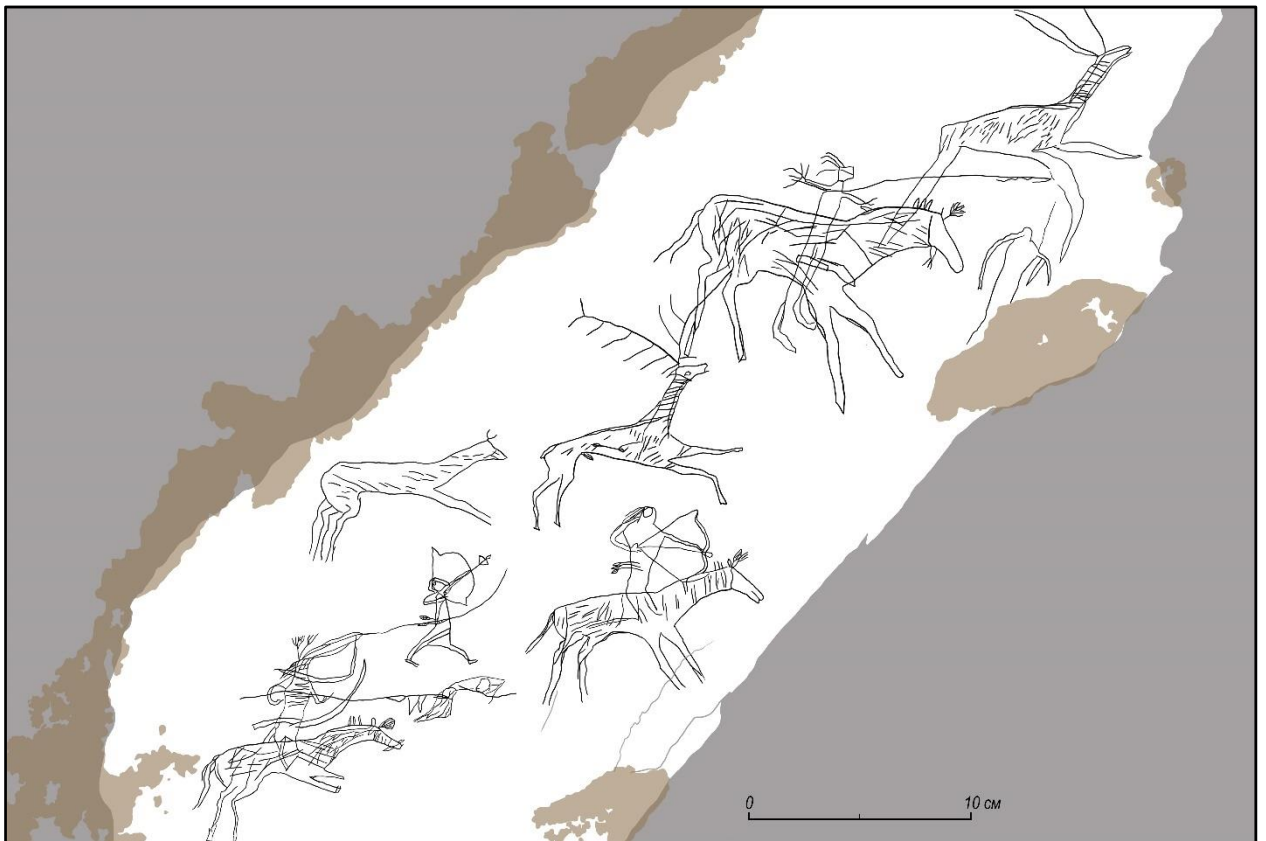

Рис. 86. Сетерлю-1. Прорисовка плоскости 2.

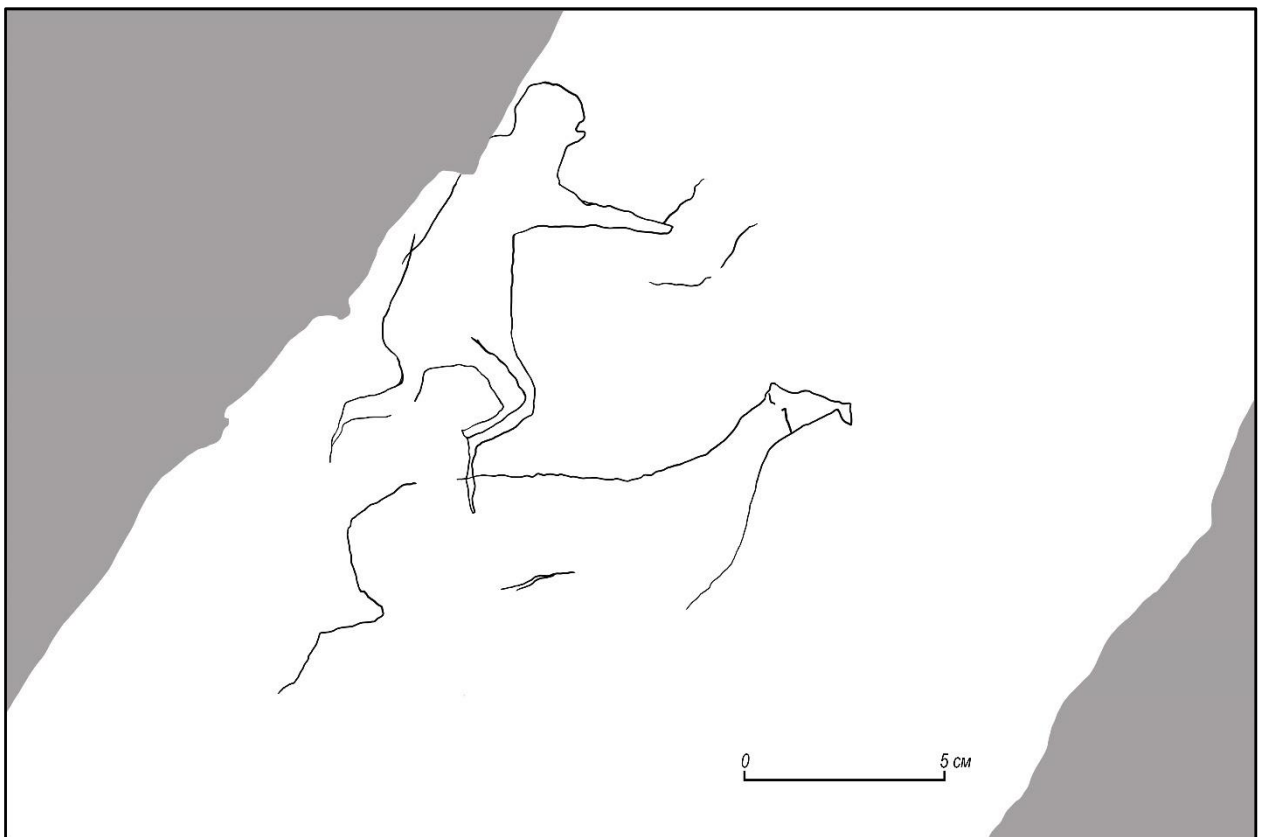

Рис. 87. Сетерлю-1. Прорисовка плоскости 4.

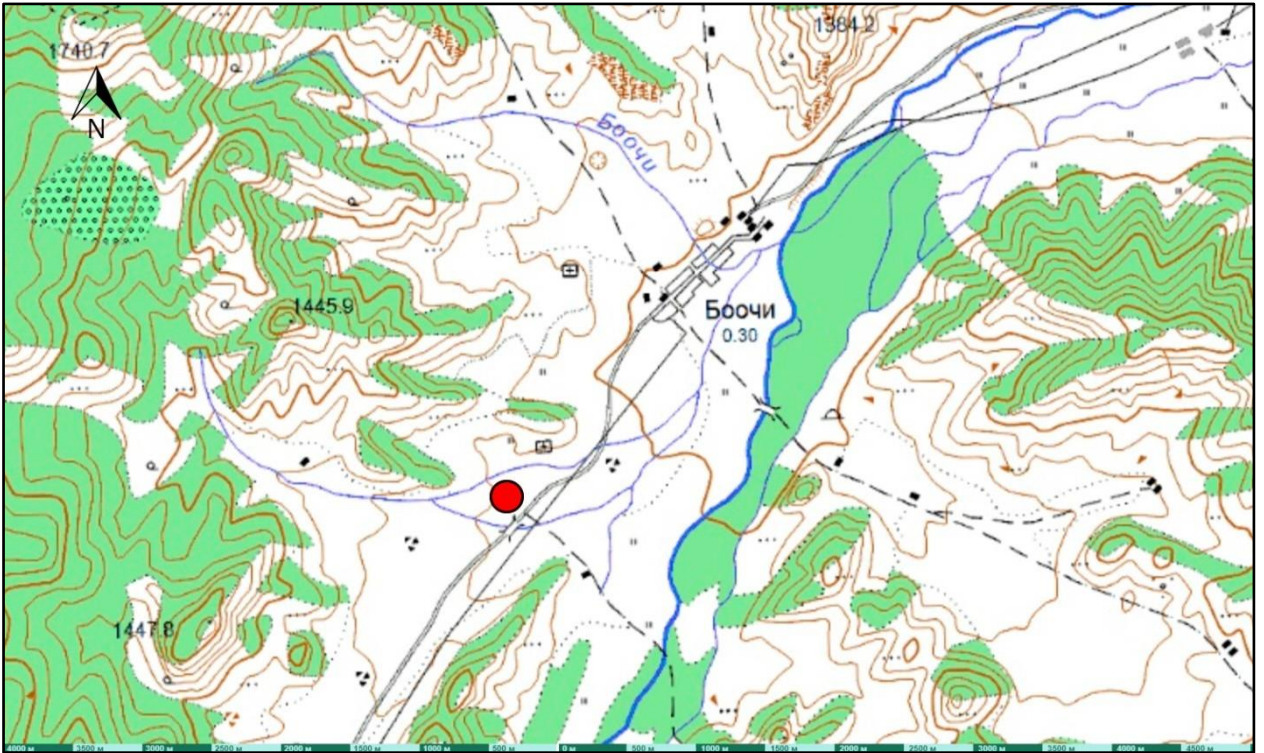

Рис. 88. Расположение петроглифов Талда (выделено красным) на топографической карте.

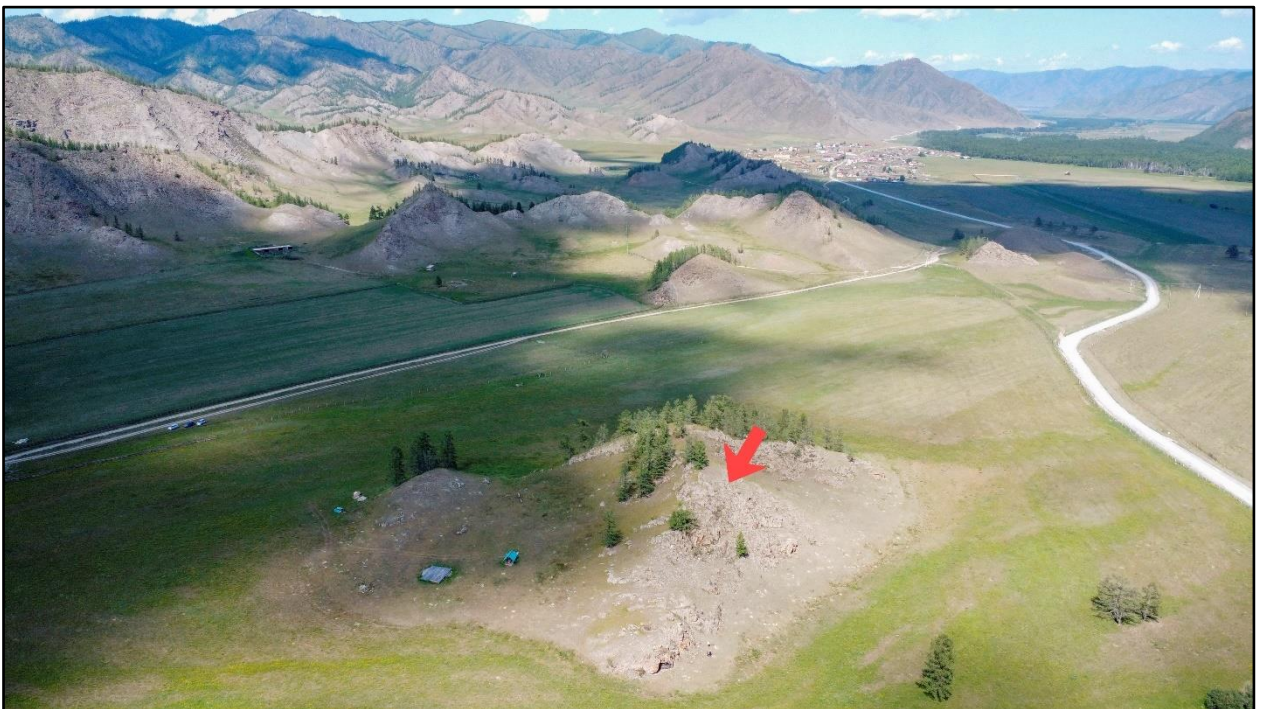

Рис. 89. Вид на долину р. Каракол с юго-запада в средней ее части. Стрелкой указано местонахождение петроглифов Талда.

Рис. 90. Плоскости Талда. Вид с востока.

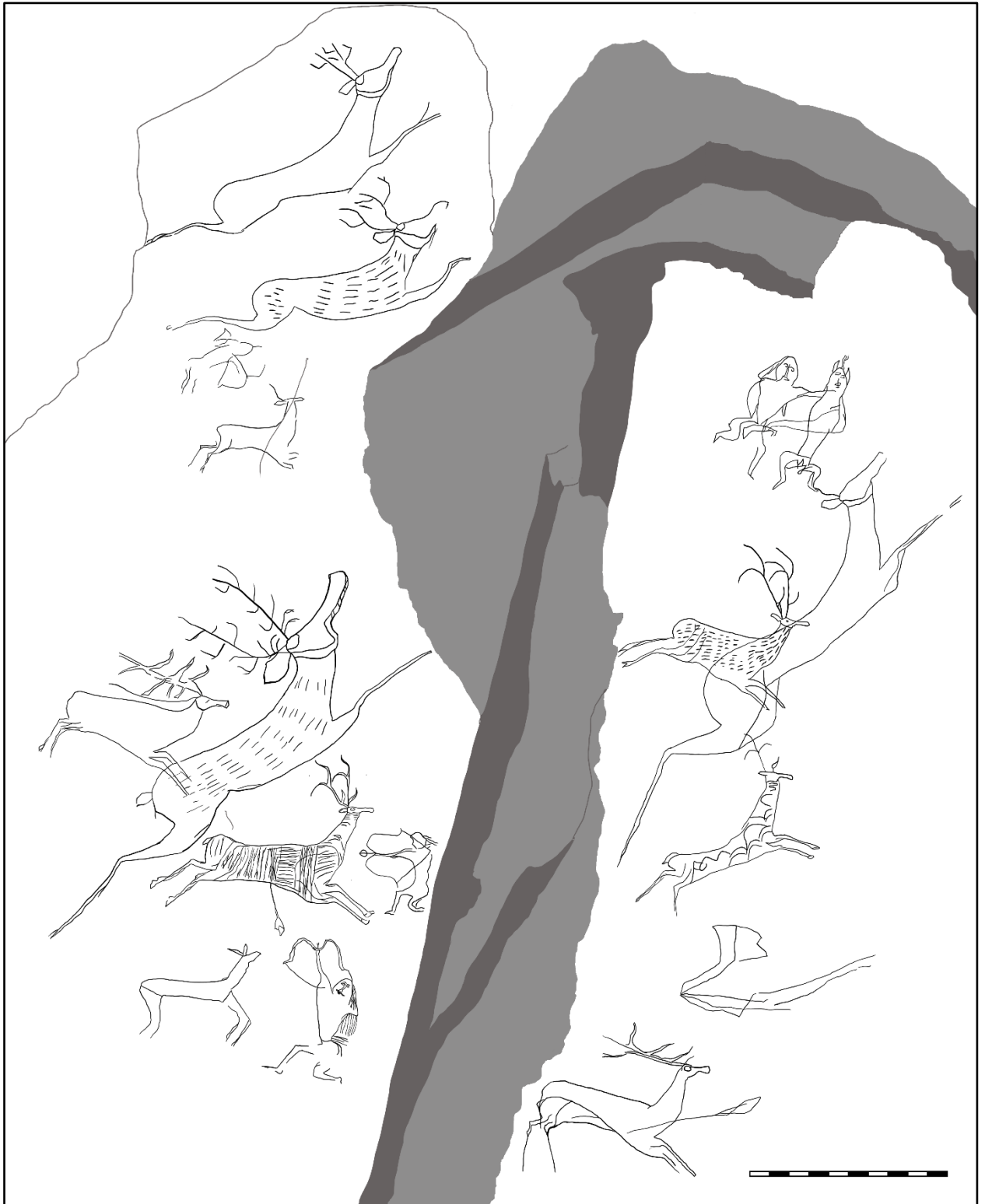

Рис. 91. Прорисовка изображений Талда.

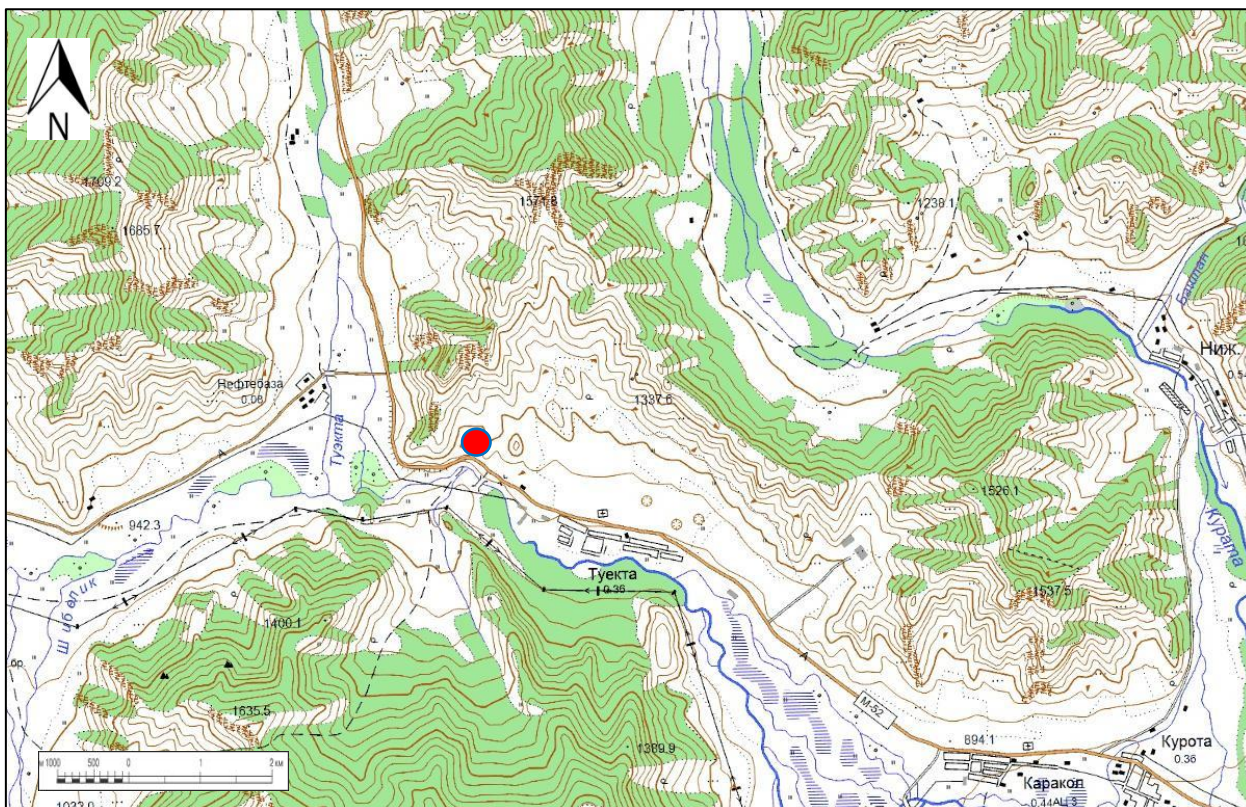

Рис. 92. Памятник Туекта на топографической карте.

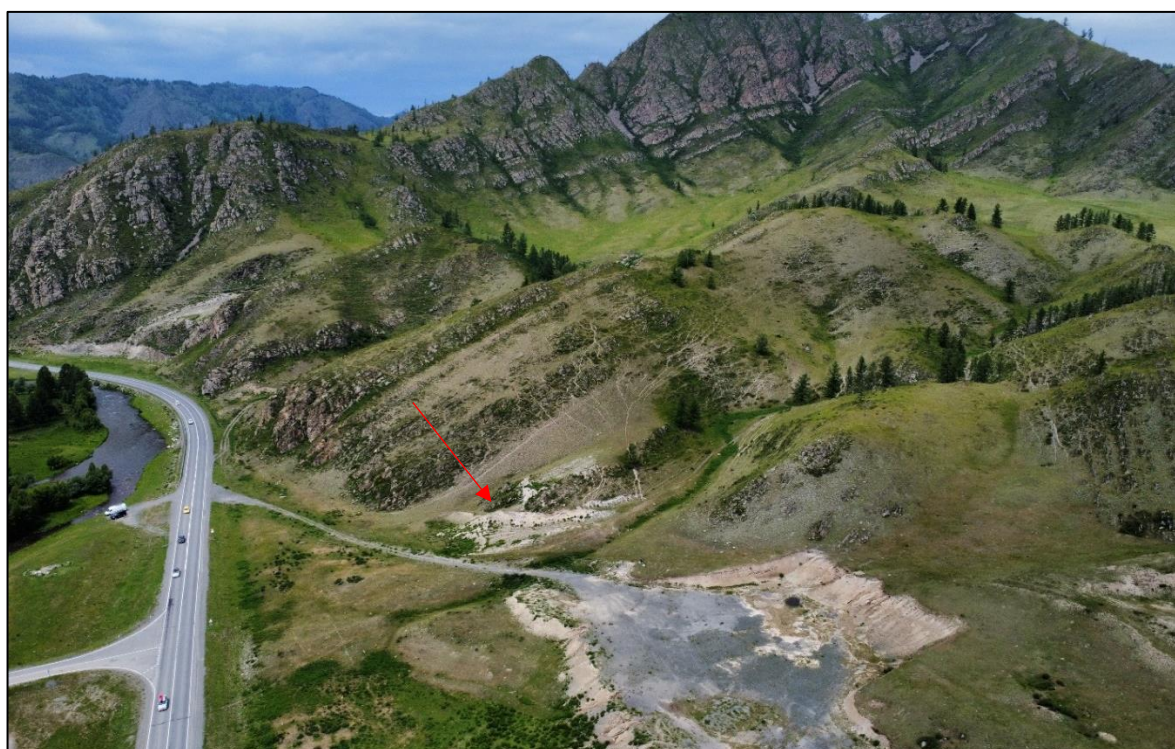

Рис. 93. Памятник Туекта (стрелкой указано расположение плоскости с петроглифами). Вид с юго-востока.

Рис. 94. Фотография плоскости с изображениями Туекты и их прорисовка
(по: Martynov, Miklashevich, 1995).

Рис. 95. Памятник Усть-Кан (выделен кружком) на топографической карте.

Рис. 96. Вид на Канскую степь с западной стороны. Фото с дрона.
Стрелкой указано местонахождение петроглифов Усть-Кана.

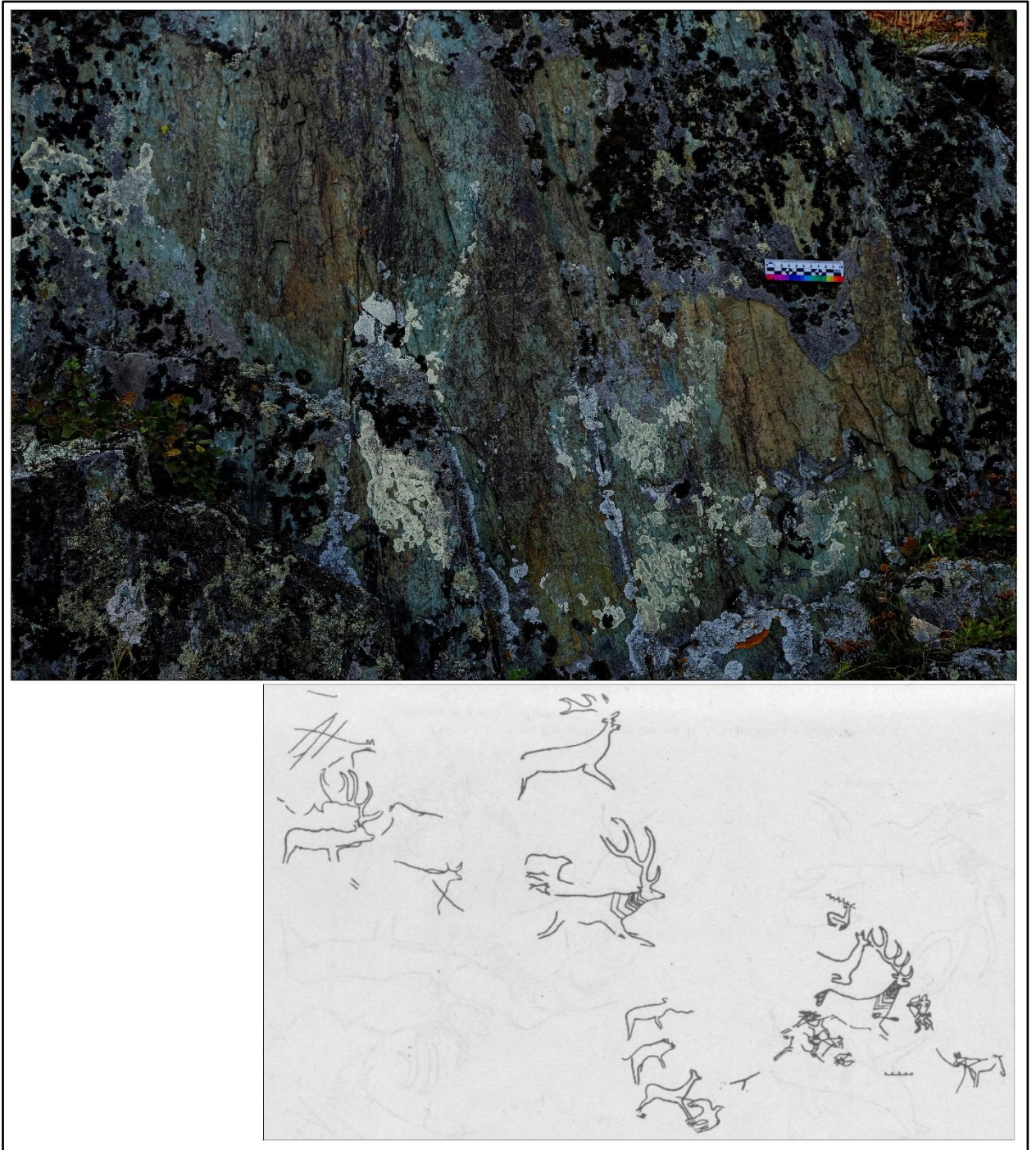

Рис. 97. Фото плоскости и прорисовка изображений Усть-Кана (по: Елин, Некрасов, 1994).

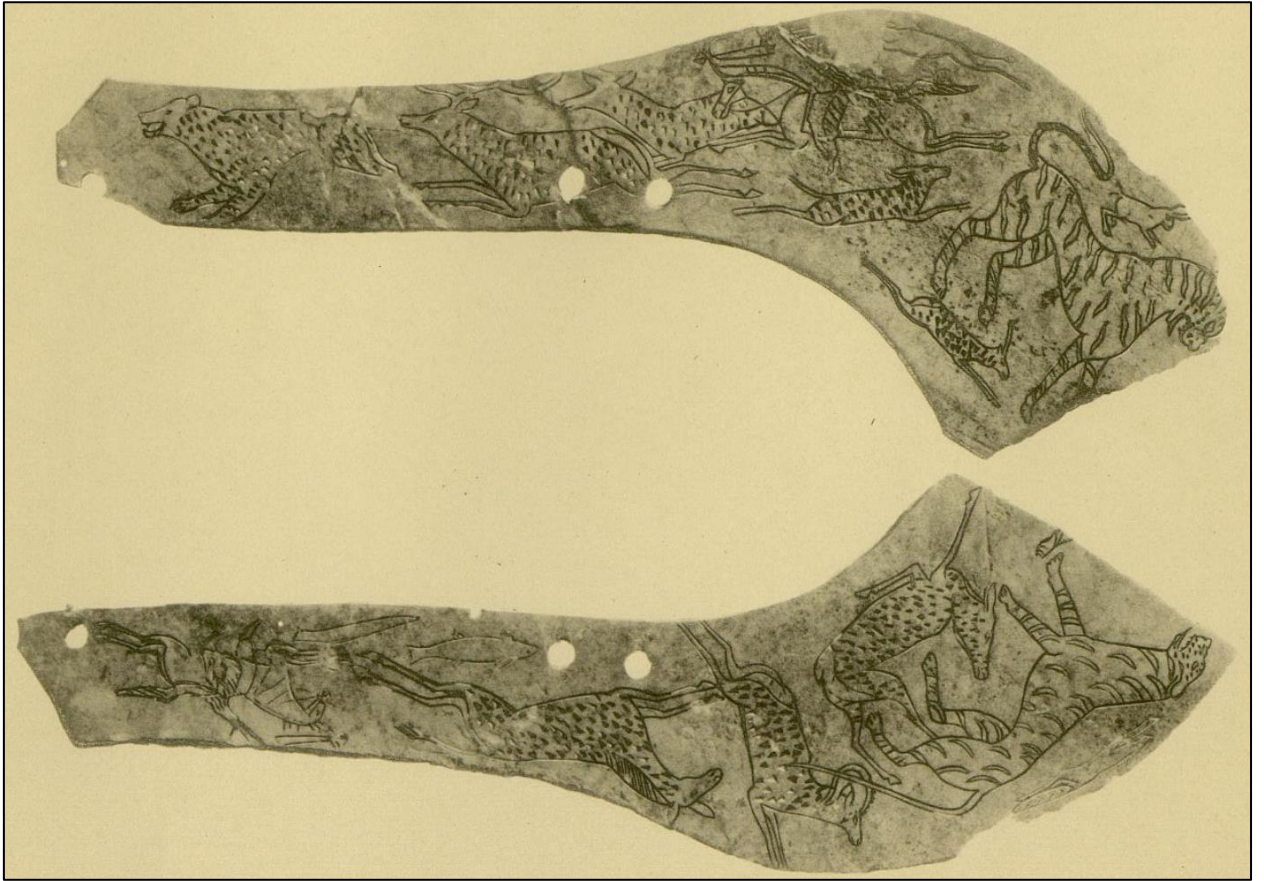

Рис. 98. Роговая облицовка передней луки седла из могилы 9 (Кудыргэ) (по: Гаврилова, 1965, Табл. 16).

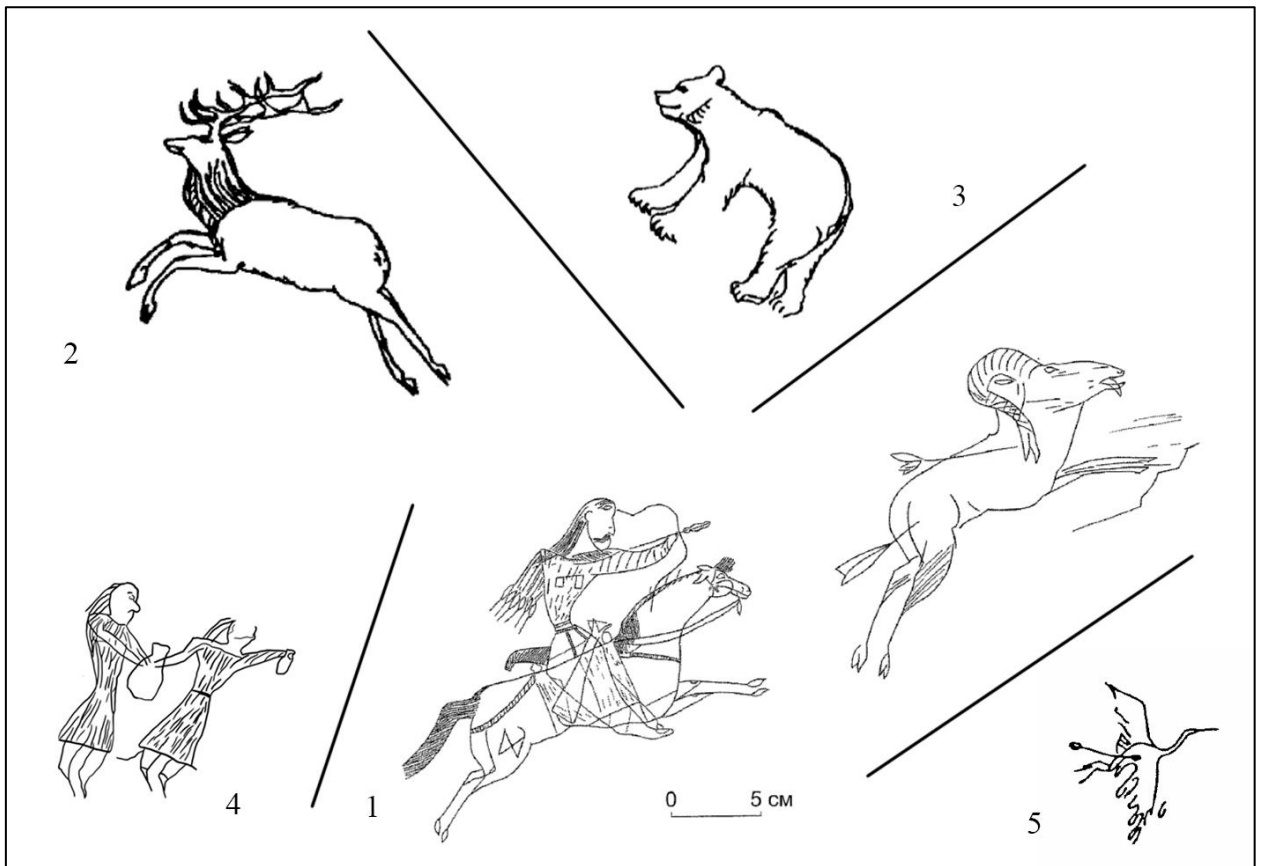

Рис. 99. Примеры наскальных изображений первой стилистической группы.
 1 – Чаганка (по: Черемисин, 2004, рис. 7); 2, 3 – Кургак (по: Кубарев, 2001, рис. 3); 4 – Сетерлю-1; 5 – Тукта (по: Martynov, Miklashevich, 1995, fig. 3).

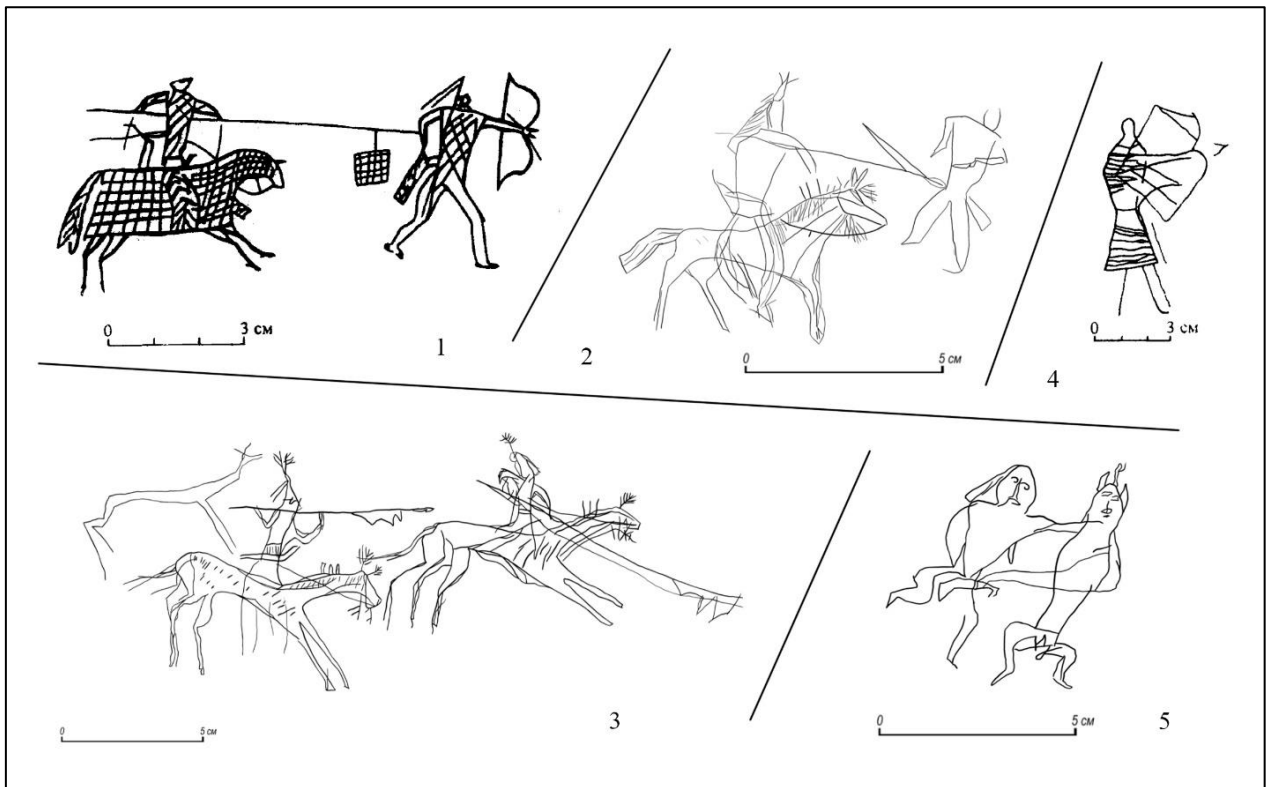

Рис. 100. Примеры наскальных изображений второй стилистической группы.

1 – Жалгыз-Тобе (по: Кубарев, 1999, рис. 8-1); 2 – Дялбак; 3 – Сетерлю-1;

4 – Бичикту-Бом (по: Кубарев, 1999, рис. 8-3); 5 – Талда.

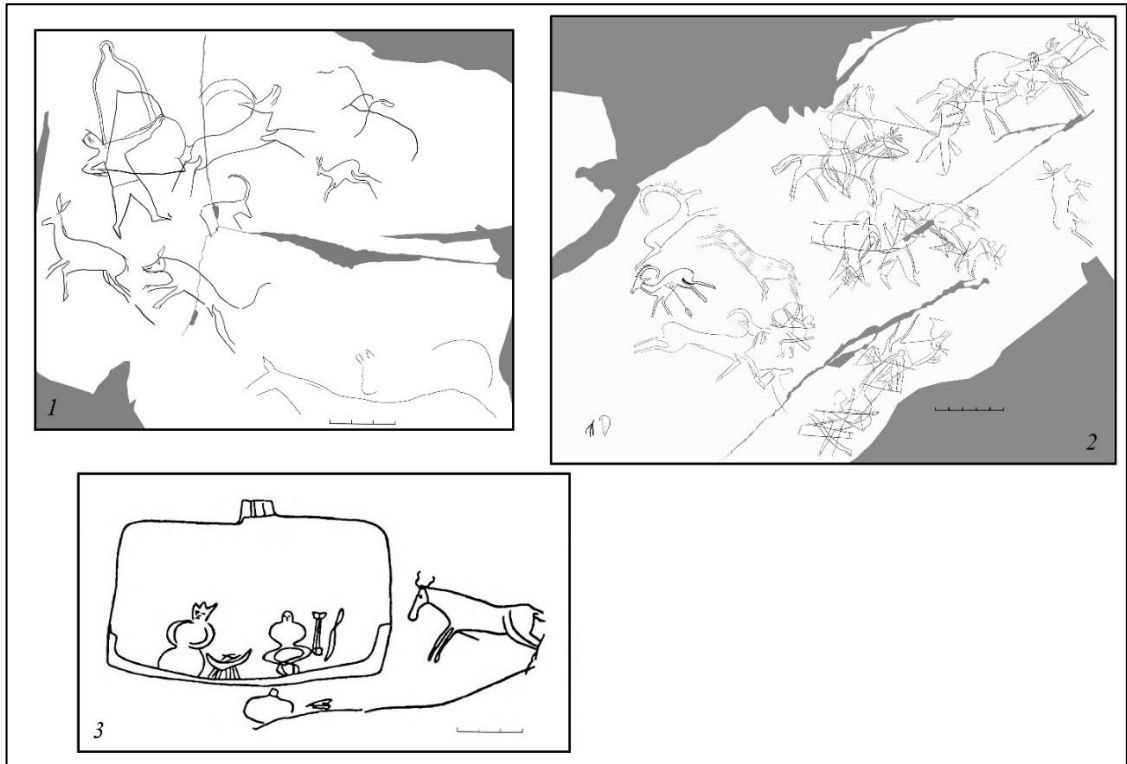

Рис. 101. Изображения жилищ (юрт). 1, 2 – Дялбак; 3 – Бичикту-Бом (по: Кубарев, 2003, рис. 1).

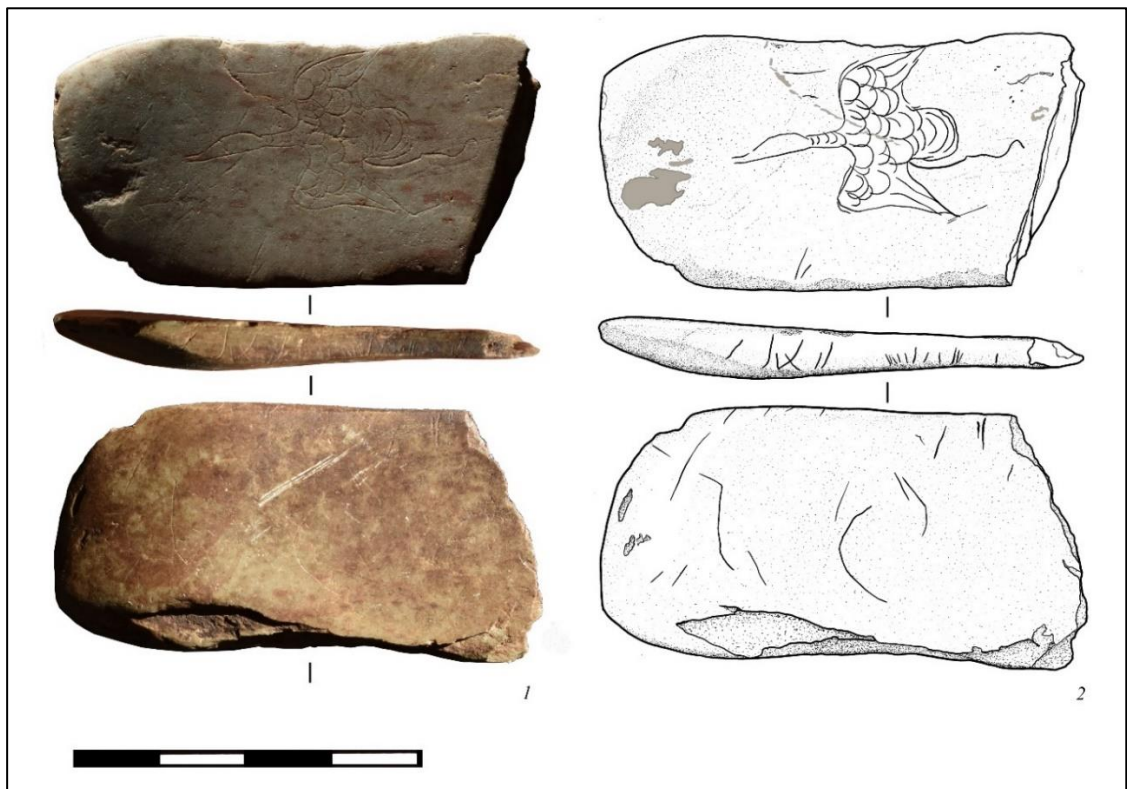

Рис. 102. Плитка с гравированным изображением утки с поселения Купчегень-1 [по: Константинов, Урбушев, 2023].